

Сергей
Зинин

A black and white portrait of a young man with dark, wavy hair, wearing a suit and tie. He is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is a textured, light-colored surface.

НЕИЗВЕСТНЫЙ
Есенин

В плену у Бениславской

Annotation

В публикациях о Сергее Есенине Галине Бениславской обычно отводится роль любимой женщины, верного друга и литературного секретаря поэта. Между тем статус Г. А. Бениславской как его гражданской жены подтверждается многими данными, и она имеет явное преимущество по продолжительности совместной семейной жизни в сравнении с зарегистрированными и гражданскими женами С. А. Есенина. Сергей Александрович неоднократно предлагал Бениславской и официально оформить с ней брачные отношения.

Летом 1925 года перед женитьбой поэта на С. А. Толстой между ними произошел разрыв. Галина тяжело переживала это, лечилась от нервного расстройства, на время уезжала из Москвы. А в декабре 1926 года покончила с собой на могиле Есенина на Ваганьковском кладбище, оставив записку: «3 декабря 1926 года. Самоубилась здесь, хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина... Но и ему, и мне это все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое...».

- [Сергей Иванович Зинин](#)

- ☐ [Женщина в клетчатом кепи. Вместо пролога](#)
- ☐ [Детство](#)
- ☐ [Гимназистка](#)
- ☐ [Вступление в самостоятельную жизнь](#)
- ☐ [Среди белых](#)
- ☐ [Среди красных](#)
- ☐ [Рядом с чекистами](#)
- ☐ [Под гипнозом стихов Есенина](#)
- ☐ [Литературный суд над поэзией](#)
- ☐ [Знакомство с Сергеем Есениным](#)
- ☐ [Соперницы Бениславской](#)
- ☐ [Холостой Есенин](#)
- ☐ [Аня Назарова](#)
- ☐ [Среди имажинистов](#)
- ☐ [Счастливое лето](#)
- ☐ [Поэма «Пугачев»](#)
- ☐ [Айседора Дункан](#)
- ☐ [Дни и ночи тревожных раздумий](#)
- ☐ [Роман с Сергеем Покровским](#)
- ☐ [Возвращение Есенина из-за границы](#)
- ☐ [Жильцы коммунальной квартиры № 27](#)
- ☐ [С милым рай и в шалаше](#)

- Что делать с Айседорой Дункан?
- Проигранное пари
- Смиранный Клюев
- Последние встречи с Айседорой Дункан
- Защитница
- «Галя — моя жена...»
- Строптивый Алексей Ганин
- Дело 4 поэтов
- Выселение Есенина
- Больничный период
- Попытка достучаться
- Ревнивец Александр Сахаров
- Напрасное ожидание
- Литературный секретарь
- Заботница
- Галина Бениславская и Екатерина Есенина
- Галина Бениславская и Александра Есенина
- Новогодняя любовная эпопея
- Софья Толстая
- Поездка в Константиново
- Сельская свадьба
- Обиженный Василий Наседкин
- Горькое расставание
- Последнее письмо
- Осень 1925 года
- Смерть Есенина
- Без Есенина
- Напряженное лето 1926-го
- Роковой шаг
- Вместо заключения
- Использованная литература

Сергей Иванович Зинин
Неизвестный Есенин. В плену у
Бениславской

Женщина в клетчатом кепи. Вместо пролога

В последний день своей жизни Галина Артуровна Бениславская была спокойной и сосредоточенной. Уходя из дома, она еще раз мысленно проверила, не забыла ли чего. Успокоилась. Кажется, все, что могла, сделала. К вечеру добралась до Ваганьковского кладбища. Уверенно по снежной тропинке дошла до нужной могилы. Пристально оглядела место погребения поэта. Это была простая, почти деревенская, летом заросшая травой, а зимой засыпанная снегом могила. Неухоженной была недалеко видневшаяся могила поэта Александра Ширяевца, друга Есенина. Вздохнув, Галина подумала, что уже скоро год будет, как умер Сергей, а на могиле нежнейшего русского лирика нет даже надгробной плиты с именем «Есенин». Ей говорили, что некоторые любители есенинской поэзии не раз поднимали вопрос о начале сбора средств на памятник любимому поэту и установку его на месте захоронения. Один сибирский журналист, чтобы перейти от слов к делу, для начала предложил поставить хотя бы маленький, простенький черный камень с Алтайских гор. Но дальше разговоров дело не двигалось. Ни у родственников поэта, ни у нее самой денег для приличного надгробия на могиле поэта не было. Вздохнув, подумала, что сейчас не это для нее главное. В мыслях она была в плену скорой встречи с дорогим и любимым человеком.

Галина присела на лежащий сухой сук. Закурила. Стало темнеть. Тихо, мрачновато, но страха не было. Еще острее почувствовала свое одиночество среди этих могил, крестов и стоявших вдалеке памятников знатым горожанам.

Вытащила револьвер. Проверила патроны. Как все, оказывается, просто в жизни: нажми на курок — и ты уже никогда не увидишь все то, что тебя сейчас окружает.

Медленно поднесла револьвер к виску. Вздохнула... и нажала на спусковой крючок. Щелчок... Окружавший мир все так же стоял на месте. Осечка... Досадно.

Галина не удивилась, что выстрела не было. Значит, так надо, вероятно, она что-то еще не успела сделать. Отчетливо представила, как будут обсуждать ее самоубийство. Вытащила из сумочки папиросную бумагу. Рука немного замерзла. Подложила под бумажку папиросную коробку. Стала выводить на бумаге каракули, пытаюсь что-то написать в свое оправдание. Прочитала.

«3. XII.1926.

«Самоубилась» здесь; хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина. Но и ему, и мне это будет все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое, поэтому напоследок наплевать на Сосновского и общественное мнение, которое у Сосновских на поводу.

Если финка будет воткнута после выстрела в могилу — значит, даже тогда я не жалела.

Если жаль — заброшу ее далеко. Первая осечка».

Молча, сосредоточенно воткнула нож в выступавший могильный холмик.

Опять поднесла ствол револьвера к виску. Опять осечка. Но теперь не хотелось писать что-то в оправдание.

Еще раз повторила все сначала. Выстрела опять не было. Вся надежда на принесенный нож.

Возможно, что дальше могло бы все произойти так, как описал, пользуясь слухами, в мемуарах поэт В. Шершеневич: «На зимнем кладбище, на могиле Сережи, скоро нашли мертвую Галю. Она выстрелила в себя несколько раз, но револьвер дал осечки, тогда она покончила с собой острым кинжалом. Рядом лежал револьвер, и в нем несколько патронов были с набитыми капсульками».

Выстрел услышал кладбищенский сторож. Он со страхом, прячась за памятники и ограды, первым подошел к лежащей женщине, которая в клетчатом кепи и темном поношенном пальто лежала на снегу и чуть слышно стонала. Сторож побежал к церкви, вызвал милицию и «Скорую помощь». Женщина уже не дышала. Труп повезли на Пироговку, в анатомический театр. Так трагически оборвалась жизнь 29-летней Галины Артуровны Бениславской.

Детство

О своих родителях Галина не любила говорить. Возможно, ей и нечего было рассказывать, так как она их почти не помнила. Сведения об отце и матери сама узнавала от других.

Галина Артуровна Карьер родилась 16 декабря 1897 года в Санкт-Петербурге. Ее отец, обрусевший француз А. Карьер, женился на Вассе Смирновой, дочери осетинки. В России А. Карьер числился студентом. Очень скоро пристрастился к вину, стал много пить, не проявляя должной заботы о жене и дочери. Через пять лет после рождения Галии ее родители разошлись. Пятилетнюю девочку взяла на воспитание тетка отца. Прожила Галя у нее полтора года. Затем мать забрала свою дочь и уехала с ней к родственникам на Кавказ.

В Тифлисе мать заболела тяжелым психическим расстройством. Галину взяла на воспитание сестра матери, Нина Поликарповна Зубова, врач по профессии. Она была замужем за Артуром Каземировичем Бениславским, работавшим директором больницы в городе Режице (современный Резекне в Латвии). Это был хорошо обеспеченный по тем временам человек. Недалеко от города он имел солидное имение Рыкополь.

Галину отдали учиться в пансионат города Вильно. Здесь она познакомилась и подружилась с Яниной Козловской. Их дружба продолжалась до последнего дня жизни Бениславской.

Дальнейшее обучение Галина продолжила в Варшавской 2-й женской гимназии. Окончила полный курс обучения в гимназии с золотой медалью. 23 августа 1909 г. ученице Карьер Гале по определению Педагогического совета был выдан Похвальный лист, в котором отмечалось ее благонравие, прилежание и отличные успехи в науках.

В имение своего отца она приезжала на летние каникулы. У Артура Каземировича был большой дом с барской конюшней, рядом находились сад и прекрасный парк. Недалеко виднелось живописное Рыкопольское озеро, просматривались поросшие лесом холмы и многочисленные овраги. От этих природных красот Галина приходила в восторг, а близкое знакомство с окружающей местностью развивало в ней любовь к природе.

Барское здание в имении было большим, но не выделялось шикарностью и архитектурной помпезностью. Дом хорошо вписывался в естественную окружающую природу. В имении была приличная библиотека, основу которой составляли книги русских, французских и польских классиков. Кроме чтения книг Галина любила заниматься лошадьми. Она могла подолгу

возиться с ними в конюшне или сломя голову скакать по окрестным лугам и холмам.

Раза два на летний отдых с Галей приезжала ее подруга по гимназии Наталья Чхеидзе. «Имение было весьма запущено, но это в моих глазах лишь увеличивало поэтическую прелесть его быта, — вспоминала Н. Чхеидзе. — Имение раскинулось в полосе богатого смешанного леса, перемежающегося широкими просторами возделанных полей. В лесной чаще залегли болота, и местность была испещрена серо-голубыми озерами. Старый дом Бениславских, ничем не примечательный, с разбитым полом и скрипучими дверьми, стоял в тенистом саду, на берегу небольшого озера, заросшего белыми кувшинками.

Здесь во всей полноте раскрылась для меня еще одна сторона Галиной натуры. Это — ее близость к природе, ее подвижный, спортивный дух. Галя отлично ездила верхом, плавала и ныряла, стреляла из ружья, правила запряженной парой. За своим верховым конем, горячим, золотисто-рыжим Медором, Галя ухаживала сама, купала и холила его. По воскресным дням всей семьей ездили охотиться за десятки километров от дома. Великолепна бывала Галя, когда садилась на козлы и, натянув поводья, щегольски отставив локти, гнала запряженную пару по широкой пыльной дороге...».

Местный житель Францис Каспарович Педан вспоминал: «Мы были с нею (Галей) ровесниками, но она казалась взрослее. Я, как соседский сын, часто бывал в имении, и Артур Казимирович несколько раз доверял мне сопровождать Галину во время конных прогулок или на охоту. Хорошо помню эту смуглую, озорную и, я бы сказал, отчаянную девушку с пышной черной косой. То была лихая наездница и охотник, меткий стрелок. Бывало, она сумеет подстрелить по нескольку глухарей, а у меня — ни одного. Порой она казалась мне немного странной из-за частой смены настроения».

Галя многим нравилась в имении. Нельзя было не обратить внимания на эту девушку с большими зелеными глазами и почти сросшимися бровями вразлет. Наталья Чхеидзе вспоминала, как управляющий барским имением Антак Урбаневич, человек сравнительно еще молодой и вполне прозаический, не мог не чувствовать обаяния Галиного характера. Нередко, любуясь смелостью и красотой ее движений, он ласково восклицал: «Казачок, казачок!». И в этих словах сквозило не простое любованье жизнерадостной девочкой, а чувство более глубокое, затаенное.

В 1909 г. А. К. Бениславский удочерил Галину Карьер. Теперь она стала носить фамилию и отчество приемного отца, который

ее очень любил, постоянно окружая вниманием и заботой. Отчим любил жить на широкую ногу. В его доме нередко устраивались роскошные балы и не менее шумные игры и забавы. Галина не проявляла к такой жизни повышенного интереса. Она сторонилась громкого веселья, любила уединение. Для знакомства с историческими достопримечательностями ездила в Ригу, Лудзу и другие латвийские города.

«Галя жила всецело миром, открывавшимся ей в учении и поэтической природе, — вспоминала Н. Чхеидзе. — Я даже помню, мы, подруги, сообща придумали ей некоего Рувима, юношу с печальными глазами, вздыхающего по «миллой Галендухе» (этот вариант имени Галина мы вычитали в тогдашнем календаре). На добродушные подтрунивания подруг Галя отвечала не менее добродушной улыбкой. Видимо, чувство юной Гали еще молчало в те годы, подспудно зрея до срока, когда жизнь связала ее судьбу с судьбой большого поэта России, Сергея Есенина».

Гимназистка

В 1912 году Галина Бениславская со своей тетей Н. П. Зубовой переехала в Петроград, где поступила, сдав экзамены, в IV класс Преображенской восьмиклассной женской гимназии. «Помню, как к нам в четвертый класс, — вспоминала Наталья Чхеидзе, — поступила новая ученица, сразу обратившая на себя внимание девочек. Необычайной показалась сама внешность новенькой. Ее большие серо-зеленые глаза были оттенены черными, сросшимися над переносицей бровями; густые косы каштановых с медным отливом волос ложились на плечи, как бы обрамляя естественной рамой лицо. Разговаривая, Галя слегка склоняла голову набок и внимательно смотрела на собеседника, словно вслушиваясь в него своим мягким, проникновенным взглядом».

Преображенская женская гимназия была основана в 1906 году группой петербургских учителей, энтузиастов и подвижников своего дела. Они в 1904 г. выкупили на улице Потемкинской принадлежавший А. Г. Дубасовой дом № 5, который затем перестроил архитектор Гавеман. Вскоре в здании разместилась Преображенская новая школа товарищества учителей (8-классная женская гимназия).

Многие преподаватели Преображенской гимназии окончили курсы П. Ф. Лесгафта, получившие известность как один из центров революционного студенчества Петрограда. Система обучения в гимназии отрицала педагогическую рутину и официальную казенщину, характерные для многих учебных заведений того времени. Отношение к учащимся в гимназии строилось на демократических принципах. Гимназисткам разъясняли их права, учитывали их индивидуальность и постоянно поддерживали тягу к знаниям.

«В учащихся старались пробудить, — вспоминала Н. Чхеидзе, — прежде всего живое, творческое отношение к знаниям, развить активное мышление, подлинный интерес к изучаемому предмету. Русская литература преподавалась в широкой связи с общественно-историческими процессами в свете работ Белинского, Добролюбова, Писарева и новейших передовых авторов, а уроки рисования чередовались с кратким курсом истории изобразительных искусств.

Для ознакомления с производственно-трудовыми процессами учениц водили на крупнейшие заводы, в ремесленные мастерские. Основы геологии и палеонтологии изучались во время экскурсий по окрестностям Петрограда, а ученицы старших

классов совершали исторические экскурсии в Новгород, Нарву, Ригу, другие древние города. Даже такой урок, как пение, был связан с изучением песенной культуры, не только русской, но и украинской, немецкой, французской, а также хоровых и дуэтных номеров из опер».

Среди девочек Галина выделялась не только внешностью, но и своим ровным, спокойным характером. Ей чуждо было тщеславие, обидчивость. «Про нее в полном смысле можно было сказать, — вспоминала Н. Чхеидзе, — что это натура светлая и щедрая, благодаря чему Галя очень скоро была любимицей подруг и учителей».

Успехи в учебе у Галины Бениславской были блестящими. Увлекалась литературой и историей, но наибольший интерес проявляла к естественным учебным дисциплинам. Насыщенной была и ее жизнь во внеучебное время. Она любила участвовать в вечерах ученической самодеятельности, часто ходила на концерты видных певцов и актеров. Я. Козловская вспоминала: «Помню, в 1916 г. зимой мы с Галей пошли в Петроградскую городскую думу на Невском. В ту пору там часто устраивались литературные вечера, на которых выступали поэты и писатели. Сбор шел в пользу семей погибших на фронте воинов. На этот раз выступали И. Северянин, большой, Р. Ивнев и др. Объявили о выступлении Клюева. С Клюевым вышел голубоглазый златокудрый паренек, одетый в стиле «рюс», в бархатных брюках, в вышитой шелковой рубашке, в лакированных сапожках. Нам не понравился его «рязанский» вид, но когда он начал читать свои стихи о природе, о Родине, такие свежие, нежные (это особенно чувствовалось после вычурности Северянина и Бальмонта), мы слушали, как зачарованные. Когда он кончил, я спросила у соседки по креслу, как его фамилия. Она сказала: «Сергей Есенин».

Галина Бениславская считалась среди гимназисток заядлой театралкой, так как старалась не пропустить в театрах столицы ни одного полюбившегося спектакля. В воскресные дни она с подругами знакомилась с полотнами выдающихся русских и зарубежных художников в залах Эрмитажа и Русского музея. Эту любовь к поэзии и искусству она сохранила до конца своей жизни.

О ее любви к природе, тонкой наблюдательности и самостоятельном взгляде на окружающую жизнь свидетельствует сохранившаяся небольшая поэтическая зарисовка «Милая незабудка, упавшая к нам весною...», написанная Г. Бениславской 24 января 1917 г.:

«Наступила весна!

Предчувствие света и тепла наполняло грудь и заставляло дышать радостнее и глубже.

Что-то нежное, неуловимое, как счастье, было в воздухе, ласкало и волновало душу.

Радостное, безудержное чириканье птиц, шелест молодых почек — все это было так прекрасно, что казалось — в жизни есть только свет, тепло и счастье, все грозы и бури казались сном — и сердце само начинало чирикать, как воробей.

Лес начинал просыпаться, готовился к новой жизни.

Внизу, у подножья этих молодых белых берез распустилась чудная, нежная фиалка. Она была так хороша, так нежна, так прекрасно-задумчива, что все другие цветы, росшие около нее, все склонили свои венчики к ней. Эта фиалка была глазом самой Весны. Все задумчивое обаяние Весны, нежная радость раннего тепла и солнечная ласка, такая светлая и волшебная, та ласка, какая бывает пока еще не совсем стаял снег и не распустились деревья, — все это выражал этот волшебно-звездный глазок Весны.

А милая, нежная фиалка сама не знала, что в ней таилось. Она нежно и скромно цвела, чаруя всех своим ароматом и своим задумчивым обаянием.

Кругом ее снег уже стаял, начинала пробиваться зеленая травка. Недалеко показались из-под прошлогодней листвы два подснежника. Один из них, еще не распрямив стебелька, уже увидел нежную, легкую фиалку и потянулся к ней еще нераскрывшейся чашечкой. Фиалка ласково глядела на него — и он начал тянуться к ней на своем молодом стебельке. Другой выкарабкался из земли немного позже, и фиалка не обратила на него внимания, но он радостно и бодро оглядывался вокруг и, увидев фиалку, тоже потянулся к ней. В это время пошел снег,

было скучно, и холодно, и страшно и не было никого вокруг ласкового и нежного. Теперь уже оба подснежника тянулись к чудной фиалке.

Подснежники не были одного корня, но так тесно росли, что их стебельки переплелись и оба тянулись в одну сторону. Снег по временам падал, потом переставал, но подснежники не боялись его. Они были вместе, и около них неподалеку была нежная фиалка. И подснежники росли все к ней. Младший вытянулся больше, но его стебелек сделался тонким, тонким, тонким, и сам он делался все слабее и печальнее.

А фиалка теперь уже не смотрела на них — ведь вокруг к ней тянулось столько цветов! И подснежники были незамеченными, но все же не могли расти в другую сторону. Они ничего не видели вокруг, они отворачивались от солнца, чтобы видеть фиалку.

И не выдержал младший подснежник — он тихо склонился на землю и умер у ног любимой фиалки. Другой был крепче и бодрее. Он помнил ту минуту, когда фиалка посмотрела на него ласково, и все рос и рос. Он растет и теперь, и все к фиалке, и он дорастет до нее — только когда — не знаю, может, уже дорос даже».

Обучение в гимназии способствовало не только духовному развитию Галины, но и серьезно готовило ее к самостоятельной жизни. В Петрограде она жила в доме приемных родителей. Ее тетя, Н. П. Зубова, отличалась властным характером, проявляла требовательность во всем, поэтому отношения в доме не всегда были ровными. Тетя-мама была постоянно загружена на работе, времени на воспитание Гали не оставалось. Но Нина Поликарповна всячески поддерживала развитие у девочки благородных чувств, старалась их оберегать, к этому призывала и ее близких подруг. В одной из записок подруге Гали она писала: «Помни, что Галя очень ласковая и впечатлительная, щади в ней эти два золотых качества, которые могут сделать ей в жизни большое зло. Не найдет ласки в людях, не поймут ее впечатлительность или не пощадят ее, поняв. Ты знаешь, она чувствовала еще дома, что я уезжаю».

Девочка жила свободно. Наталья Чхеидзе вспоминала, что Галя росла, «не стесненная родительской «опекой», в чем мы, одноклассницы, сделавшись повзрослее, стали ей откровенно

завидовать».

В квартире Бениславских у Галины была своя комната, в которой она поддерживала уют и порядок. Здесь часто собирались подруги, спорили, веселились. Взрослея, в разговорах не обходили и такие деликатные темы, как любовь, отношения с мальчиками. На стене комнаты висела репродукция «Данте и Беатриче» с картины малоизвестного художника. Этот сюжет также привлекал внимание гимназисток, вызывал возбужденное обсуждение.

В своих чувствах Галина внешне старалась быть сдержанной. Отношения с юношами у нее редко вызывали душевные волнения. «Единственное увлечение до тех пор, — вспоминала позже Г. Бениславская, — я испытала в 1916 г. Как мне вообще свойственно, это был порыв. Были даже поцелуи. Но через два месяца всякое чувство само собой прошло. И с тех пор до Сергея Александровича мне и не снилось, что я способна полюбить».

Она могла с юношами больше говорить о поэзии, об искусстве, но не более. В 1917 году, когда жила летом в имении отца, познакомилась с Михаилом Маковым из Казани. После нескольких встреч юноше показалось, что он сумел чуть-чуть проникнуть в ее душевный мир. В конце июля 1917 г. из Казани прислал послание, в котором как бы предсказывал будущую любовь Галины:

«Если я издеваюсь нередко над любовью твоею к луне, — писал Михаил, — то поверь же, ночная соседка, потому что ты дорога мне. Потому что мне больно и жалко, потому что пугаюсь я сам, когда ты — богатырь и нахалка — покоряешься жалким словам. Когда ты, находясь под гипнозом, видишь все сквозь неясный туман, веришь слезам, и грезам, и розам и не чувствуешь, что это обман. Когда ты в постоянстве экстаза, забываешь характер и ум, и влечет тебя глупая фраза, но одетая в стильный костюм. И боюсь я, что милый твой разум покорит каждый наглый поэт, если только к изысканным фразам он прибавит и модный жакет».

Оценка Михаила понравилась Галине. Она переписала текст письма в свой дневник.

Вступление в самостоятельную жизнь

В 4-м классе гимназии Галя еще больше сдружилась с Яной Козловской, также приехавшей с родителями в Петроград. По темпераменту они были разными, но у них быстро определилась общность вкусов и интересов. Яна была дочерью известного революционера М. Ю. Козловского, одного из основателей социал-демократической партии Польши и Литвы. В семье Козловских революционные взгляды не скрывались. Неудивительно, что протест дочери против самодержавия и социальной несправедливости в стране с годами осознанно сформировался. Яна делилась сокровенными мыслями с подругой, зная, что та ее не предаст.

Яна познакомила Галю со своей семьей. Ее отец, Мечислав Юльевич Козловский, был профессиональным революционером. Во время революции 1905 года состоял членом военно-революционной организации и стачечного комитета в городе Вильно (ныне Вильнюс). После подавления революции эмигрировал. В 1907 г. — делегат V съезда РСДРП в Лондоне. Начиная с 1909-го, проводил революционную агитацию в союзе металлистов Санкт-Петербурга. Во время Февральской революции 1917 г. входил в Исполком Петроградского совета и ЦИК 1-го созыва, а также исполнял обязанности председателя Выборгской районной думы. Участвовал в работе Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. Представлял интересы РСДРП(б) на судебном процессе 5 мая 1917 г. о выселении ЦК и ПК РСДРП(б) из особняка балерины Кшесинской на Кронверкском проспекте.

В начале июля 1917 года М. Ю. Козловского вместе с Лениным, Зиновьевым и другими революционерами Временное Правительство обвинило в измене по делу о «немецком золоте». 6 июля он был арестован у себя на квартире, но 31 августа 1917 г., после подавления Корниловского мятежа, был отпущен под залог и переведен из «Крестов» под домашний арест.

В семье Козловских Галина Бениславская познакомилась с большевистскими идеями. Чуткая и отзывчивая по натуре, она постепенно уверовала во многие принципы большевиков, которые ей разъясняла Яна, многому научившаяся у своего отца. Подруги проходили на практике серьезную школу приобщения к общественно-политической жизни. В мае 1917 года Яна и Галя вступили в социал-демократическую партию большевиков, стали

активно участвовать в различных митингах и демонстрациях, разносили листовки и раздавали солдатам обеды.

Завершение учебы Галиной в гимназии совпало с огромными социально-политическими переменами в России. Падение самодержавия во время бескровной Февральской революции 1917 года и приход к власти Временного правительства отразились на ее дальнейшей судьбе.

Галине Бениславской 4 мая 1917 г. вручили Свидетельство № 9582 об окончании женской гимназии. По основным предметам получила отличные оценки, хорошие — по французскому и немецкому языкам. На основании утвержденного в России Правила от 31 августа 1874 года такие оценки давали право на получение золотой медали.

После окончания общего курса учебных дисциплин в Преображенской женской гимназии Галина поступила в 8-й дополнительный класс частной гимназии М. Д. Могилянской «для специального изучения русского языка и математики». Проучилась недолго. По всем обязательным и специальным дисциплинам получала отличные оценки. Но не успехи в учебе, а радикальные взгляды Галины в защиту бедных вызывали раздражение А. Бениславского. Ссорами между падчерицей и отчимом нередко заканчивались многие попытки отстоять свою точку зрения. 24 мая 1917 г. Галине выдали Временное свидетельство, в котором кроме оценок было указано, что она «вероисповедания православного», но в графе после слова «дочь» вместо фамилии приемного отца А. К. Бениславского стоял прочерк.

Чтобы оторвать Галину от бурной политической жизни в столице, приемные родители в июле-августе 1917 г. отправили жить ее в имение Рыкополь. Здесь она 27 августа 1917 г. получила выданное уездным комиссаром Временного правительства города Режица удостоверение, в котором сказано: «Дано сие гражданке Галине Артуровне Бениславской в том, что она постоянно проживает в имении Рыкополь Ковнатской волости».

Перед отъездом в поместье Галина Бениславская подала заявления для поступления на Петроградские высшие женские курсы на физико-математический факультет и на такую же специальность в Петроградский университет. Директор высших женских курсов вскоре прислал уведомление, что ее приняли в число слушательниц и что занятия начнутся 2 октября 1917 г. Положительно решался и вопрос о зачислении в университет после оплаты нужной суммы за обучение в первом семестре. Но все замыслы получения высшего образования остались

неосуществленными, хотя Бениславская начала ходить на занятия в университет. Возможно, что основной причиной ухода из вуза явились ее серьезные разногласия с приемным отцом и тетей.

Бениславская избрала иной путь. Чтобы уйти от опеки приемных родителей, проверить на практике свою самостоятельность, она неожиданно переезжает в Харьков, предварительно получив Свидетельство комиссара Временного правительства, подтверждающее, что она является постоянным жителем Петрограда. Запаслась и отпускным билетом слушательницы Петроградского университета для отъезда в Харьков. Свое высшее образование Галина продолжила в Харьковском университете. Училась успешно. 11 октября 1918 года ей выдали удостоверение Харьковского университета для свободного повсеместного проживания. Окончить университет и получить диплом о высшем образовании в Харькове не удалось. Последний зачет она сдала 3 апреля 1919-го.

Среди белых

Обучение в Харьковском университете было прервано из-за обострившейся обстановки в стране. После прихода к власти большевиков, разгона Учредительного собрания и установления однопартийной системы вспыхнула Гражданская война, расколовшая общество и вынудившая нередко брата воевать с братом, друга с бывшим другом, если они расходились во взглядах или по-разному оценивали текущие политические события.

На юге России против большевиков выступило движение белых, возглавляемое генералом Деникиным. Под его знамя встали сотни офицеров, верных присяге свергнутому царю, тысячи солдат и казаков. В это время Красная Армия проходила начальную стадию формирования, не имела опыта ведения военных действий. Под натиском хорошо обученных частей Белой армии красные вынуждены были начать отход на север.

Город Харьков оказался в руках деникинских войск. Галина понимала, что ей, как члену партии большевиков, вряд ли будет пощада, поэтому решила покинуть город. Направилась в сторону боевых действий, надеясь, что при удобном случае сможет перейти линию фронта и попасть на территорию красных.

Задержали ее при проверке документов и подвергли аресту. Вызвало сомнение, что девушка со студенческим билетом Харьковского университета без уважительных объяснений покинула город и устремилась на север, где идут военные действия. Для выяснения Галину отправили под конвоем в ближайший штаб деникинской дивизии. Все бы могло закончиться трагично, если бы не счастливый случай. Неожиданно в штабе она столкнулась с приемным отцом А. Бениславским, который служил военным врачом в Белой армии. Он остался верен своим верноподданническим взглядам. Встреча с Галиной его удивила, но одновременно и обрадовала. Они не виделись несколько лет. Победило отцовское чувство. А. Бениславский пошел в штаб и заявил, что это его дочь, которую тут же освободили.

Своих намерений о возможности перебраться в Москву Галина не стала скрывать от Артура Казимировича. Это его не обрадовало, но и противиться ее желанию он не стал. Для безопасного нахождения в районе боевых действий отчим выдал Галине удостоверение сестры милосердия Кабардинского полка, который где-то под Белгородом принимал участие в наступлении Добровольческой армии. В удостоверении, правда, для

конспирации заменили имя Галина на Екатерину. Также выдали необходимое в таких случаях обмундирование для сестры милосердия. Попрощались дружески, понимая, что теперь их пути-дороги окончательно разошлись. О встречах в будущем не говорили.

28 августа 1919 года Галина выехала из Харькова как сестра милосердия в сторону Белгорода. В дороге узнала, что красные войска Белгород покинули. В тревожном состоянии она в 12 часов ночи стояла на белгородском перроне, не зная, что делать дальше. Возвращаться в Харьков не хотела. Решила твердо придерживаться своей легенды: она — медицинская сестра и ей нужно срочно прибыть в 80-й Кабардинский полк, который, как ей рассказывали, расквартирован между Ржевом и Обоянью.

Неожиданно подошла к Галине незнакомая барышня.

— Вы, сестрица, до Ржевы, кажется, говорили, едете, — обратилась незнакомка, — я тоже — поедem вместе, я с моим братом еду в Обоянь.

Стали интересоваться у дежурного по станции, когда будет поезд на Ржев. Не заметили, как рядом оказался офицер в красивой бархатной куртке. Своими манерами напоминал хорошо воспитанного человека, поэтому на девушек произвел впечатление.

— Сестрица, я могу вам предложить мой поезд, он отходит через пять минут! — предложил офицер.

Немного поколебавшись, Галина приняла предложение. С ней решили ехать Зина и ее брат, обоянские попутчики. Офицер повел их к своему поезду, но перед посадкой в вагон немного застенчиво стал разъяснять девушкам, что офицеры вернулись из города, там напились, нагулялись, поэтому ему необходимо их успокоить и уложить спать. Пришлось разместиться на входной площадке в вагон. Здесь же и познакомились поближе. Молодой офицер, начальник поезда, представился как Вова Залесский. Его поезд был прикреплен к бронепоезду «Офицер». Попутчица до Обояни представилась Зиной, а Бениславская назвалась Катей, как это было записано в ее медицинском документе.

Владимир Залесский родился в Петрограде. Обрадовался, что Бениславская также из Северной столицы. Есть о чем поговорить!

Галя вспомнила, что недавно читала про подвиг поезда-вспомогателя.

— Это ли вспомогатель, выведший из ураганного огня «Офицера»? Там служил поручик Щекин? — спросила она Залесского.

— Да, но поручика Щекина здесь нет теперь! А откуда вы знаете? — переспросил недоверчиво офицер.

— Как же, я слежу по газетам, да тем более такой героический подвиг! — ответила Бениславская.

Такая осведомленность девушки только усилила к ней симпатию Залесского. Он пожелал дамам «спокойной ночи», поцеловал им руки и отправился спать. Завтра опять предстояло ехать в Белгород.

В 6 часов утра Галина со спутниками высадилась во Ржеве. Спать устроились в квартире одного железнодорожника.

После обеда в Ржеве с сестрой милосердия познакомились многие офицеры. Чувствовали себя раскованно, свободно при ней говорили на разные темы, не обходя в том числе и служебные. Один из офицеров пригласил Галю осмотреть тракторную батарею из 26-дюймовых орудий. Офицер-корниловец из белой контрразведки рассказывал, что Ржеву грозит опасность быть окруженным и отрезанным, так как красные готовят наступление.

Контрразведчик не ошибся. 29 августа начался обстрел города красным бронепоездом «Черноморец». Позже Галина запишет в своем дневнике: «Страшная паника, офицеры выскакивают, на ходу надевая шинель (было уже 6 часов). Снаряды бьют прямо по станции. Суматоха бешеная, вытаскивают раненых в обоз, мужики (подводчики) не слушаются, стараются удрать. Делаю вид, что растерялась — не знаю, куда спастись. Бегаю по станции, пока, наконец, не отступает последний бронепоезд «Иван Калита» — при мне снаряд угодил ему в паровоз — он удирает полным ходом. Обстрел усиливается. Слышно, как сыпятся оконные стекла. Выхожу со станции к обозу, к радости последние телеги уезжают (я, на всякий случай, без вещей, чтобы иметь возможность застрять, побежав за вещами). Вдруг снаряды бьют по обозу (по его хвосту), один падает саженья в двух от меня».

Рисковать не хотелось. Осколком разорвало юбку. Галя бросилась в погреб к жителям, чтобы отсидеться. Стрельба вскоре закончилась. Стали высказывать предположение, что броненосец красных «Черноморец» уже стоит на станции. Не тут-то было. В открытую дверь погреба неизвестный мужчина сказал Галине: «Сестрица, за вами солдаты пришли!». Неужели красные что-то заподозрили? Но оказалось, что бронепоезд «Черноморец» был остановлен батареей при подходе к городу. Солдаты же со своим прапорщиком Егуновым пришли спасать сестру милосердия от «лап красноармейцев». Надежда пробраться к красным рухнула.

Следующий день прошел в поисках выхода. Офицеры не упускали возможности поговорить и полюбезничать с сестрой милосердия. Галине даже предложили посмотреть на перестрелку бронепоездов. Она старалась сделать вид, что ей, как медсестре,

не страшны боевые действия, но идти отказалась. Ее пригласили на обед офицеры вчерашнего поезда-вспомогателя. В купе настойчиво предлагали распить с ними водку, выпрашивали у нее кокаин. Еле выдержала этот натиск. Вскоре захмелевшие офицеры заснули.

На следующий день с этим же поездом Галина вернулась в Белгород. Офицерам при прощании сказала, что будет искать штаб Кабардинского полка. К утру добралась до Прохоровки. В штабе дивизии ей сказали, что Кабардинский полк внезапно отступил и с ним потеряна связь. Возможно, что это к лучшему, подумала она. Твердо решила больше не знакомиться с офицерами. С трудом наняла извозчика, чтобы добраться до отдаленного села, но оказалось, что и там идут бои. Пришлось остановиться у родственников подвозившего мужика. Жители опасались, что на них могут напасть казаки, так как село было в их волости. Галя хотела уйти рано утром, но хозяин не пустил, опасаясь, что разведка может ее заметить, арестовать и расстрелять. И только в 9 часов она получила с благословением «добро»: «Ну теперь иди с богом, казаки справа от села, а ты левой тропкой иди на Тычки, пройдешь на Прилепы».

Среди красных

В своем дневнике Галина Бениславская позже записала: «Вышла я смело. Ведь я решила, значит, возврата нет. Если бы поймали казаки и обнаружили мой студенческий билет — я бы бросилась бежать, пока не застрелили бы, а живую бы не далась. Прошла речку не через мост — там, должно быть, патруль был, — а по оставшемуся столбику от кладок. Иду. Мужик косит гречиху».

Галина бодро шла по сельской дороге. Она была уверена, что линия фронта позади, что теперь ее ждет долгожданная встреча с красными. Действительно, вскоре она столкнулась с конным патрулем, который обратил внимание на девушку в одеянии сестры милосердия. Потребовали для проверки документы. Отношение к ней изменилось, когда обнаружили справку, что Бениславская на самом деле числится сестрой милосердия белой армии. Все ее оправдания и объяснения не принимались.

Так она оказалась в особом отделе 13-й армии красных.

Начались допросы. Проводил их начальник Особого отдела Жуковский. Галина заявила, что с мая 1917 года является членом партии большевиков, в последнее время училась в Харьковском университете и любыми способами хотела после начала военных действий на юге перебраться в Москву, поэтому и использовала поддельное удостоверение медицинской сестры Добровольческой армии белых.

Говорила искренно, удивлялась, что ей не верят. На вопрос, где ее родители, она ответила, что родителей нет, а жила и воспитывалась у родной тети в Петрограде. В это чекисты также не поверили.

Галина вспомнила Яну. Ведь это ее отец сейчас у большевиков занимает большой пост. И она рассказала чекистам, что ее хорошо знает старый партиец Мечислав Юльевич Козловский, который не только лично знает Владимира Ильича Ленина, но и работает под его руководством. Чекисты удивились. Девушка произносила хорошо им известные имена руководителей партии и государства. Не сумасшедшая же она! Такими фактами не шутят!

Жуковский знал, что Мечислав Юльевич Козловский действительно работал в Петрограде после Октябрьской революции председателем Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г., а затем стал заместителем наркома юстиции. А вдруг арестованная медсестра говорит правду!

По настоятельной просьбе Бениславской был сделан запрос в

Москву.

И все же сомнения у чекистов не исчезли. Некоторым особистам все казалось яснее ясного. Никакая она не сестра милосердия, а засланная в тыл красных деникинская разведчица, которую надо за шпионаж расстрелять. Неожиданно один молодой чекист запротестовал:

— Ребята, давайте подождем ответа из Москвы, девушка с такими глазами не может быть предательницей. Если я ошибусь, мы всегда успеем ее расстрелять.

Согласились подождать ответа. Сведения Галины о положении белых в районе Харькова и об обстановке в самом городе решили использовать в своей оперативной работе. Несколько дней тому назад из Киева в распоряжение штаба 13-й армии прибыла группа подготовленных разведчиков, которых необходимо было срочно перебросить в тыл деникинской армии в районе города Харькова. Начальник Особого отдела армии Жуковский, по воспоминаниям разведчицы П. Ю. Бокль, «сказал, что приведет к нам одну девушку, которая перешла к нам с деникинской стороны во время боя. Тов. Жуковский просил нас присмотреться к ней, слушать внимательно, что она говорит, и постараться разобраться с ней. Когда появилась эта девушка, мы были поражены ее необычной наружностью. Смуглое красивое лицо, черные кудрявые волосы, густые сросшиеся брови и совершенно неожиданные бирюзовые глаза. Нам всем эта девушка очень понравилась, и мы почувствовали, что она говорит правду. Мы подружились. Скоро нас отправили по назначению, а эта девушка осталась».

Из Москвы наконец-то пришел ответ, в котором М. Ю. Козловский подтверждал членство в партии большевиков Галины Бениславской. Он же ручался за ее преданность революционному делу и благонадежность. Эта депеша послужила основанием для освобождения Галины из-под ареста. Больше всех радовался молодой чекист, которого все звали Фимкой, веривший с самого начала в невиновность Галины. При прощании они договорились встретиться после войны в Москве. Это в будущем действительно произошло. Фимка приходил в гости на квартиру Г. Бениславской, был знаком с ее подругами по квартире. Так случилось, что еще при жизни Гали во время летнего купания в Черном море Фима утонул.

Отпуская на волю, чекисты подозрений с Г. Бениславской не сняли. Особый отдел завел в 1919 году на нее «Дело № 1725 «А», которое было закрыто только в 1920-м. Чтобы Бениславская могла беспрепятственно добраться до Москвы, 7 октября 1919 г. ей выдали в Особом отделе документ за № 4198:

Удостоверение

Особый отдел 13 армии настоящим удостоверяет, что предъявительница сего Галина Бениславская, задержанная при переходе фронта от белых, освобождена из-под ареста ввиду отсутствия признаков преступления. Особый отдел разрешает Г. Бениславской дальнейший проезд до Москвы.

До столицы Галина добралась без приключений, хотя на передвижение потребовалось несколько суток. Время было тревожное. Белая армия продолжала наступать, приближаясь к Москве, железнодорожный транспорт работал с учетом требований военного времени.

Рядом с чекистами

В Москве Галина Бениславская нашла приют в доме Козловских. Жила в одной комнате с Яной. Квартира М. Ю. Козловского находилась в Кремле, в Кавалерийском корпусе. Мечислав Юльевич занимал ответственные посты в молодом Советском государстве. С декабря 1917-го по ноябрь 1920 г. работал в Наркомате юстиции, одновременно замещая должность председателя Малого Совнаркома РСФСР. Используя его авторитет в Прибалтике, его в январе — апреле 1919 г. назначили наркомом юстиции и членом ЦИК Литовско-Белорусской советской республики.

По рекомендации М. Ю. Козловского, Бениславскую приняли на работу секретарем сельскохозяйственного отдела Особой межведомственной комиссии при ВЧК, недавно образованной декретом Совнаркома. В отличие от чекистских органов, занимавшихся оперативной работой против врагов советской власти, в задачу этой комиссии вменялось «изучение всех источников спекуляции и связанных с ней должностных преступлений». В комиссию входили представители ВСНХ, Наркомюста, Наркомпрода, Наркомгосконтроля и других хозяйственных наркоматов, а также один представитель ВЧК. Председателем Особой межведомственной комиссии был утвержден Н. В. Крыленко. Г. Бениславской было приятно работать с человеком почти легендарной биографии.

Крыленко Николай Васильевич был всего на 12 лет старше Г. Бениславской. Родился в деревне Бехтеево Смоленской области в семье политического ссыльного. Окончил в 1909 г. историко-филологический, а в 1914 г. юридический факультет Харьковского университета. Участвовал в революции 1905–1907 годов; вел партийную работу в Петербурге и Москве. С 1911 г. сотрудничал в газете «Звезда», затем в «Правде» и в думской фракции большевиков. Летом 1914 г. эмигрировал в Швейцарию, в 1915-м возвратился в Россию, но вскоре его арестовали. После освобождения из-под стражи в апреле 1916 года был направлен в действующую армию. Во время Февральской революции 1917 г. избирался председателем полкового, дивизионного, в апреле 1917 г. армейского комитетов 11-й армии Юго-Западного фронта. Был делегатом 1-го Всероссийского съезда Советов (1917), членом его президиума от большевистской фракции; членом первого ВЦИК.

Во время Октябрьской революции Н. В. Крыленко назначается членом Петроградского революционного комитета, входил в

состав первого Совета Народных Комиссаров, был членом Комитета по военным и морским делам. С 9 ноября 1917 г. исполнял обязанности Верховного главнокомандующего и наркома по военным делам. С марта 1918 г. переведен на работу в органы юстиции, активно участвовал в организации советского суда и прокуратуры.

Г. А. Бениславской приходилось выполнять различные поручения своего начальника. В основном работа касалась установления связей с различными советскими учреждениями, которые должны были своевременно представлять в комиссию для проверки необходимые документы. «Функции ОМК заключались в проведении ревизий хозяйственных органов, — пишет А. Зданевич, — выработке мер по борьбе со спекуляцией и усилению ответственности должностных лиц. Каких-либо агентурно-осведомительных задач комиссия не имела. Жизнь писателей и поэтов по вполне понятным причинам ее не интересовала — то была епархия секретного отдела ВЧК».

Полномочия Особой междудементальной комиссии были значительными. Их ощущали на себе чиновники советских учреждений, пытавшихся порой игнорировать требования законодательства. Скрупулезная проверка некоторых фактов злоупотреблений советскими чиновниками требовала большой подготовительной бюрократической работы, которой и приходилось в отделе заниматься Г. Бениславской. Она ни в каких оперативных действиях не принимала участия. Ее служебные обязанности были сугубо гражданские, чиновничьи, хотя внешне ее служебное удостоверение многим напоминало службу в ЧК, органа карательного и наводящего на обывателей ужас.

Только один раз Бениславская предложила свою помощь как сотрудница близкой к ВЧК организации. Случилось это летом 1921 года, когда С. Есенин, А. Мариенгоф и Г. Колобов были задержаны на квартире Зои Шатовой, содержавшей подпольную столовую, доступную узкому кругу доверенных лиц.

Зоя Петровна Шатова приехала в Москву из Тамбова. Регулярное посещение ее квартиры различными людьми, да еще с соблюдением конспирации, руководителю чекистской операции ВЧК — ГПУ в Тамбовской губернии Т. Самсонову показалось подозрительным. Чекисты предполагали, что Зойкина квартира является конспиративной точкой встреч представителей крестьянского восстания на Тамбовщине с антисоветски настроенными московскими интеллигентами.

Т.П. Самсонов в 1929 г. в статье «Роман без вранья» + «Зойкина квартира» писал: «Квартиру Шатовой мог навестить не

всякий. Она не для всех была открыта и доступна, а только для избранных. «Свои» попадали в Зойкину квартиру конспиративно: по рекомендации, по паролям и по условным звонкам. В «салон» Зои Шатовой писатель Анатолий Мариенгоф ходил вдохновляться; некий Левка Инженер с другим проходимцем Почем Соль привозили из Туркестана кишмиш, муку и урюк и распивали здесь «старое бургундское и черный английский ром». (...) Здесь производились спекулятивные сделки, купля и продажа золота и высокоценных и редких изделий (...) Здесь же, в Зойкиной квартире, темные силы контрреволюции творили более существенные дела. Враждебные советской власти элементы собирались сюда, как в свою штаб-квартиру, в свое информационное бюро, на свою черную биржу (...). Надо было прекратить это гнусное дело. Для ликвидации этой волчьей берлоги в Зойкину квартиру у Никитских ворот и явились представители ВЧК. Была поставлена засада. В нее попали Мариенгоф, Есенин и их собутыльники».

С. Есенин, Г. Колобов и А. Мариенгоф пришли к Шатовой, когда обыск уже заканчивался. Поняв, в чем дело, они пробовали отделаться шуточками и прибаутками, но чекисты им вежливо и твердо заявили, что с ними шутить никто не собирается. Есенин и Мариенгоф, надвинув шляпы на глаза, успокоились. Только Колобов, размахивая своими мандатами и удостоверениями, кричал, что он никак не может позволить, чтобы его задержали «какие-то агенты ВЧК». Ему разъяснили, что действуют они по закону, что о Г. Колобове уже оповещено его начальство по службе. После этого всю задержанную группу на квартире Зои Шатовой препроводили во внутреннюю тюрьму ВЧК.

Петроградская знакомая Есенина, эсерка Мина Свирская, в это время находилась под арестом и оказалась свидетелем пребывания поэта под следствием. «Летом 1921 года я сидела во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке, — вспоминала М. Свирская. — К нам привели шестнадцатилетнюю девушку, которая приехала к своей тетке из провинции. Тетка содержала нелегальный ресторан. Для обслуживания посетителей она выписала племянницу. Органами ВЧК учреждение было обнаружено. Устроена засада, всех приходивших задерживали. Задержаны были Есенин, Мариенгоф и Шершеневич (на самом деле Г. Колобов. — С. З.). Их привезли на Лубянку. Тетку, эту девушку и еще кого-то поместили в камере, а целую группу держали в «собачнике» и выпускали во двор на прогулку. Я увидела Есенина. Он стоял с Мариенгофом и Шершеневичем довольно далеко от нашего окна. На следующий день их снова вывели на прогулку. Я крикнула громко: «Сереза!». Он

остановился, поднял голову, улыбнулся и слегка помахал рукой. Конвоир запретил им стоять. Узнал ли он меня? Не думаю. До этого я голодала десять дней... На следующий день всю эту группу во дворе фотографировали. Хозяйку, матрону очень неприятного вида, усадили в середине. Есенин стоял сбоку. Через некоторое время меня с группой товарищей увезли в Новосибирск».

Узнав об аресте С. Есенина, Г. Бениславская предложила для его освобождения свои услуги. Надежда Вольпин вспоминала: «... Каждый вечер захожу в СОПО узнать, что слышно о Есенине. Отвечают мне неохотно и не очень правдиво. Или это мне вообразилось — со страху за Есенина? Время бурное, тут и без вины пропасть недолго! Поздний вечер. Отчитав с эстрады свои последние стихи, я прошла в ЗАО поэтов. Ко мне сразу подступили две молодые женщины. Одна — высокая, стройная, белокурая, с правильным, кукольно-красивым и невыразительным лицом: назвалась Лидой, без фамилии. Вторая — среднего роста, нескладная, темноволосая, с зелеными в очень густых ресницах глазами под широкой чертой бровей, тоже в очень густых ресницах глазами под широкой чертой бровей, тоже очень густых и чуть не сросшихся на переносье. Лицо взволнованное, умное: Галина Бениславская. Просит меня разузнать в правлении СОПО о Есенине — где он сидит и по какому делу. Я отклоняю просьбу:

— Спрашивала. Мне не ответят.

Те не поверили, настаивают. Думают, глупые, что во мне говорит обывательский страх. Страх-то есть, но страшусь не за себя.

— Я не из пустого любопытства, — сказала, наконец, темноволосая. — Я могу помочь.

Услышав «могу помочь», я решила вызвать к ним Грузинова: он у нас секретарь правления и, знаю, предан Есенину.

Вызвала, и тут же меня осенило: если может помочь... значит, может и навредить? Ну, Грузинов не дурак, сообразит, как повести себя с объявившейся вдруг помощницей».

После проверки задержанных лиц на квартире Зои Шатовой было установлено, что арестованные не имеют никакого отношения к политике. Тот же Т.П. Самсонов говорил с сожалением: «Думали, что открыли контрреволюционную организацию, а оказалась крупная спекуляция». Вскоре все задержанные были отпущены.

Помощь Бениславской не потребовалась.

Проработала Галина в Особой межведомственной комиссии недолго. Подводило ее здоровье. Ей приходилось нередко лечиться от неврастения в санаториях. Длительное отсутствие на

работе отрицательно сказывалось на ее служебной карьере. 27 апреля 1922 г. ей на руки выдали справку, в которой говорилось: «Прошу сотрудницу для поручений сельскохозяйственного отдела Бениславскую. Г. А., как фактически в отделе не работающую около 4 месяцев, откомандировать в административный отдел ГПУ».

Администрация ГПУ не смогла предложить ей подходящую должность, а на оперативную работу она не подходила по состоянию здоровья, да и желания у нее к такой работе не было. В начале марта 1922 г. она получила бумагу с указанием, что «уволена со службы ГПУ по личному желанию и направляется в подотдел учета и распределения рабочей силы гор. Москвы».

Под гипнозом стихов Есенина

Как-то раз, проходя по улицам Москвы, Яна Козловская прочла афишу о выступлении в Политехническом музее поэта Сергея Есенина. Тут же купила билеты, а дома сказала Гале: «Я купила билеты на вечер Сергея Есенина». — «Какого Есенина?» — спросила она. «А помнишь, в Питере выступал с Клюевым молодой поэт и читал чудесные стихи?» — «Помню, помню, — сказала Галя, — молодец, что взяла билеты».

Так Галина Бениславская 20 сентября 1920 года оказалась на чтениях «О современной поэзии», устроенных Всероссийским союзом поэтов в Политехническом музее.

Вечер задумывался как продолжение лекции поэта Валерия Брюсова «Задачи современной литературы», прочитанной им 19 сентября. Аудитория Политехнического музея была переполнена. В развернувшейся дискуссии приняли участие многие литераторы, в том числе и Сергей Есенин. Иван Грузинов от имени имажинистов пытался убедить публику, что только имажинистов следует рассматривать «исходной точкой наступающего ренессанса». Такое заявление было встречено криками «Долой!»

Сергей Есенин старался перекричать строптивых зрителей, но в общем гуле можно было уловить только его отдельные фразы: «мы пришли, великие обнажатели человеческого слова», «старые писатели примазывались к властям — сейчас больше примазываются», «нельзя свободно написать ни одной строчки, относящейся к искусству, — дай политики»... Чтобы успокоить зал, решили продолжить спор на следующий день, предоставив возможность выступать представителям разных литературных школ и направлений.

20 сентября 1920 г. зал быстро заполнился представителями всевозможных «истов»: неоакмеисты, футуристы, имажинисты, импрессионисты, экспрессионисты и пролетарские поэты. Выступали от каждой группы сначала с декларацией, а потом демонстрировали образцы своего творчества. Галина обратила внимание, что С. Есенин и А. Мариенгоф пришли в цилиндрах, при этом она сразу же оценила, что низкорослому Есенину цилиндр подходил как корове седло, так как высокий цилиндр придавал кинематографическую комичность его невысокой фигуре.

Имажинисты старались громко заявить о себе. Поэт Вадим Шершеневич зачитал декларацию, основную мысль которой он несколько раз повторил: *нет литературы и искусства, кроме*

имажинизма . Неожиданно выступил Владимир Маяковский, который не стал отстаивать футуризм, а бросил аудитории упрек, что он считает сегодняшний вечер пустой тратой времени, в то время как в стране разруха, фабрики стоят, было бы лучше вместо этого вечера открыть еще один агитпункт для народа. Это заявление было встречено свистом и криками. Прочитал Маяковский свою поэму «150 000 000» при одобрительных выкриках «давно бы так». Затем стихи стал читать Сергей Есенин. Он в первом стихотворении употребил свободное выражение, поэтому председателю пришлось потратить силы, чтобы утихомирить активно протестующих слушателей. В. Шершеневич был настроен по-боевому. «Я стащу со стола всякого, — кричал он, — пока Есенин не прочтет своего второго стихотворения». Публике пришлось подчиниться.

В дальнейшем Г. Бениславская с подругами старались не пропускать ни одного поэтического вечера с участием Сергея Есенина. Особенно запомнился литературный «Суд над имажинистами» в Большом зале Консерватории в Москве, состоявшийся 4 ноября 1920 г. В зале было холодно, отопление не работало. Желавших присутствовать на этом необычном «литературном суде» было много. В основном молодые юноши и девушки. Смеются, громко разговаривают, спорят. Их привлекала не только необычность представления, но и обилие задействованных в судебном процессе поэтов и критиков. На скамье подсудимых сидели учредители литературного движения имажинизма Иван Грузинов, Сергей Есенин, Александр Кусиков, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич. Свидетелями защиты согласились быть Николай Эрдман и Федор Жиц. Главным литературным обвинителем выступил Валерий Брюсов, которого поддерживали Адалис, Сергей Буданцев, Тимофей Левит. Гражданским истцом выступал И. А. Аксенов. Присяжными заседателями, в соответствии с требованием судебного процессуального кодекса, избирались 12 человек из публики.

Перед началом суда подсудимые имажинисты стали шумно усаживаться, смеяться, переговариваться. Некоторые что-то жевали. Галина шепнула Яне, что это они жуют кокаин для возбуждения. Неожиданно она почувствовала на себе любопытный, чуть лукавый взгляд. Смотрел рядом сидящий с Шершеневичем поэт Есенин, выглядевший почти мальчишкой. Смотрел в упор. Это возмутило девушку. «Вот нахал какой», — сказала Яне, но та восторженно смотрела на Шершеневича, голос которого, когда он читал стихи, очень ей нравился.

Все понимали театрализованность судебного представления. В обвинительной речи Валерия Брюсова было много иронии.

Попробовал на иронии построить свое выступление Иван Аксенов, но речь гражданского истца была скучноватой. К концу его сипловатого выступления из зала послышались реплики, некоторые зрители стали подтрунивать над ним. Есенин быстро воспользовался этим. Он тут же решил бить врага его собственным оружием.

Поэт встал, вытянутой рукой указал на рыжую бороду Ивана Аксенова и громко спросил:

— Кто судит нас? Кто? Что сделал в литературе гражданский истец — этот тип, утонувший в бороде?

Это меткое замечание о бороде истца было встречено залом аплодисментами одобрения. И. Аксенов от неожиданности не смог своевременно ответить на вопрос.

Выступления имажинистов в свою защиту были незапоминающимися. Декларативные заявления о преимуществе своих поисков в русской поэзии залом принимались вяло. Не все были готовы углубляться в теоретические дебри. Стало даже скучно.

Все изменилось, когда поэты стали читать свои стихи. С этого момента Галина Бениславская помнила многое. В своих воспоминаниях в 1926 г. писала:

«Вдруг выходит тот самый мальчишка: короткая, нараспашку оленья куртка, руки в карманах брюк и совершенно золотые волосы, как живые. Слегка откинув голову назад и стан, начинает читать:

Плюйся, ветер, охапками листьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.

Он весь стихия, озорная, непокорная, безудержная стихия, не только в стихах, а в каждом движении, отражающем движение стиха. Гибкий, буйный, как ветер, с которым он говорит, да нет, что ветер, ветру бы у Есенина признаться удали. Где он, где его стихи и где его буйная удаль — разве можно отделить. Все это слилось в безудержную стремительность, и захватывает, пожалуй, не так стихи, как стихийность.

Думается, это порыв ветра такой с дождем, когда капли не падают на землю, и они не могут и даже не успевают упасть.

Или это упавшие желтые осенние листья, которые нетерпеливой рукой треплет ветер, и они не могут остановиться и кружатся в водовороте.

Или это пламенем костра играет ветер и треплет и рвет его в лохмотья, и беспощадно треплет самые лохмотья.

Или это рожь перед бурей, когда под вихрем она уже не пригибается к земле, а вот-вот, кажется, сорвется с корня и

понесется неведомо куда.

Нет. Это Есенин читает «Плюйся, ветер, охапками листьев...» Но это не ураган, безобразно сокрушающий деревья, дома и все, что попадает на пути. Нет. Это именно озорной, непокорный ветер, это стихия не ужасающая, а захватывающая. И в том, кто слушает, невольно хочется за ним повторить с той же удачей: «Я такой же, как ты, хулиган...»

Потом он читал «Трубит, трубит погибельный рог!..».

Что случилось после его чтения, трудно передать. Все вдруг повскакивали с мест и бросились к эстраде, к нему. Ему не только кричали, его молили: «Прочитайте еще что-нибудь». И через несколько минут, подойдя, уже в меховой шапке с собольей оторочкой, по-ребячески прочитал еще раз «Плюйся, ветер...»

Опомнившись, я увидела, что я тоже у самой эстрады. Как я там очутилась, не знаю и не помню. Очевидно, этим ветром подхватило и закрутило и меня. (...) Что случилось, я сама еще не знала. Было огромное обаяние в его стихийности, в его полубоярском, полухулиганском костюме, в его позе и манере читать, хотелось его слушать, именно слушать еще и еще.

А он вернулся на то же место, где сидел, и опять тот же любопытный и внимательный, долгий — так переглядываются со знакомыми, взгляд в нашу сторону. Мое негодование уже забыто, только неловко стало, что сижу так на виду, перед первым рядом».

Литературный суд над поэзией

Когда Вадим Шершеневич объявил, что через полторы недели они устраивают вечер, на котором имажинисты будут судить поэзию, то Бениславская сразу решила, что обязательно будет присутствовать.

Эти полторы недели для Галины Бениславской пролетели под гипнозом стихов Сергея Есенина.

Литературный «Суд над современной поэзией» состоялся 16 ноября 1920 года в Политехническом музее. За несколько часов у входа собралась толпа жаждущих попасть на вечер. Поэтам-имажинистам пришлось просить конную милицию проложить путь к входу в здание. В зале в основном шумная, озорная молодежь, резво занимала нумерованные места. Первые ряды достались тем, кто пришел на вечер в 6 часов, за два часа до начала.

Галина с подругами с трудом нашли свободные места во втором ряду. Она не могла отделаться от мысли: что же будет читать Есенин! Другие поэты ее не интересовали.

От имажинистов с обвинительной речью первым выступил Иван Грузинов. Нападал в основном на символистов, футуристов, акмеистов.

Сергей Есенин подготовился к выступлению и читал ее по бумажке звонким высоким тенором. Больше всех досталось футуристам. Обвинил поэта Велимира Хлебникова в произвольном и хаотичном словотворчестве. Досталось и другим футуристам. Но неожиданно Есенин заявил:

— Маяковский безграмотен!

Такого обвинения присутствовавший в зале Маяковский не мог стерпеть. Из зала раздался его зычный голос о том, что он кое-что знает о незаконном рождении этих ниспровергателей футуризма. Он решительно взошел на эстраду. Оказался рядом с Есениным, который, глядя на рослую фигуру Маяковского, пытался перекричать его:

— Вырос с версту ростом и думает — мы испугались — не запугаешь этим!

Маяковский стал говорить о том, что имажинисты не создают, а убивают русскую поэзию.

Это вызвало озлобленность у Есенина. Он вскочил на стол президиума, рванул на себе галстук, взъерошил свои кудрявые волосы и закричал сильным голосом:

— Не мы, а вы убиваете поэзию! Вы пишете не стихи, а агитезы!

Маяковский ответил также ловким неологизмом:

— А вы — кобылезы!

Эта перепалка залом была встречена восторженно. Но скандал не получил развития. Перешли на чтение стихов.

Есенин читал последним из имажинистов. Он предложил послушать недавно написанную поэму «Сорокоуст». Но стоило ему в самом начале выступления произнести строки: «Вы, любители песенных блох, // Не хотите ль пососать у мерина?», а затем через три строки «И всыпают вам в толстые задницы // Окровавленный веник зари», в зале раздался свист, взрыв недовольного возмущения. Голос поэта утонул в этом грохоте. Слышны были крики «Долой!»

Успокаивать аудиторию пришлось председательствующему поэту В. Брюсову. Он протягивает руку, прося тишины, и когда свист затих, сказал тихо и убедительно:

— Я надеюсь, что вы мне верите. Я эти стихи знаю. Это лучшие стихи из всех, что были написаны за последнее время!

Сидящие в зале затихли. Есенин с тем же задором дочитал поэму. А после фраз:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница? —

все опять оказались в плену поэтического слова. Поэта зал провожал бурными овациями.

Не могла скрыть своего восторга и Галина. Она сорвалась с места и бросилась на эстраду. «Я до сих пор не знаю, как и почему очутилась там, за кулисами, — вспоминала она. — По словам Яны, я сорвалась и бросилась по лестнице на эстраду, потянув и ее за собой. Опомнилась я уже стоя в узком проходе: за сценой направо в дверь был виден Есенин. «Яна, ройся в своем портфеле, ищи чего-нибудь там» (это чтобы удобнее было стоять). Яна, ошеломленная, выполняет. Вдруг Есенин нагло подлетает вплотную и останавливается около меня. Не знаю отчего, но я почувствовала, что надо дать отпор: чем-то его выходка оскорбила меня и мелькнула мысль: «Как к девке подлетел» — «Извините, ошиблись». И, резко повернувшись, умышленно резким тоном сказала Яне: «Ну, что ты копаешься, пойдем же». С какой физиономией Сергей Александрович остался — не знаю».

Физиономия здесь ни при чем. По дороге домой Галину стала точить мысль, что именно такого она могла бы полюбить, а быть может, уже и полюбила. За таким человеком готова пойти куда угодно. Ведь это и есть тот «принц», которого она давно ждала.

Отчетливо поняла, почему никого не любила до сих пор, прожив уже 23 года.

«Не любила потому, — убеждала сама себя Галина, — что слишком большие требования были (подсознательно), много надо было творческого огня и стихии в человеке, чтобы захватить меня своим романтизмом. А это в первый раз почувствовала в Есенине. В этот же вечер отчетливо поняла — здесь все могу отдать: и принципы (не выходить замуж), и — тело (чего до сих пор не могла даже представить себе), и не только могу, а даже, кажется, хочу этого. Знаю, что сразу же поставила крест на своей мечте о независимости и подчинилась. Тот отпор его наглой выходке был дан так, для фасона... С этого вечера до осени 1922 г. (два года) я засыпала с мыслью о нем и, когда просыпалась, первая мысль была о Сергее Александровиче, так же как в детстве первой мыслью бывает: «Есть ли сегодня солнце?»

Яна молчаливо шла рядом. Она ждала, когда первой начнет говорить Галина. И действительно, Галя не выдержала и неожиданно сообщила:

— Знаешь, а мне больше всех понравился Есенин.

— Ну да, он все время на тебя смотрел, потому и понравился, — ответила спокойно Яна.

Ничего Яна не поняла. Галина даже обозлилась, что подруга не понимает ее чувств, не осознает, что теперь не мыслится вся дальнейшая жизнь без этого человека, полного стихийности и поэтичности.

«В этот день пришла домой внешне спокойная, — вспоминала Г. Бениславская, — а внутри — сплошное ликование, как будто, как в сказке, волшебную заветную вещь нашла».

Своих чувств к Есенину Галина уже не могла скрыть. Как-то с Яной попали на проводимый в Политехническом музее конкурс поэтов. Победитель должен быть определен зрителями. Решили голосовать за Есенина, но с разочарованием узнали, что он не будет участвовать в конкурсе. Стало скучно и неинтересно. «Вдруг поворачиваю голову налево к выходу, — вспоминала Бениславская, — и... вижу у самых дверей виднеется золотая голова! Я вскочила с места и на весь зал вскрикнула: «Есенин пришел!». Сразу суматоха и переполох. Начался вой: «Есенина, Есенина, Есенина!». Часть публики шокирована. Ко мне с насмешкой кто-то обратился: «Что, вам про луну хочется послушать?» Огрызнулась только и продолжала с другими вызывать Есенина».

Сергея Есенина на руках втащили и поставили на стол, но он сказал, что в конкурсе не участвует, но прочитает вне конкурса несколько своих стихотворений. Галина выразила мнение многих:

«Было ясно, что ему и незачем участвовать в конкурсе, ясно, что он, именно он — первый».

Жизнь не сказка, она поухабистее, поглубже, но Бениславской не хотелось потерять сказочного оттенка в жизни. Она не знала, что ее ожидает впереди, да и зачем ей сейчас решать эту головоломку, когда лучше находиться в сказочном плену.

Галина с подругами не причисляли себя к фанаткам поэта, но интереса своего к нему не скрывали. Однажды после окончания концерта в Политехническом музее пошли вслед за Есениным, чтобы узнать, где он живет. Поэт вышел из здания в окружении щебетавших от восторга девиц, которые восклицали «Душка Есенин!». «Помню, — писала Г. Бениславская, — коробило очень, и обидно было и за него и за себя, хотя мы шли по другой стороне, не подавая вида, что интересуемся им. На углу Тверской и Охотского девицы отстали, а мы провожали по всей Никитской, до дома 24, в подъезде которого он скрылся. Было ясно, что он живет именно в этом доме. И очень скоро мы узнали об этой ошибке».

Знакомство с Сергеем Есениным

С тех пор не было выступления Есенина, на котором бы Бениславская не побывала. При этом с подругами покупали всегда одни и те же места — 4 ряд, 16–17 места, и так неистово аплодировали поэту, что он, выйдя на эстраду, обычно приветствовал их кивком головы.

Чаще С. Есенина можно было встретить в кафе «Стоило Пегаса», которое было известно как клуб «Ассоциации вольнодумцев», официального именованная объединения поэтов-имажинистов. «Ассоциация вольнодумцев», по предложению С. Есенина, как культурно-просветительное учреждение должна объединить творческих людей, пропагандирующих и распространяющих идеи революционной мысли и революционного искусства. Деятельность Ассоциации должна была осуществляться в проведении митингов, лекций, чтений, бесед, спектаклей, концертов, выставок и других просветительных форм работы. Предусматривалось иметь собственное помещение, столовую, редакцию с библиотекой-читальней, образцовую студию.

Инициатива С. Есенина нашла поддержку у единомышленников. Среди учредителей, подписавших Устав «Ассоциации вольнодумцев», были поэты А. Мариенгоф, В. Шершеневич, М. Герасимов, чекист Я. Г. Блюмкин, бывший трактирщик А. Д. Силин, уполномоченный Транспортно-материального отдела ВСНХ Г. К. Колобов, издательский работник А. М. Сахаров, литератор И. И. Старцев; журналист Марк Криницкий, член коллегии Наркомата просвещения Д. И. Марьянов, литератор М. Д. Ройзман.

С. Есенину пришлось в некоторых случаях использовать свой авторитет. М. Ройзман вспоминал, что после прочтения Устава Есенин заявил ему:

— Прочитай и подписывай.

— Сергей Александрович! — заколебался М. Ройзман. — Я же только-только начинаю!

— Подписывай! — Есенин наклонился и, понизив голос, добавил: — Вопрос идет об издательстве, журнале, литературном кафе...

На Уставе сбоку стояла подпись Шершеневича: «В. Шерш.». М. Ройзман взял карандаш и тоже подписался пятью буквами.

— Это еще что такое? — сказал Есенин сердито.

— Я подписался, как Шершеневич.

— Раньше будь таким, как Шершеневич, а потом также

подписывайся.

Есенин стер подпись Ройзмана резинкой, и тому пришлось написать свою фамилию полностью.

24 октября 1919 года Устав «Ассоциации вольнодумцев» был утвержден, при этом на Уставе появилась поясняющая резолюция: *«Подобные общества в Советской России в утверждении не нуждаются. Во всяком случае, целям Ассоциации я сочувствую и отдельную печать разрешаю иметь. Народный комиссар по просвещению А. Луначарский».*

Энергичные С. Есенин и А. Мариенгоф вскоре получили помещение бывшего кафе «Бим-Бом» на улице Тверской, 37. Художник Григорий Якулов нарисовал на вывеске скачущего «Пегаса» и вывел название буквами, которые как бы летели над ним. Внутри помещения художник с помощью своих учеников выкрасил стены кафе в ультрамариновый цвет, а на них яркими желтыми красками нарисовал портреты поэтов-имажинистов и цитаты из написанных ими стихов.

В конце октября 1919 года кафе «Стойло Пегаса» было открыто. Оно быстро приобрело популярность в Москве. Его завсегдатаями стала разношерстная публика, приходившая послушать читающих стихи молодых поэтов, поприсутствовать при жарких спорах литературоведов, философов, художников.

После посещения литературных судов в Политехническом музее Галина Бениславская также решила посетить «Стойло Пегаса», о котором была наслышана.

Для нее все здесь было необычным. Стала внимательно рассматривать помещение. Между двух зеркал сразу заметила нарисованное контурами лицо Есенина с золотистым пухом волос. Под портретом читалось есенинское двустишие: «Срежет мудрый садовник — осень // Головы моей желтый лист». Слева от зеркала просматривались изображения нагих женщин, у которых глаз был нарисован в середине живота. И здесь рисунки сопровождались есенинскими строками: «Посмотрите: у женщин третий // Вылупляется глаз из пупа».

Справа от другого зеркала был нарисован человек в цилиндре, в котором легко узнавался есенинский друг Анатолий Мариенгоф, почему-то кулаком бьющий в желтый круг. В углу просматривался портрет поэта Вадима Шершеневича на фоне намеченного пунктиром забора. Оба портрета также иллюстрировались строчками стихов.

Над эстрадой, наверху стены, крупными большими буквами читались хорошо известные Галине слова из стихотворения Есенина:

Плюйся, ветер, охапками листьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.

Галя пришла с Яной Козловской и Лидой Берестовой. Прослушали доклад, который вызвал ожесточенные споры о художественном образе, о форме и содержании. Каждый выступающий старался доказать свою правоту. Художник Григорий Якулов выступление дополнял демонстрацией своих картин. Есенин не всегда участвовал в спорах, обсуждениях, но старался показать, что он в кафе не постороннее лицо. Галина от других узнала, что он порой бывает дерзким, может вступать в перепалку, даже потасовку, если в кафе возникали непредвиденные ссоры между посетителями.

Есенин обратил внимание на Бениславскую с подругами, но знакомиться в этот раз воздержался.

Однажды Галина пришла в кафе одна. Есенин подошел к ней и как-то взволнованно, но грубо, вполголоса, наклонившись, сказал:

— Послушайте, но так же нельзя, вы каждый вечер сюда ходите...

Гале показалось, что он хотел добавить «из-за меня», и она уже готова была резко ответить: «Да вы что, с ума сошли? Вас-то меньше всего заметила», но услышала продолжение фразы Сергея:

— Я уже сказал в кассе, чтобы вас пропускали как своих, без билета. Скажите фамилию, и я велю кассирше записать.

Галя вздохнула облегченно. Назвала фамилии: Козловская, Бениславская, Берестова. Свою фамилию не назвала первой, предполагая, что таким хитрым образом у нее хотят ее узнать.

Есенин пошел к кассирше, быстро вернулся и сказал, что распоряжение о безбилетном пропуске он отдал.

Сомнения Галины рассеялись, когда на следующий вечер она прошла в зал кафе без оплаты входного билета. Есенин тут же поздоровался с ней, сказал, что теперь в кафе вечера будут проходить интересней, так как пригласили играть небольшой оркестр.

Разговор продолжался весь вечер. Галя высказала свои сомнения насчет музыки приглашенного оркестра. Неожиданно заговорили о современной поэзии, упомянули Маяковского.

— Да это ж не поэзия, у него нет ни одного образа, — горячо доказывал Сергей.

— Вы не правы, — возражала Галина. — Я в следующий раз обязательно принесу произведения Маяковского, в которых отмечу карандашом удачные и запоминающиеся образы.

Весь вечер Есенин нежно проявлял к ней внимание.

На следующий день с ликующими глазами Галина сказала Яне, что она лично познакомилась с Есениным. Подруга ей не поверила.

— Ну что ж, на следующий вечер пойдем, увидим, — пообещала Бениславская.

А сама в душе испытывала страх. А вдруг к знакомству с ней Есенин отнесся несерьезно. Придешь в кафе, а он и не посмотрит! Вот будет скандал!

Страхи исчезли, когда в кафе к их столику направился Есенин. Галина познакомила его с Яной.

Прощаясь, Есенин не забыл напомнить:

— Девочки, приходите завтра ко мне, у меня будут читать новые стихи лучшие поэты.

От такого внимания Галя и Яна были на седьмом небе. С этого дня началось их знакомство и дружба с Есениным, длившаяся до его смерти.

Соперницы Бениславской

Есенин пользовался большим успехом у своих поклонниц, постоянно окружавших его на литературных вечерах в кафе. Это в меньшей степени волновало Бениславскую, так как считалось обычным делом наличие поклонниц и поклонников у известных поэтов и артистов. Серьезную озабоченность у Галины вызвало известие, что у Сергея Есенина сложились серьезные любовные отношения с поэтессами Екатериной Романовной Эйгес и Надеждой Давидовной Вольпин.

Екатерина Эйгес была на пять лет моложе Есенина. Писала стихи, которые Есенин читал в рукописи. Весной 1919 г. помог ей вступить в члены Всероссийского союза поэтов. Стали перезваниваться, затем встречаться на квартире Эйгес. При встречах поэт читал Екатерине свои новые стихи, слушал стихи молодой поэтессы. «Помню, я прочитала Есенину свое стихотворение, — вспоминала Е. Эйгес, — которое оканчивалось словами: «И счастье, что было возможно три года тому назад». Он взял со стола книжку «Голубень» и написал на ней, сбоку, наверху, так: «Ек. Ром. Эйгес. Здесь тоже три года тому назад, а потому мне прибавить к этой записи больше нечего»

Есенин иногда помогал Екатерине по хозяйству. Сохранилась записка к Эйгес, в которой поэт писал: «Как и нужно было ждать, вчера я муку тебе не принес. Сегодня утром тащили чемодан к тебе с Мариенгофом и ругались на чем свет стоит. Мука в белье, завернута в какую-то салфетку, которая чище белья и служит муке предохранением. Белье отдай прачке. Раста большая. Твой С. Есенин».

Есенин подарил Эйгес свои фотографии и книги «Микола», «Ключи Марии». На сборнике «Преображение» написал: «Тебе единой согрешу». В день рождения Екатерины преподнес ковер в русском стиле с портретом Георгия Победоносца. Весной 1920 г. Есенин оставил ей на хранение часть своих рукописей. «Вот, — сказал Есенин, — даю тебе третью часть своих рукописей, остальные две — маме и сестре Кате, — вспоминала Е. Эйгес. — С этими словами Есенин достал целую кипу рукописных листков и, отделив третью часть, дал ее мне. Я спрятала листки, их было штук пятьдесят. К сожалению, сохранилось только три листка...».

Г. Бениславская не проявила большого интереса к сопернице. Ко времени ее знакомства с Есениным у поэта роман с Екатериной почти прекратился, так как он увлекся молодой поэтессой Надеждой Вольпин.

Надежда, как и Бениславская, окончила в 1917 г. гимназию.

Рано начала писать стихи. Устроилась работать библиотекарем в военном госпитале. Изучала иностранные языки. В 1919 г. была принята в Союз поэтов. В ноябре 1919 г. Н. Вольпин познакомилась с Есениным. В клубе поэтов отмечали вторую годовщину Октября. Выступали поэты. Имена многие неизвестные. С. Есенин сидел за столиком. Его имя также стояло на плакате, висящем при входе. Кто-то из распорядителей вечера подошел к Есенину:

— Сергей, выступишь?

— Да нет, неохота...

— Нехорошо. Ты же на афише...

— А меня не спрашивали... Так и Пушкина можно поставить в программу.

Надя оказалась свидетельницей этого разговора. Набралась храбрости, подошла к столику.

— Вы Есенин? Прошу вас от имени моих друзей... и от себя. Мы вас никогда не слышали, а ведь читаем, знаем наизусть...

Есенин встал, учтиво поклонился девушке.

— Для вас — с удовольствием!

Поэт прочитал отрывок из «Иорданской голубицы» и стихотворение «Песнь о собаке».

Вскоре Сергей и Надежда познакомились ближе, стали встречаться. О своей сопернице Е. Эйгес Надежда знала, при встречах видела, что та не скрывает своей ревности к ней. Это не обескураживало молодую поэтессу. Остановить ее было невозможно. Она готова была бороться до конца. «Мне двадцать, — рассуждала Н. Д. Вольпин. — Кате, я думала, двадцать три. Она повыше меня, темные волосы и глаза, плакатно-красивое, с правильными чертами лицо, полна, но статна. И на диво легкая и плавная походка. У такой павы отбить любимого, пожалуй, лестно для юной девчонки (по годам я не так уж юна — двадцать лет, но по опыту любовному еще совсем дитя). (...) Я, точно девочка-подросток, полагаю, что настоящее чувство, одухотворенное, возможно только у молодых; с Катей же Сергея может связывать только то, что зовется физической близостью».

Надежда Вольпин выступала на поэтических вечерах, ее стихотворения публиковались в сборниках Союза поэтов. С. Есенин был к ней внимателен, дарил свои книги. На «Треряднице» (1920) написал: «Надежде Вольпин с надеждой. Сергей Есенин», а на развороте «Преображения» (1921) предыдущую надпись дополнил: «Надежде Вольпин с надеждой, что она не будет больше надеждой. Сергей Есенин».

Надежды поэта сбылись. Позже Н. Вольпин вспоминала:

«Весна двадцать первого. Богословский переулок. Я у Есенина.

Смущенное:

— Девушка!

И сразу на одном дыхании:

— Как же вы стихи писали?

Если первый возглас я приняла с недоверием (да неужто и впрямь весь год моего отчаянного сопротивления он считал меня опытной женщиной!), то вопрос о стихах показался мне столь же искренним, сколь неожиданным и... смешным».

Как ни странно, но именно при этой встрече Есенин стремился как-то обезопасить себя от возможных последствий. Н. Вольпин запомнила его слова, сказанные им в тот вечер запоздалой победы:

— Только каждый сам за себя отвечает!

— Точно я позволю другому отвечать за меня! — невесело ответила Надежда.

Подумала: «Выходит, все же признаешь в душе свою ответственность — и прячешься от нее? Но этого я ждала наперед». Есенин не забыл напомнить ей и свое давнее этическое правило: «Я все себе позволил!».

Надежда в это время догадывалась, что у нее появилась новая соперница, более опасная, чем Екатерина Эйгес. Она навела справки о Галине Бениславской. Видела ее обычно в кафе «Стойло Пегаса».

Надежда Вольпин не скрывала нелюбви к новой сопернице, но своих чувств не показывала, хранила втайне. Галина чуть ли не ежедневно приходила в «Стойло Пегаса» с какой-нибудь подругой, то с Аней Назаровой, то с красавицей Лидой Берестовой, но чаще с Яной Козловской. Поэтессы Надежда Вольпин и Сусанна Мар между собой Яну звали Самоваром за ее полную низкорослую фигуру без какого-нибудь намека на талию.

Обычно Галина с подругой усаживались не за столиком, а сбоку на эстраде, позади рояля, лицом к коридору, который вел на кухню. Сидели безмятежно, словно на крыльце. К ним скоро подходил Есенин, между ними завязывалась непринужденная беседа.

Холостой Есенин

Ранним ноябрьским утром Галина усаживалась на своем рабочем месте. Напротив погрузился в лежащие на столе бумаги Н. В. Крыленко, ее непосредственный начальник.

Неожиданно прозвенел телефон. Яна взволнованно сообщила:

— Слушай, могу сообщить приятную тебе вещь! Оказывается, Есенин разошелся со своей женой.

Новость действительно была необычной. У Галины даже екнуло в груди, но она быстро собралась, посмотрела на начальника и с какой-то злостью сказала подруге:

— Не звони по пустякам мне на работу.

Не положила, а бросила трубку.

Она знала, что Есенин женат и у него есть ребенок, дочь Татьяна, так как о двух сыновьях, Юрии и Константине, поэт ей не говорил. Бениславская никак не могла представить этого подвижного юношу ходящим по комнате с ребенком на руках, тем более подумать, что он может возиться с детскими пеленками. Такая картина у нее в голове не укладывалась. Слишком это противоречило созданному ею романтизированному образу поэта.

Сейчас же, узнав от Яны о разводе, попыталась осмыслить услышанное. Почему же эта новость ее разозлила?... В ее голове молнией пронеслось: «Я знала, что он женат. Есть жена, он ее любит (ведь только купцы и фабриканты могут не любить жен и жить с ними), значит, я могу быть спокойной и оставаться пассивной. Любить я могу сколько угодно — и только!.. Становиться на чьем-либо пути я не способна».

Но ведь это было раньше! Теперь никаких моральных препонов нет! Он свободен! Свободен!..

Но тут же радость сменилась тревожными размышлениями. Есенин разводится с женой, но это означает, что кто-то из них несчастен. Он или его жена? Скорее всего жена. Но разве можно радоваться несчастью человека, близкого ему, даже если на этом строится твое счастье!

Позже, вспоминая этот день, Галина Бениславская запишет: «Раз никаких внешних преград нет, то я пойду на все. Я не могу не пойти — это моя внутренняя обязанность завоевывать то, на что я имею право. Почувствовала, что это скорее страшно, а не радостно. Во всяком случае, было ощущение чего-то рокового».

У Есенина действительно дело шло к разводу. Примирения, несмотря на многие попытки со стороны его жены, Зинаиды Николаевны Райх, не получалось. Развод состоялся не в 1920-м,

как об этом записала в своих воспоминаниях Г. Бениславская, а в 1921 году.

Галина не знала, что жена Есенина в это время переживала один из самых сложных и драматичных периодов в своей жизни. «Райх с младенцем Костей нашла себе приют в Доме матери и ребенка на Остоженке, — вспоминала ее дочь Т. С. Есенина. — Это было убежище для матерей-одиночек, неплохо по той поре обеспеченное. Однако сам по себе факт, что Райх — с ее-то гордостью, с ее-то верой в себя, с ее-то внутренней независимостью — очутилась в таком заведении, означал полную катастрофу. Спустя пятнадцать лет Райх все еще с тоской и ужасом вспоминала «о самом главном и самом страшном в моей жизни — Сергее». Одним ударом раскололась вся ее жизнь. Беды стали преследовать ее. Неожиданно заболел Костя. Едва удалось его спасти, как тяжело заболела сама Зинаида Николаевна. Ее выздоровление было большим чудом».

В июле 1920 года Есенин был проездом в Ростове-на-Дону. На железнодорожной станции он встречался с женой, которая ездила поправить свое здоровье в Кисловодск. Узнав, что муж оказался рядом, Зинаида Николаевна попросила через друзей, чтобы он повидал своего сына. С. Есенин не хотел встречаться, но затем, по воспоминаниям А. Мариенгофа, «вошел в купе, сдвинул брови. Зинаида Николаевна развязала ленточки кружевного конвертика. Маленькое розовое существо барахтало ножками. — «Фу. Черный... Есенины черными не бывают». На этом свидание завершилось.

Дальнейшая совместная жизнь не имела никаких перспектив. 19 февраля 1921 года Сергей Есенин подал заявление о разводе, в котором брал на себя обязательства: «Наших детей — Татьяну трех лет и Константина одного года оставляю для воспитания у моей бывшей жены Зинаиды Николаевны Райх, беря на себя материальное обеспечение их, в чем и подписываюсь». Дело с разводом растянулось до осени. Брак был расторгнут заочно 5 октября 1921 г. по решению суда в г. Орле на основании поданного заявления З. Н. Райх. Ей вернули девичью фамилию, оставили на ее попечении детей, предоставили право взыскивать с Есенина расходы на их содержание.

Оставив детей у родителей в Орле, Зинаида Николаевна в Москве заболела брюшным, а чуть позже сыпным тифом, затем оказалась в психиатрической лечебнице. Чередования нескольких маний приводило нередко к буйному помешательству.

Всех этих подробностей Бениславская не знала, да и не пыталась узнать. Она теперь не мыслила себя вне своей любви к Есенину и с нетерпением ждала встреч с ним. При этом если и

были встречи, то они обязательно проходили в присутствии кого-нибудь из друзей Есенина или подруг Бениславской.

Сергей Есенин в это время был чрезмерно занят собой. Он находился в зените своей поэтической славы. Его стихи звучат с эстрады кафе «Стойло Пегаса», со сцены Политехнического музея, различных клубов и литературных кафе. Много хлопот доставляют ему издательские дела. В начале января 1921 г. выходит его книга «Исповедь хулигана». Через месяц издается сборник «Трерядница». Сдана в типографию книга стихов «Ржанные кони». Есенин с друзьями иногда печатали свои книги в обход утвержденных книгоиздательских правил. Госиздат довел до сведения ВЧК, что книги С. Есенина «Исповедь хулигана» и А. Мариенгофа «Развратничаю с вдохновением» напечатаны без соответствующего разрешения. Это означало, что свободно продавать их было невозможно, поэтому приходилось продавать с оглядкой или бесплатно дарить друзьям и почитателям.

С. Есенин продолжал часто встречаться с Надеждой Вольпин, приглашая ее на свою квартиру по Брюсовскому переулку, 3. Он усиленно работает над поэмой «Пугачев», собирается съездить в Туркестан. Своим друзьям говорил, что хотел бы встретиться в Ташкенте с поэтом Александром Ширяевцем, с которым многие годы переписывался, но никогда лично не встречался.

Бениславской оставалось исполнять только роль восторженной и влюбленной без взаимности слушательницы. Неожиданно редкие встречи с поэтом были прерваны в середине апреля 1921 года из-за поездки С. Есенина в далекий Туркестан почти на полтора месяца. «Как-то раз Яна достала какие-то газеты, — вспоминала Галина. — Передали их Есенину. (Мы по-прежнему всегда ходили вместе — таким образом легче было скрыть правду наших отношений с Сергеем Александровичем). Заходим за этими газетами. Оказывается, Мариенгоф передал их Шершеневичу. Мы рассердились, т. к. газеты были нужны. Есенин погнал Мариенгофа к Вадиму Габриэлевичу. Потом оделся и вместе со мной и Яной пошел туда же. Это был первый ласковый день после зимы. Вдруг всюду побежали ручьи. Безудержное солнце. Лужи. Скользко. Яна всюду оступается, скользит и чего-то невероятно конфузится: я и Сергей Александрович всю дорогу хохочем. Весна — весело. Рассказывает, что он сегодня уезжает в Туркестан. «А Мариенгоф не верит, что я уеду». Дошли до Камергерской книжной лавки.

Пока Шершеневич куда-то ходил за газетами, мы стоим на улице у магазина. Я и Яна — на ступеньках, около меня Сергей Александрович, возле Яны — Анатолий Борисович. Разговаривали о советской власти, о Туркестане. Неожиданно радостно и как

будто с мистическим изумлением Сергей Александрович, глядя в мои глаза, обращается к Анатолию Борисовичу: «Толя, посмотри — зеленые. Зеленые глаза».

Но в Туркестан все-таки уехал, подумала я через день, узнав, что его уже нет в Москве. Правда где-то в глубине знала, что теперь уже запомнилась ему».

Возвратился Есенин в Москву из длительной поездки в Туркестан 10 июня 1921 года.

Аня Назарова

Самые близкие отношения установились у Галины Бениславской с Анной Гавриловной Назаровой. Они были ровесницами. Аня родилась в селе Кузнецове Тверской губернии в многодетной купеческой семье. Отец имел кожевенный завод, национализированный после революции. Аня после окончания в 1918 г. гимназии пыталась вступить в Красную Армию, стала работать как общественница по приемке раненых, затем ее зачислили в состав 10-го госпиталя Москвы. В 1920 г. Анну откомандировали в Московский университет на медицинский факультет. Одновременно работала внештатным корреспондентом в редакции газеты «Беднота». В штатные сотрудники газеты ее зачислили в 1922 г.

В это же время на работу в редакцию «Бедноты» была принята Галина Бениславская. Девушки подружилась. Обе до октября 1923 г. жили в одной комнате коммунальной квартиры. Когда Аня переехала в новую квартиру на Таганке, теплые отношения между подругами продолжались. При расставаниях они писали друг другу письма, в которых делились своими сокровенными мыслями. Г. Бениславская писала подруге о своих чувствах к С. Есенину. 21 июня 1922 г., после отъезда С. Есенина за границу, она после цитирования есенинских слов: «Человек в этом мире — не бревенчатый дом, // Не всегда перестроишь заново» писала: «Вот, Анечка, какая я глупая — все время смотрю в этот выгоревший дом и думаю о том, что его не перестроишь заново».

А. Назарова с 1917-го по 1927 г. вела альбом, в который друзья и знакомые записывали свои пожелания и посвящения. В альбоме есть рисунки и автографы художника П. Галаджева, записи В. Шершеневича и Г. Бениславской.

В 1922 году в альбом сделала две записи Галина Бениславская. Они записаны после ухода С. Есенина к Айседоре Дункан. Записи свидетельствуют о большой душевной драме девушки, о ее стремлении попытаться разобраться в случившемся, желании предостеречь подругу от подобных неожиданных поворотов в личной жизни. 17 февраля 1922 г. Галина на квартире Ани записала в альбом экспромт:

Спешите жить, спешите жить
И все от жизни брать —
Ведь все равно, ведь все равно
Придется умирать.
Г. Б. 12-II-22. Москва. Таганка.

Вторую запись Г. Бениславская сделала 31 марта 1922 года. Под карандашным рисунком портретов Ани Назаровой и Вадима Шершеневича, выполненных художником П. Галаджевым, она написала:

Кто впервые любит, пусть
Без взаимности, — тот бог;
Тот же, кто вторично любит
Без ответа, — тот глупец.
31/III-22 г.

В 1921 году одна из подруг записала: «Дорогой Ане, которая хочет себя обмануть в том, что ее сердечко совершенно спокойно и равнодушно по отношению к В. Г. Ш(ершеневичу)». Многие знали, что между поэтом В. Шершеневичем и А. Назаровой установились взаимоотношения на взаимной симпатии, и даже влюбленности. Аня очень хорошо знала и любила стихотворения Шершеневича, собрала около ста вырезок его публикаций и о нем, в том числе и ранние. 25 мая 1921 г. В. Шершеневич записал в альбоме слова благодарности Ане за нежное и сердечное к нему отношение. На подаренной своей книге «Carmina. Лирика (1921–1912” (Книга 1. Москва. 1913)» он написал: «Милому другу Ане Назаровой в знак настоящей дружбы, которая, вероятно, выше всего — даже любви. Верю в скорую встречу и всегда радый ей. Вад. Шершеневич. 1921. 2/Ц1».

Летом 1921 г. Вадим подарил Ане фотографию, где он снят с С. Есениным и А. Мариенгофом, с дарственной надписью: «Милой Ане — не стоит столько искать копии, когда оригинал стоит ближе — разве не правда? Дружески. Вадим». Встреча и дальнейший роман В. Шершеневича с актрисой Юлией Дижур привели к охлаждению чувств Вадима к Ане. Назарова тяжело переживала разрыв с любимым, осенью 1923 г. даже думала о самоубийстве, о чем свидетельствуют записи в ее дневнике: «Как глупо! Три года, долгих, томительных — я «люблю» Шершеневича. Зачем? Не знаю... Этого никто никогда не знает, и в этом — трагедия людей!». Эта неразделенная любовь еще больше сблизила Аню с Галиной Бениславской, переживавшей также сильное влечение к С. Есенину.

А. Назарова чутко относилась к Есенину, была свидетельницей радостей и неудач в его личной жизни. В «Дневнике» Г. Бениславская записала: «(Есенин) говорил, если я или Аня его бросим, то тогда некому помочь и тогда будет конец». Переселившись в коммунальную квартиру к Галине Бениславской, С. Есенин подарил Ане фотографию, на которой он снят с поэтом В. В. Казиным, с автографом: «Милой Ане с

любовью С. Есенин. 21/1X 23». На книге «Исповедь хулигана» (Имажинисты. М., 1921) поэт написал: «Милой Ане на добрую память. С. Есенин. 1923».

Среди имажинистов

С поэтами-имажинистами Г. Бениславская познакомилась зимой в конце 1920 года. В. Г. Шершеневич писал в «Великолепном очевидце»: «В эпоху имажинизма к нам однажды подошли две девушки. Одна была тоненькой брюнеткой с немного злым лицом, другая курносая, русопятая. Первую звали Галей Бениславской, вторую Аней Назаровой. Весь путь имажинизма они проделали рука об руку с нами. Они помогали нам в наших проделках, они волновались нашими волнениями».

Со свойственной ему иронией А. Мариенгоф отразил это знакомство в «Романе без вранья»:

«В начале 20-х годов как-то в «Стойло Пегаса» пришли три девушки, совсем юные.

У хорошенькой глазастой Гали Бениславской тогда были косы — галочьего цвета. Длинные, пушистые, с небольшими бантиками. Крепенькие ноги в черных хромовых башмаках с пуговицами.

Мы говорили: «Пришла Галя в мальчиковых башмачках». Или: «Пришла Галя в бабушкиных чулочках!».

Они были в крупную вязку, теплые, толстые и тоже черные.

Двух других девушек мы ласково называли «мордovorотиками».

Девушки не только встречались с поэтами-имажинистами, но и принимали участие в проводимых ими мероприятиях, которые чаще всего устраивались для привлечения к себе общественного внимания.

Имажинисты издали сборник «Золотой кипятилок», в который вошли произведения С. Есенина, В. Шершеневича и А. Мариенгофа. В газете «Известия ВЦИК» 14 апреля 1921 г. появилась разгромная статья наркома просвещения А. В. Луначарского, который писал: «Как эти книги, так и все другие, выпущенные за последнее время так называемыми имажинистами, при несомненной талантливости авторов, представляют собой злостное надругательство и над собственным дарованием, и над человечеством, и над современной Россией».

Нарком призывал провести тщательное расследование, затем публично сложил с себя полномочия председателя Всероссийского союза поэтов. Имажинисты не стали паниковать. На удар они решили ответить ударом.

Сергей Есенин после длительной поездки в Туркестан был полон сил и энергии. На первом после его приезда заседании учредителей Ордена имажинистов была обсуждена статья А. В.

Луначарского. А. Мариенгоф прочитал подготовленный ответ наркому просвещения от командоров ордена, предлагая напечатать его в журналах... О заседании вспоминал секретарь Имажинистского ордена Матвей Ройзман:

«Выступая, Есенин сказал, что его еще никто не называл шарлатаном, как это сделал Луначарский. Если бы статью написал обычный критик, можно бы на нее начхать. Но написал народный комиссар по просвещению, человек, в руках которого вожжи от искусства. Это уж не статья, а законодательный акт!

— Административное распоряжение, — отозвался с места Шершеневич.

— Ну административное распоряжение, — согласился Сергей. — Хрен редьки не слаще! Наш ответ Луначарскому не печатают. Как же! Нарком писал, и три к носу!

— Погоди, — сказал Грузинов, — ты же говорил, что будет листовка с письмом Луначарскому. Ее пошлют во все газеты, журналы, литературные организации.

— А там положат ее под сукно, — прервал его Мариенгоф, — и все останется по-прежнему...

— Тот, кому не нужно, прочитал бы! — воскликнул Шершеневич. — А тот, кому нужно, сделал бы вид, что это его не касается!

— Понапрасну, Ваня, ходишь! — вдруг запел Кусиков, обращаясь к Грузинову. — Понапрасну ножки бьешь!»

Неожиданно А. Мариенгоф предложил провести акцию напоминания общественности об имажинистах. Для этого всем членам Ордена имажинистов необходимо выйти ночью на улицы столицы и расклеить листовку, текст которой он подготовил. В замысле было больше юношеского озорства, чем преднамеренной серьезной политики. А. Мариенгоф сказал, что придут артисты и оркестр Камерного театра, а С. Есенин пообещал участие в параде труппы В. Э. Мейерхольда и его театра. Так что акция предусматривалась быть представительной и шумной. А если власти станут усматривать в этом какой-то политический умысел, то при разъяснениях можно все свести к обычному розыгрышу. С этим согласились. Решили не откладывать в долгий ящик.

Галя Бениславская и Аня Назарова не остались в стороне. Они готовы были оказать помощь при расклеивании листовок-афиш о «Всеобщей мобилизации» на улицах Москвы в ночь с 11 на 12 июня 1921 года. Девушки прочли напечатанный типографским шрифтом текст, по форме не отличающийся от других официальных плакатов, объявлений, приказов:

Имажинисты всех стран, объединяйтесь!

ВСЕОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

*Поэтов, Живописцев, Актеров, Композиторов,
Режиссеров и Друзей Действующего Искусства.*

№ 1

*На воскресенье 12 июня с. г. назначается
демонстрация писателей и зачинателей нового искусства.*

*Место сбора: Театральная площадь (сквер), время:
9 час. вечера.*

Маршрут: Тверская, Памятник А. С. Пушкину.

ПРОГРАММА

*Парад сил, речи, оркестр, стихи летучая выставка
картин*

*Явка обязательна для всех друзей и сторонников
действующего искусства:*

- 1) имажинистов,*
- 2) футуристов,*
- 3) и других групп.*

*Причина мобилизации: война, объявленная
действующему искусству.*

КТО НЕ С НАМИ, ТОТ ПРОТИВ НАС!

*Вождь действующего искусства: Центральный
Комитет Ордена Имажинистов.*

**Поэты: Сергей Есенин, Александр Кусиков,
Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич, Николай
Эрдман.**

Секретариат: Поэты-имажинисты: Иван Грузинов, Матвей Ройзман.

Все участники акции собрались вечером 10 июня 1921 года в темном переулке Москвы. Понимали, что действуют не по закону, поэтому старались соблюдать все меры предосторожности. Получив свою пачку листовок-афиш о «Всеобщей мобилизации», разошлись по разным улицам. «Осторожно крадучись по улицам, — писал В. Шершеневич, — под покровом темноты, ибо фонари в те годы горели только в воображении (керосина тоже не было), мы расклеивали афиши о мобилизации...».

Галя и Аня расклеивали листовки вдвоем. Работа у них спорилась. «Именно Галя и Аня Назарова первыми расклеили свою сотню листовок, — вспоминал М. Ройзман, — и со смехом рассказывали, как ловко они это сделали: на улицах не горит ни одного фонаря, светит луна, а на небе облака — очень плохо видно. На намеченном месте фасада дома, забора, деревянных ворот Аня смоченной в клейстере кистью мазала и шла вперед. Галя подходила, прислоняла листовку к подготовленному месту, проводила по ней ребром ладони и тоже шагала вперед. Веселые девушки жалели, что никаких приключений не было, но считали, что им мало дали листовок, и предлагали расклеить еще сотню...».

Утром имажинисты были свидетелями, как возле листовок собирались группами горожане, горячо между собой спорили, выясняли детали, если кого-то непосредственно касалась объявленная мобилизация. Не все сразу разобрались в сути содержания листовки имажинистов. На всех влияло грозное слово «мобилизация». С этим действием многие были хорошо знакомы. Время было тревожное, на юге Красная Армия сражалась с Добровольческой армией, а в других местах России еще присутствовали иностранные интервенты.

В. Шершеневич вспоминал: «Обыватель, остривший в те дни, что ввиду похода Деникина не стоит покупать шляп, так как «Деникин придет, всем даст по шапке», видел в этой мобилизации чуть ли не конец советской власти. Рабочие и партийцы решили, что настал очередной «последний и решительный бой», когда надо винтовкой спасать Союз».

Имажинисты весело ходили от одной группы к другой, радуясь, что их «удачная» идея осуществилась. Такое своеволие власти не могли оставить без внимания. Через несколько часов по специальной повестке были к следователю Московского ЧК

вызваны С. Есенин, А. Кусиков, А. Мариенгоф, В. Шершеневич. Все они начали осознавать серьезность случившегося, когда знакомый следователь, нередко посещавший «Стойло Пегаса», где они общались дружелюбно, вдруг стал говорить с ними, употребляя не слово «товарищ», а строго официальное «гражданин» с нужной фамилией.

«Осознав серьезность содеянного, — вспоминал В. Шершеневич, — мы оставили гаерство и шуточки и рассказали все откровенно. Нам задали головоломку, разъяснили всю политическую бестактность нашей листовки и отпустили, предложив самим ликвидировать затеянную демонстрацию. Через час мы были на свободе и успокоили своим видом волнение друзей и родных. В квартире Кусикова уже готовили траурные одежды».

Пришлось выполнять поручение чекистов. В. Шершеневич и А. Мариенгоф на большом листе бумаги написали крупными буквами: «По просьбе МЧК демонстрация временно отменяется» Но через час их снова вызвал следователь и устроил новую головоломку за вывешенное объявление. Предупредил, что шутки кончились. 12 июня в 9 часов вечера имажинисты пришли на Театральную площадь. Здесь собралась заметная толпа. Некоторые требовали, чтобы поэты читали свои стихи. Раздавались крики: «Есенин! Есенин!» Никто выступать не хотел. Разошлись молча.

О том, что в акции принимали участие Галина Бениславская и Аня Назарова, никто из привлекаемых следствием поэтов-имажинистов не промолвил ни слова.

Счастлиное лето

Галина Бениславская после приезда Есенина часто оказывалась рядом с ним. «С этих пор, — вспоминала она, — пошли длинной вереницей бесконечно радостные встречи, то в лавке, то на вечерах, то в «Стойле». Я жила этими встречами — от одной до другой. Стихи его захватили меня не меньше, чем он сам. Потому каждый вечер был двойной радостью: и стихи, и он».

В Музее-заповеднике в Константинове хранится книга «Россия и Инония», изданная в 1920 г. в берлинском издательстве «Скифы». На форзацном развороте книги есть владельческая запись Г. Бениславской, а на титульном листе химическим карандашом рукой Есенина написано: «Г. Бениславская. 21. IX. 22». Л. А. Архипова писала: «Судя по этой записи, эту книгу Сергей Есенин мог отправить Галине Бениславской из-за границы. Однако это мы можем только предполагать, не имея твердых доказательств. В его письмах из-за границы встречаются десятки имен, но имени Бениславской он ни в одном из них не упоминает. Возможно, он передал ей эту книгу через кого-то из своих друзей или знакомых, возвращающихся в Россию. В то же время известно, что Галина Бениславская и Сергей Есенин в 1921 году встречались неоднократно, и если прочесть цифры, так сказать, наоборот, то мы получим, по-видимому, наиболее вероятную дату «22 сентября 1921 года».

О чувствах Есенина и Бениславской узнают многие. Они уже не скрывают их. Е. Я. Стырская, автор нашумевшей книжечки эротических стихов «Мутное вино», вспоминала: «Однажды во время чтения в дверь до отказа заполненного кафе въехал велосипед, на котором ехала девушка. Велосипед врезался в щель между каким-то столом, раздвинул чьи-то спины, на девушку со всех сторон зашикали. Сверкнув своими большими армянскими или еврейскими глазами, она, не обращая внимания на ворчание, прокладывала себе дорогу велосипедом, чтобы ближе подойти к сцене. А глаза у нее были замечательные! Большие, карие с золотыми искрами, широкие, почти сросшиеся, вычурно изогнутые брови над прямым, узким носом, придававшим ее узкому лицу особую значительность. Роскошные, загнутые наверх ресницы. Иронический рот и высокий лоб свидетельствовали об уме и силе воли. На ней была белая матроска со значком Ленина на воротнике, простая юбка и простые туфли. На голове — пестрая шапочка, оттеняющая ее явно восточную, обрамленную великолепными волосами голову. Окидывая презрительным взглядом пеструю, плотно сбитую толпу сомнительных зрителей,

она твердо держала руль велосипеда и ждала. Когда Есенин кончил читать, она быстро увела его.

— Кто это?

— Галя Бениславская. Партийка. Для Сережи она много значит.

— Это хорошо! Она красивая и энергичная!»

Осенью имажинисты решили провести в кафе костюмированный бал. У многих были простенькие наряды, почти не было масок. Сергей Есенин надел матросскую бескозырку, Надежда Вольпин была в поддевке из хорошего дамского сукна, Галине Бениславская надела что-то вроде кокошника.

Н. Вольпин обратила внимание на приподнятое настроение Бениславской. Она выглядела необыкновенно похорошевшей, светилась счастьем. «Даже глаза, — подумала с грустью Н. Вольпин, — как и у меня, зеленые, но в более густых ресницах — точно посветлели, стали совсем изумрудными (признавали голубизны из глаз Есенина, мелькнуло в моих горьких мыслях) и были неотрывно прикованы к лицу поэта. «Сейчас здесь празднуется, — сказала я себе, — желанная победа. Ею, не им!»

Журналист Михаил Осоргин, также наблюдавший внимательно за Есениным и Бениславской, не удержался и поделился впечатлением с Надей Вольпин, не представляя, какую соль он посыпает на ее уязвленное самолюбие:

— Я не налюбуюсь этой парой. Да и как не любоваться! Сколько преданной, чистой любви в глазах юной женщины!

Надя не находила слов для опровержения. Она понимала, что в борьбе за Есенина она проигрывала, но хотела, чтобы ее поражение не было замечено другими.

В свою очередь, некоторые друзья Есенина также не хотели, чтобы поэт полностью оказался под влиянием Бениславской. Они боялись потерять его, открыто мрачнели, когда поэт их покидал, поэтому порой бесцеремонно вмешивались в отношения влюбленных.

24 июля 1921 г. Бениславская писала Назаровой: «Но зато Аня, Аня, если бы ты знала, сколько у нас «врагов» там за последнее время — все «Стойло», начиная с музыкантов и кончая... Ну это мы на ухо тебе скажем только (ты не вздумай об этом говорить с кем-нибудь до нас), все ополчились против нас, бросив на этот фронт и тяжелую артиллерию злостных и угрожающих взглядов, и ураганный пулеметный огонь иронии, и отдельные ружейные выстрелы в виде восклицаний. Но «мой лоб как белая скала», и пока мы храбро выдерживаем натиск врагов, по временам сами делаем вылазки, одним словом, фронт наш не гнется. Частенько бывает, что враги занимают нашу цитадель —

на эстраде, но мы и тут не унываем».

С. Есенин старался явно не афишировать своих симпатий к Бениславской, ему по душе была с ней только дружба. Как-то осенью зашел разговор о Бениславской при очередной встрече с Надеждой Вольпин. Есенин удивленно воскликнул:

— Да что вы — к Гале ревнуете? Между нами ведь нет ничего, только дружба! Было, все было, но теперь только дружба!

— Вот потому и ревную.

Надежда не стала доказывать, но в памяти отчетливо промелькнули знакомые кадры счастливой встречи поэта и темноволосой соперницы. «Было!» Она точно знала когда. Фестиваль. Осоргин. Изумрудные, сияющие счастьем глаза.

— Понимаете, — продолжал Есенин. — Мне нравится разлагать ее веру. Марксистскую. Она ведь ух какая большевичка!.. Упорная! Заядлая! Она там работает, в Чека.

Поэма «Пугачев»

Возвратившись из Туркестана, С. Есенин продолжал работать над поэмой «Пугачев», которую в июне прочитал в «Стоиле Пегаса». Пришлось не только зачитать текст поэмы, но и изложить присутствующим режиссерам, артистам и публике свою точку зрения на театральное искусство.

«Сначала, как почти всегда в таких случаях, — вспоминал И. Грузинов, — речь его была путаной и бессвязной, затем он овладел собой и более или менее отчетливо сформулировал свои теоретические положения (...) Он расходится со своими друзьями-имажинистами во взглядах на театральное искусство: в то время как имажинисты главную роль в театре отводят действию, в ущерб слову, он полагает, что слову должна быть отведена в театре главная роль.

Он не желает унижать словесное искусство в угоду искусству театальному. Ему, как поэту, работающему преимущественно над словом, неприятна подчиненная роль слова в театре. Вот почему его новая пьеса, в том виде, как она есть, является произведением лирическим.

И если режиссеры считают «Пугачева» не совсем сценичным, то автор заявляет, что переделывать его не намерен: пусть театр, если он желает поставить «Пугачева», перестроится так, чтобы его пьеса могла увидеть сцену в том виде, как она есть».

Обсуждение поэмы «Пугачев» проходило и на других публичных собраниях. 1 июля 1921 г. в «Известиях ВЦИК» публикуется объявление:

«Дом печати. Сегодня очередной литературный вечер. Выступает Сергей Есенин с чтением «Пугачева». По окончании — обмен мнениями. Начало в 9 час. вечера».

К Дому печати Галина и Аня Назарова пришли пораньше. Постепенно зал заполнялся зрителями. В отличие от кафе «Стоило Пегаса», где приходили слушать поэтов не только любители поэзии, но и случайные, лишь бы убить время, здесь собрались истинные любители поэтического слова.

«Чтение происходило не поздно, — вспоминал поэт С. Д. Спасский, — позади меня из не затянутых шторами окон вливался еще не погасший свет долгого летнего вечера. Вдали на пустой широкой сцене виднелась легкая фигура Есенина. Он одет был с тем щегольством, какое было присуще ему в имажинистский период. Широкая, свободно сшитая широкая блуза, что-то среднее между пиджаком и смокингом. Белая рубашка с галстуком-бабочкой, лакированные туфли. Полы его

блузы развевались, когда он перебежал с места на место. Иногда Есенин замирал и останавливался и обрушивался всем телом вперед. Все время вспыхивали в воздухе его руки, влетая, делая круговые движения. Голос то громыхал и накатывался, то замирал, становясь мягким и проникновенным. И нельзя было оторваться от чтеца, с такой выразительностью он не только произносил, но разыгрывал в лицах весь текст.

Вот пробивается вперед охрипший Хлопуша, расталкивая невидимую толпу. Вот бурлит Пугачев, приказывает, требует, убеждает, шлет проклятья царице. Не нужно ни декораций, ни грима, все определяется силой ритмизованных фраз и яркостью непрерывно льющихся жестов, не менее необходимых, чем слова. Одним человеком на пустой сцене разыгрывалась трагедия, подлинно русская, лишенная малейшей стилизации.

И вот произнеслись последние слова Пугачева, задышающиеся, с трудом выскользающие из стиснутого отчаяньем горла: «А казалось... казалось еще вчера... Дорогие мои... Дорогие, хор-рошие...» — зал замер, захваченный силой этого поэтического и актерского мастерства, а потом все рухнуло от аплодисментов. «Да это же здорово!» — выкрикнул Пастернак, стоявший поблизости и бешено хлопавший. И все двинулись на сцену к Есенину.

А он стоял, слабо улыбаясь, пожимал протянутые к нему руки, сам взволнованный поднятой им бурей».

Состоялось обсуждение. Председательствовал В. Т. Кириллов. Мог высказать свое мнение любой. В основном хвалили Есенина, восторгались его манерой исполнения. Указывали на художественные достоинства, выделяя запоминающиеся сравнения, перечисляли удачные образы. Некоторые указывали на революционность и созвучность содержания пьесы современности.

В. Т. Кириллов был более осторожен в оценке. Высказал мнение, что Пугачев говорит на имажинистском наречии и что Пугачев — это сам Есенин.

С. Есенин не скрывал своего недовольства такой оценкой друга и сказал:

– *Ты ничего не понимаешь*, это действительно *революционная вещь*.

Галина не скрывала своего волнения после выступления Есенина. Она понимала, что им создано великолепное произведение, но у нее пока не было слов для общей оценки.

На следующий день проводила Аню Назарову на отдых к родителям в Дмитровскую Гору. О «Пугачеве» по-настоящему разговора не получилось, но Бениславская была убеждена, что

она должна подруге высказать свое мнение. 4 июля 1921 г. письмо Ане, начала с цитирования отрывка из стихотворения Есенина «Хулиган» (1919) и тут же с места в карьер начала рассуждать о «Пугачеве»:

«Кто видел, как в ночи кипит
Кипяченных черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
С кистенем где-нибудь стоять.

Вот, Аня, в этом «Пугачев». Все, что есть в Есенине стихийного, буйного, кипение этой рати черемух — все в «Пугачеве», и он сам не ухарски удалой, а стихия бунта, ненависти к тем, кто «отгулял, отхвастал...».

Когда он читает «Пугачева», то Есенин и Пугачев — одно, нет в отдельности ни того, ни другого. И после этого говорят, что искусство может быть только в форме, в одной форме без содержания!

Ну, Аня, ты ведь не сердись, что я тогда, после «Пугачева» была такой рассеянной. Я только потом умудрилась осознать, что я тебя видела перед отъездом последний раз, и мне было так досадно».

В июле С. Есенин пишет 7-ю главу поэмы.

Галине Есенин иногда кратко пересказывал содержание написанных глав. 24 июля 1921 г. она сообщала Ане Назаровой: «Знаешь, у нас ведь тоже дождь, дождь и дождь... «и все без всякого толку». А как ужасно ночью, все время шумит, слюнявый такой. По временам мистический ужас — не заклятие ли в «Пугачеве» этого дождя. (По поводу него Есенин сказал: «Экий дождь, экий скверный дождь!»). А как он доволен 7-й главой. Но замучил, понимаешь, ведь так трудно ждать конца. И притом как будто нарочно дразнит, рассказывая о том, как пишет и т. п. А недавно я опять видела черновик и не сдержалась — открыла и стала читать (первые строки — дальше было неудобно — Анатолий Борисович мешал)».

А. Мариенгоф также высказал свою оценку: «Я люблю «Пугачева». Есенин умудрился написать с чудесной наивностью лирического искусства суровые характеры. Поэма Есенина вроде тех старинных православных икон, на которых образописцы изображали бога отдыхающим после сотворения мира на полатах под лоскутным одеялом. А на полу рисовали снятые валенки. Сам же бог — рыжебородый новгородский мужик с желтыми мозолистыми пятками».

Только в августе 1921 г. С. Есенин закончил поэму. 4 августа в «Стойле Пегаса» С. Есенин рассказывал приехавшему в Москву

В. А. Мануйлову, что недавно закончил драматическую поэму «Пугачев», на днях будет впервые читать ее на публике в литературном особняке на Арбате. Поэту Т. Мачтету сообщил 30 августа: «Только вчера кончил». В середине ноября подготовил рукопись поэмы к изданию. В декабре работает над корректурой поэмы «Пугачев» в доме И. Старцева. Во время работы произошел курьезный случай. «Однажды он проработал около трех часов кряду над правкой корректуры к «Пугачеву», — вспоминал И. Старцев, — и, уходя в «Стойло», забыл корректуру на полу перед печкой, сидя около которой он работал. Возвратившись домой, он стал искать корректуру. Был поднят на ноги весь дом. Корректуры не было. Сыпались отборные ругательства по адресу приятелей, бесцеременно, по обыкновению, приходивших к Есенину и рывшихся в его папку. И что же — в конце концов выяснилось, что прислуге нечем было разжигать печку, она подняла валявшуюся на полу бумагу (корректуру «Пугачева») и сожгла ее. Корректурa была выправлена на следующий день вновь».

С. Есенин написанную шестую главу не включил в основной текст «Пугачева». И. И. Старцев вспоминал: «Есенин, между прочим, не один раз говорил мне, что им выкинута из «Пугачева» глава о Суворове. На мои просьбы прочитать эту главу он по-разному отнекивался, ссылаясь каждый раз на то, что он запамятовал ее, или просто на то, что она его не удовлетворяет и он не хочет портить общее впечатление. Рукопись этой главы, по его словам, должна находиться у Г. А. Бениславской, которой он ее якобы подарил».

Рукопись 6-й главы действительно хранилась у Галины, хотя заполучить ее очень хотел А. Сахаров, а в 1922 г. А. Мариенгоф просил ее у Бениславской для публикации, но она публиковать главу не разрешила.

Изданную поэму «Пугачев» С. Есенин дарит с автографами Галине и Яне в январе 1922-го. На экземпляре Бениславской поэт написал: «Милой Гале, виновнице некоторых глав».

Айседора Дункан

Свой день рождения в 1921 году Сергей Есенин отмечал в коммунальной квартире на Богословском, где проживал с Анатолием Мариенгофом. Кроме них в коммунальной квартире жили рабочие, приветливо относившиеся к молодому поэту. И в этот день они его тепло поздравляли. В длинной, большой кухне Есенин играл с жильцами в карты, шумно и весело обсуждая свои проигрыши и выигрыши. Каждый старался выпить с ним за его появление на свет, желая имениннику счастья, радости и здоровья. К вечеру поэт сильно притомился от веселья и похмелья. Стоило ему прилечь, как сон захватил его полностью.

Встречать гостей и накрывать стол пришлось артистке Камерного театра Анне Никритиной, будущей жене Анатолия Мариенгофа, которую Есенин звал Мартышкой, Мартишоном. К вечеру пришли поздравить именинника режиссер Всеволод Мейерхольд, художник-имажинист Георгий Якулов, знакомые артисты. Решили не будить спящего Есенина, За скромно накрытым столом много говорили о приезде в Москву знаменитой танцовщицы Айседоры Дункан, приехавшей летом в Россию по приглашению наркома по просвещению А. В. Луначарского для создания балетной школы для детей из пролетарских семей.

Айседоре Дункан выделили на Пречистенке особняк бывшей балерины Большого театра Александры Балашовой. В. Мейерхольд был хорошо осведомлен о трудностях открытия школы Дункан в голодной и холодной Москве, так как работал заведующим театральным отделом в Наркомпросе. В школу отбирали одаренных детей. Желających попасть в балетную школу было много. Привлекало не только желание познать искусство танца, но также быть накормленным и одетым, а это в бедных семьях считалось большим счастьем.

На следующий день о гостях и разговорах Есенин узнал от Мариенгофа и Никритиной. О знаменитой Дункан он слышал в разговорах друзей в «Стоиле Пегаса», но они еще не привлекали его внимания. Нужно было разобраться в превратностях своей личной любви.

Он был сильно увлечен Галиной Бениславской. Обрадовался, что у этой прекрасной девушки он оказался первым, а ведь ей уже 21 год и жизнь прожила она не столь простую. Сожалел, что она не пришла к нему на день рождения. Но это же поправимо.

5 октября Есенин отправил записку по почте на Шереметьевскую улицу, 3, зная, что Галина жила в квартире

Козловских: «Я очень и очень бы хотел, чтобы Вы пришли сегодня ко мне на Богословский к 11 часам. Буду ждать Вас! За д... Спасибо. Без...». В этом сокращении «д» можно усматривать слово «девственность», а неоконченная запись после слова «без» означала «без подруги», которые обычно сопровождали Галину. Примечательно, что именно в этот день заочно Народный суд в Орле принял решение о расторжении брака С. Есенина с З. Райх.

Встречи продолжались в последующие дни, чаще в Богословском переулке, где жил Есенин. Нельзя сказать, что Галина восторженно оценила свою «интимную близость» с любимым. Скорее всего, ее состояние, по ее мнению, было туманным.

Сразу же возник вопрос: кто она теперь: любовница или возможная жена, долго ли будет это продолжаться или же это кратковременное увлечение. Позже, вспоминая эти встречи с Есениным, Галина писала: «Я подумала: «Ну вот, началось и уже повторилось, а дальше — опять видеться и... — как всегда и все — «любовница», и какое-то чувство скуки и неудовольствия промелькнуло. И это тогда, когда я была и чувствовала себя счастливой. И я знаю, что затянись это — скука выплыла бы даже при той любви, которая была. А вот не случилось, и я не могу примириться с мыслью, что все прошло, мне недостаточно двух дней».

Бережно хранила подаренную ей Есениным 8 октября «Библию», которую поэт читал с карандашом, подчеркивая понравившиеся ему абзацы. В седьмой главе любопытна помета о любви и отношении к женщинам. Возможно, что Есенин предполагал, что Галина обратит на это внимание.

В выделенном абзаце говорилось: «И нашел я, что горче смерти — женщина, потому что она — сеть, и сердце ея — силки, руки ея — оковы; добрый орел Богом спасется от нея, а грешник уловлен будет ею». И далее: «Что еще искала душа моя, и я не нашел? — Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел».

Изредка Есенин продолжал встречаться и с Надеждой Вольпин. Она приходила к нему в Богословский переулок, когда поэт сидел дома из-за сильной простуды. Но угроза Бениславской исходила не от Н. Вольпин.

Неожиданно у Есенина начался бурный роман с Айседорой Дункан. Встречи с Бениславской прекратились.

Галина была наслышана о приезде в Москву Айседоры Дункан, о ее школе танца, но для нее это была обычная информация из культурной жизни страны. И совершенно по-иному стал относиться к сведениям о Дункан Сергей Есенин. Эта

женщина привлекала его и своей мировой славой, о которой он читал в газетах, и героическим поступком, каким был ее приезд из Запада в разрушенную экономически Россию. Он не мог найти повод для встречи с ней лично, но в кругу друзей интерес к Дункан не скрывал.

Большой восторг вызвало у Есенина первое публичное выступление Айседоры в Большом театре во время празднования 7 ноября четвертой годовщины Октябрьской революции. Он привел с собой в театр друзей. С каким-то внутренним волнением следил за пластическим танцем Дункан под трагические ритмы Шестой симфонии П. И. Чайковского. Ему не до конца была понятна философия танца под звуки музыки, но исполнительская красота танцовщицы держала его в напряжении. Он не мог отрешиться от мысли, что все это чародейство с танцем совершает красивая, божественная женщина.

Его впечатления совпадали с оценкой знаменитой танцовщицы в прессе. Газета «Известия ВЦИК» писала 9 ноября: «Это был гармонический праздник освобожденного человеческого тела. Айседора Дункан — танцовщица, но здесь не было танца в его обычном техническом смысле. Это было полное красоты пластическое и мимическое толкование музыкальных шедевров, притом толкование революционное».

Встреча танцовщицы и поэта состоялась в один из ноябрьских вечеров в мастерской художника Г. Якулова, знавшего о желании Есенина познакомиться с Дункан и обещавшего помочь ему. И такой случай представился.

Г. Я. Стырская вспоминала, как холодным, дождливым осенним утром в комнату, где она сидела с мужем, Э. Германом, вбежали Григорий Якулов и Анатолий Мариенгоф, мокрые и возбужденные.

— Господа, — обратился Г. Якулов, — приходите ко мне сегодня праздновать! Будет Айседора Дункан, Таиров, Мейерхольд, все, все будут. Придет куча людей. Вы непременно должны явиться!

Понимали, что энтузиазм нужно подкреплять материально, поэтому к Якулову пошли с небольшим запасом закусок. Каждый приносил что мог. Как бы то ни было, но длинный, похожий на верстак стол в мастерской художника оформили фисташковыми орехами, дынями, колбасой, конфетами, карамелью, яблоками и хлебом. При этом хлеб был белый. Его достали под большим секретом, как и вино, которое законом было запрещено продавать.

«Непрерывно звонил телефон, — вспоминала Г. Стырская. — У аппарата хлопотал Борис Пронин, старый мальчик, некогда

принадлежавший к молодой питерской богеме. Актеры, поэты, художники, люди из Наркоминдела, и даже кто-то из Моссовета, спорили и шумели. Ждали комиссара культуры Анатолия Васильевича Луначарского. Но пока его представляли два помощника — Захарий Григорьевич Гринберг и Давид Петрович Штеренберг. Георгий Якулов говорил о революционных путях в живописи. Все толпились перед огромным холстом, на котором Якулов изобразил битву. Есенин и Мариенгоф были одеты лучше других, они сохранили свой гардероб. На Есенине был тщательно вычищенный и выглаженный костюм. Явно возбужденный, он бесцельно бродил по ателье. Вечер затянулся, многие ушли. За шумом голосов шелест осеннего дождя не был слышен»

Айседора Дункан приглашение приняла с удовольствием. Она любила бывать среди молодой интеллигенции, особенно среди артистической молодежи, раскованной и творческой. Но какое-то предчувствие ее тревожило, она не могла понять, в чем суть ее напряженного состояния.

«Айседора надела свою длинную танцевальную тунику и золотые сандалии, — писала Мэри Дести, ближайшая подруга танцовщицы, — а на голову — золотой газовый шарф. Губы накрасила ярко-красной помадой, глаза подвела черной тушью. Ей хотелось своим видом бросить вызов суровости и страданию, на которые она достаточно нагляделась. Все тело ее трепетало при мысли о настоящей оргии артистов. Когда русские что-то затевают, то делают это от души. Никакие ограничения, законы, нужда не помешают русским художникам устроить великолепную вечеринку, если они решат ее устроить. Я сама видела, как они выходили из дома в полночь без копейки и возвращались нагруженные дичью, икрой, сыром, фруктами, водкой и шампанским. Один Бог знает, где они все это доставали».

Приехала Айседора в сопровождении своего секретаря Ильи Шнейдера, приемной дочери Ирмы Дункан поздно, чуть ли не в первом часу ночи.

— О, Айседора! — приветствовал хозяин вечеринки. — Почему так поздно? Наш молодой поэт Есенин уже перевернул пол-Москвы, разыскивая тебя. Он слышал о твоей славе и заявляет, что не заснет, пока с тобой не увидится.

Айседора внимательно рассматривала присутствующих, всматривалась в лица, словно стараясь их запомнить, торопливо отвечала по-французски, по-английски и по-немецки на многочисленные вопросы со всех сторон. По русскому обычаю ей преподнесли штрафной стакан водки, требовали выпить, весело скандируя «Пей до дна! Пей до дна!». Такой дозы было достаточно, чтобы забыть сырость и холод на улице, отрешиться

от разных надоедавших мыслей и окунуться с головой в шум и суматоху вечеринки.

Никто не пытался ее познакомить с Есениным, который внимательно рассматривал Айседору из другого угла комнаты. Она почувствовала его взгляд, ответила ему откровенной улыбкой и неожиданно поманила его к себе. Это была судьба!

Об этом эпизоде писали по-разному. Более достоверны воспоминания Г. Я. Стырской, хорошо знавшей С. Есенина:

«Есенин сел у ног Айседоры, он молчал. Он не знал иностранных языков. На все вопросы он только кивал головой и улыбался. Она не знала, как с ним говорить, и провела пальцами по золоту его волос. Восхищенный взгляд последовал за ее жестом. Она засмеялась и вдруг обняла его голову и поцеловала его в губы. С закрытыми глазами она повторила этот поцелуй. Есенин вырвался, двумя шагами пересек комнату и вспрыгнул на стол. Он начал читать стихи. В этот вечер он читал особенно хорошо. Айседора Дункан прошептала по-немецки: «Он, он — ангел, он — Сатана, он — гений!». Когда он во второй раз подошел к Айседоре, она бурно зааплодировала ему и сказала на ломаном русском языке: «Очень хорошо!». Они смотрели друг на друга, обнявшись, и долго молчали. Под утро она увела его с собой».

Эту любовь никто не мог остановить, хотя друзья стали предостерегать Есенина от последствий, особенно подчеркивая разность в возрасте, предыдущую бурную жизнь Дункан с мужьями и любовниками. Все было напрасно. Вскоре Есенин переселился в дом на Пречистенке, стал приглашать в гости многочисленных гостей.

Ну, а его любимые? Надежда Вольпин поверила в страстную и искреннюю любовь Айседоры, но сомневалась в ответных чувствах Есенина, отнеся их к простым сексуальным отношениям.

Галина Бениславская о переменах в отношении к ней Есенина 22 декабря 1921 г. записала в дневнике:

«Я не знаю, хорошо или плохо. Сначала стало спадать, проходить было дорогое нам милое воспоминание и одно из сердечных свиданий с ним, таким большим. А сейчас опять шквал. И так приятны слова: «Но для меня непоправимо милый, и чем теплей, тем трогательней ты» (цитата из стихотворения А. Ахматовой. — С. 3.).

Теперь он небрежен, но и это не важно. Внутри это ничего не меняет. Надо только внимательно обдумать каждый шаг. И надо быть умней. (...) А изменять мы ничего не в силах.

А приятно, очень приятно чувствовать в себе преданность без конца и вместе с тем знать, что, если надо, скажу:

А ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня...

И знать, что вместо нежного я могу сказать другое, злое и чуждое, и не бессознательно, а так, рассчитав, бросать камни. От этого больше любишь...».

Дни и ночи тревожных раздумий

Нерадостной была у Галины встреча Нового, 1922 года. Ни поздравлений от любимого, ни встреч с ним. Постоянно думала о любовной связи Сергея Есенина с Айседорой Дункан. Не верила, что это надолго. Ревность душила ее.

1 января 1922 года записала в дневнике: «Хотела бы я знать, какой лгун сказал, что можно быть не ревнивым! Ей-богу, хотела бы посмотреть на этого идиота! Вот ерунда! Можно великолепно владеть, управлять собой, можно не подавать вида, больше того — можно разыграть счастливую, когда чувствуешь на самом деле, что ты вторая; можно, наконец, даже себя обманывать, но все-таки, если любишь по-настоящему — нельзя быть спокойной, когда любимый видит, чувствует другую. Иначе значит — мало любишь. Нельзя спокойно знать, что он спокойно кого-то предпочитает тебе, и не чувствовать боли от этого сознания. Как будто тонешь в этом чувстве. Я знаю одно — глупостей и выходок я не сделаю, а что тону и, захлебываясь, хочу выпутаться, это для меня ясно совсем. И если бы кроме меня была еще, это ничего. Если на то — очень, очень хорошо. Но т. к. она передо мной — и все же буду любить, буду кроткой и преданной, несмотря ни на какие страдания и унижения».

Встреча с Есениным состоялась в конце января. Галина и Яна пришли в «Стойло Пегаса». Увидели возбужденного Сергея, который не скрывал радости от выхода книги «Пугачев», раздаривая ее с автографами близким друзьям. Карандашом написал дарственную и Бениславской: «Милой Гале. Виновице некоторых глав. С. Есенин. 1922, январь». Вначале написал 1921 год, но одумался и исправил на 1922-й.

Затем надписал дарственную Я. Козловской: «Любезной Яне, исправительнице неровностей этой поэмы. С. Есенин. 1922, январь». Эта была заслуженная похвала. С. Есенин иногда читал Яне отдельные фрагменты поэмы, порой советовался с ней во время работы над текстом, выслушивал ее мнение. Яна была опытным редактором, языковые промахи замечала.

Встреча с Есениным прошла в нескрываемой спешке. Казалось, что он хотел только выполнить какую-то формальную обязанность. Его торопливость и быстрый уход Галина восприняла как неизбежное прощание с нею. Дома записала в дневнике, что не только она, но и Яна полученные дарственные на «Пугачеве» оценили как «прощание и последнее «на память». С этим он проводил нас и поехал к Дункан».

Яна пыталась успокоить Галину, советуя не относиться к

таким расставаниям серьезно. «Уж не девочки мы и не сырые», — сказала она, сочувствуя подруге.

Может быть, она и права. Но как забыть, что между ними было. Разве можно мгновенно вычеркнуть из жизни март и август 1921 года, самое лучшее в ее жизни время. Разве забудешь те минуты, когда в Политехническом музее возбужденная чтением стихов публика гремит: «Есенин!», а тебе кажется, что это зовут и тебя, так как невозможно было отделить свою радость от его.

Галина вспомнила, как он провожал ночью домой. Тихо, нежно, тепло. Чувствовалось, как пауки по стенам домов ползали. Может быть, Есенин такие проводы забыл, но она не может их выбросить из своей памяти.

Да, Яна права — детство давно прошло. Нужно и эту разлуку пережить. Дома свои мысли, чтобы от них избавиться, доверила дневнику. 31 января запись начала с четверостишия, а потом писала то, о чем много думала и передумала в одиночестве:

«Книга юности закрыта
Вся, увы, уж прочтена.
И окончилась навеки
Ясной радости весна...

Да, уж закрылась, и закрылась еще в том году, а я, непонятливая, сейчас это увидала! Знаю, все силы надо направить на то, чтобы не хотелось ее читать опять и опять, снова и снова, но знаю: «только раз ведь живем мы, только раз». Только раз светит юность, как месяц в родной губернии. И не вернуть никакой ценой того, что было. А была светлая, радостная юность».

Галина задумалась. Перечитала. Неужели же все этим и закончится! Она же еще молода, вся жизнь впереди!

«Ведь еще не все кончено, — продолжала писать в дневнике, — еще буду жить и, знаю, буду любить, и еще не один раз загорится кровь...»

Опять задумалась. Не самообман ли это? Нужно честно смотреть правде в глаза. И все же она знала, что так любить, как любила она Есенина, уже никого не будет, поэтому продолжала дневниковую запись:

«...но так, так я никого не буду любить, всем существом, ничего не оставив для себя, а все отдавая. И никогда не пожалею, что так было, хотя чаще было больно, чем хорошо, но «радость — страданье одно», и все же было хорошо, было счастье, за него я благодарная...»

Она вспомнила окончание поэмы «Пугачев» и как-то отчетливо поняла ту безысходную тоску Емельяна, когда его

предали друзья, когда рухнула его мечта о будущей победе. Эти строки Галина вписала в дневник: Юность, юность! Как майская ночь,

Отзвенела ты черемухой в степной провинции.

...

...Боже мой!

Неужели пришла пора?

Неужель под душой также падаешь, как под ношею?

А казалось... казалось еще вчера...

Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Поняла, что подобные слова она находит для самоутешения, а на самом деле в душе уже пусто и что эту опустошенность словами не заполнишь. Но другого выхода нет. Вспомнила строки из стихотворения А. Блока «Когда-то гордый и надменный...»

О, как я был богат когда-то,

Да все не стоит пятака:

Надежда, любовь, молва и злато,

А пуще — смертная тоска.

Жаль, что не с кем поговорить, да и стоит ли откровенничать о самом дорогом, даже с любимыми подругами! Нужно взять себя в руки. Записала в дневник: «И когда я поборю все в себе, все же останется теплое и самое хорошее во мне — к нему».

Вот это верно. Как у любимого Блока в стихотворении «Протекли за годами года...»

А душа моя — той же любовью полна,

И минуты с другими отравлены мне.

Засыпала с трудом. Казалось, что у нее продолжает ныть кровоточащая рана. Для успокоения выпила вина, но сон не шел. Сверлила одна нудная мысль: неужели ее любимый, красивый, молодой Есенин любит эту старуху Дункан, а у нее, молодой, нет никаких надежд.

Галина не раз ловила на себе восхищенные взгляды мужчин, знала, что недурна собой. За своей внешностью следила. Часто спорила с Яной, которая уверяла, что для женщины красота не столь важна, как ум. С этим Бениславская не могла согласиться, считая, что ум — умом, но нельзя сбрасывать со счетов и свою внешность. Однако Есенин на это не обратил никакого внимания. Так что дело не в красоте, а в чем-то другом.

Яна иногда беспощадно обрывала мечты Гали о Есенине. Рекомендовала выбросить его из сердца. Это все равно, говорила подруга, что расстаться с больным зубом. От ноющей боли можно избавиться только избавлением от больного зуба. Вырвать — и точка... Впрочем, Яне хорошо так говорить! Болит душа не у нее, мысли о любимом ей чужды!

Яна и Аня уверяли, что Дункан красива, пусть не совсем молода, но интересна как женщина. Она искренне полюбила молодого Есенина, который перед такой любовью не устоял. Галина внимательно слушала, но была уверена, что подобные успокоительные разговоры подруг она никогда не воспримет всерьез.

В дневнике, неожиданно вспомнив недавно прочитанные строки поэта Гумилева: «мир — лишь луч от лика друга, все иное — тень его», записала: «Я справлюсь с этим. Любить Есенина всегда, всегда быть готовой откликнуться на его зов — и все, и больше ничего. Все остальное во мне для себя сохранию и для себя израсходую. А за то, что было, — всегда буду его помнить и всегда буду хорошо вспоминать. И не прав Лермонтов — ведь я знала, что это на время, и все же хорошо. Когда пройдет и уйдет Дункан, тогда, может быть, вернется. А я, если даже и уйду физически, душой всегда буду его».

Перечитала. Все верно. Время покажет. И не заметила, как без кавычек написала предложение: «Ты уж так не будешь больше биться, сердце, тронутое холодком». Записала без кавычек, без выделения. Так ведь это же есенинские слова! А записала как свои. А вот и строки Блока:

О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться?

Как хорошо говорят и пишут поэты! Эти слова принесли даже успокоение. И как бы подводя итоги, стала писать в дневнике, предполагая, что этим самым она избавит себя от загрузивших ее душу тяжелых мыслей:

«Будет новое, иное, будет и до скучного похожее, но всегда не то. Сейчас мне даже не хочется, чтобы что-нибудь было похожим. Эту боль, эту тревожную тоску я люблю, и как будто не отделяю от причины. Из-за этого люблю не только Яну, но самое себя сейчас только за это люблю. Как ни страшно и ни странно, но сейчас во мне все опустошено. Как будто ветер заполнил воздух листьями, казалось много, все полно сверкает ими, но он утих, и воздух чист и прозрачен. Все, чем сумели до сих пор обманывать себя, потеряло цену. Фальшивые бумажки. Никому не нужные.

Хорошо, что они были выпущены в мою жизнь, но теперь им не верю. Теперь знаю: все для меня ценное — во мне и там, где есть отзвук мне. Все остальное — погода. И нельзя ставить перед собой — чтобы всегда была хорошая погода — не будет. И особенно этого хотеть для других. Пусть сами поучаться хотеть. И только когда по дороге с кем-нибудь, тогда можно задумываться и считаться с ним! Смешно же, идя вместе и, найдя дорогу, скрывать от них. Боже сохрани, кого другого».

И Галина вспомнила бирюзовое небо, которое видела утром, затем солнце. Жизнь продолжалась!

Дневниковые записи были хорошей отдушиной для ее мечущейся души. 22 мая 1922 года она запишет в дневнике: «Уехал. Вернее, улетел с Айседорой. Сначала, первые два дня, было легче — как зуб вырвали — болела только ранка, но не зуб. Но, видно, зуб очень больной — ранка не заживает, а наоборот, началось воспаление, боюсь гангрены. Никакие средства не помогают. И что ужасно — вставить обратно нельзя, органического зуба больше не будет, можно заменить искусственным, и только. «Сильней, чем смерть, любовь» — есть потери не меньшие и не менее непоправимые, чем смерть. Страшно писать об этом, но это так: смерть Есенина была бы легче для меня — я была бы вольна в своих действиях. Я не знала бы этого мучения — жить, когда есть только воля к смерти. Невыносимо знать, что есть один выход и сто как раз этот путь тебе отрезан. Ведь что бы ни случилось с Есениным и Айседорой, но возврата нет».

Вспомнились строки из сонета И. Северянина, написанные в 1908 году:

И понял я, что нет мне больше в жизни счастья.
Любви возврата нет.

16 июля 1922 г. не выдержала, позвонила по телефону в школу-студию Дункан. Спросила, скоро ли вернется Айседора Дункан. «Через год, — ответили ей, — сейчас в Бельгии, детей на год везут за границу». Значит, и Есенин пробудет там этот срок.

Вечером записала в дневнике: «А год — иногда длиннее жизни. Как же ждать, когда внутри такая страшная засуха? Что же делать? Надо идти в школу авиации, это единственное, что может заполнить жизнь, иначе велик соблазн и мало сил для борьбы с ним; и в школу нельзя — не выдержу физически. Но что же, куда же, зачем — ничего не знаю. Страшно, очень страшно. Очень!»

Галина стала считать дни, прожитые без Есенина. 21 июня 1922 г. в письме Ане Назаровой, уехавшей 20 июня в отпуск в родную Дмитровскую Горю, не забывает подчеркнуть: «А сегодня

ровно 6 недель, как уехал Л.». Под литерой «Л» она зашифровала и «Есенин» и «Любовь». Прочитировала в письме строки из IV главы есенинского «Пугачева»: «Человек в этом мире — не бревенчатый дом, Не всегда перестроишь заново», которые тут же пояснила подруге: «Вот, Анечка, какая я глупая — все время смотрю в этот выгоревший дом и думаю о том, что его не перестроишь заново. И так страшно, страшно. Знаешь, жизни страшно. Ведь в ней все так дорого стоит, берется большой ценой, а я сейчас — банкрот (и растратила все в один год!). Ну, ладно, больше хныкать не буду. (Скорее бы Л. возвращалась только!)». В письме 27 июня 1922 г. пожелала себе и подруге: «Хочется мне, чтобы мы наперекор всему и всем задор и резвость прежнюю вернули, и именно — я и ты».

Письмо подруге Бениславская писала из подмосковного санатория Покровское-Стрешнево. Она заболела неврастением в острой форме и проходила лечение в санатории. Не любила сообщать подробно о своем лечении. Даже Ане исповедовалась иносказательно: «Я какая-то немая теперь стала, вот и слышу, и вижу хорошо, а язык не ворочается, прирос. И это несмотря на то, что я себя куда лучше чувствую последние две недели».

Санаторий находился среди подмосковных лесов. Бениславская часто совершала прогулки на природу. «А недавно я сидела над оврагом, — писала она А. Назаровой, — читала, а напротив стоит рябина, молоденькая, да нарядная, радостная такая, стоит и веточками как пальцами перебирает. Я ей улыбнулась, не стерпела». Рассказала подруге и о том, что однажды принимала участие в уборке созревшей ржи. Работала легко и споро, даже самой было приятно сознавать, что не относится к городским белоручкам. Трудилась же на частном поле, что ее не удовлетворяло. «Но жала только один раз — что-то не очень хочется на этих подмосковных хозяйчиков-спекулянтов энергию зря тратить. Поэтому на следующий день, несмотря на усиленные приглашения накануне, я взяла книгу и не пошла на жатву!».

Читала Галина много. Перечитала первый номер журнала «Красная новь», в котором ей не понравилась «гнусная» статья С. Боброва «Символист Блок». «Вот ведь, что ни напишет, — сообщала Ане, — так и прет шипенье какой-то гадины пресмыкающейся (ты прости, что ругаюсь с такой злостью — не я, Бобров виноват). Вот его статью даже пересказать трудно».

Здравница находилась недалеко от города, можно было на велосипеде приезжать домой на воскресные дни. В один из таких приездов в Москву Галя прочитала напечатанную в майском номере берлинского журнала «Новая русская книга» написанную

С. Есениным «Автобиографию». Без восторженных эмоций она писала об этом Ане Назаровой: «Написана смешным детски-официальным языком (классное сочинение на тему «Что вы лучше всего помните из своей жизни?»). Нового почти ничего. Но все же прочесть было интересно».

Удовольствие получала от чтения стихов. Приобрела изданный весной 1921 г. сборник стихов любимой поэтессы А. Ахматовой «Подорожник», из которого наизусть выучила стихотворения «А ты теперь тяжелый и унылый...» и «А ты думал — я тоже такая...».

Последние дни в санатории казались Галине утомительными. Они ей запомнились надолго. «...Я очень скучала там, — рассказывала Галина подругам, — не могла даже использовать окружающее: в лес не ходила, сидела часто в комнате и слушала жужжание аэропланов».

Роман с Сергеем Покровским

С 7 августа 1922 года Галина Бениславская приступила к работе помощником секретаря в редакции газеты «Беднота». «Я ведь уже в Москве, и уже в «Бедноте», — писала А. Назаровой. Постепенно втянулась в обычные трудовые будни. «К «Бедноте» я уже привыкла, — через несколько дней сообщила она Ане, — скорее и легче, чем к санаторию. Работы немного, не трудно. Первые дни в связи с процессом социалистов-революционеров было больше».

Работа отвлекала от навязчивых мыслей. О настроении писала подруге: «Чувствую себя поскольку можно хорошо, ничего, главное, не хочется, ни к чему не стремлюсь и ни о чем не тоскую. Не хочется ни хорошего, ни... плохого («мат в три хода»). А это большое богатство сейчас для меня — это уже начало спокойствия, такого, конечно, внешнего, не физического, но почти житейского».

Внешне никто не мог заметить ее плохого настроения, всех убеждала, что лечение в санатории пошло на пользу. А если заглянуть в ее душу? Здесь было не так благополучно. «Внутренне мне может дать только Л. (Л. или Л. — обе ведь Л.), — откровенничала с Назаровой. — Во всяком случае, я бы формулировала так: «Я еще не хочу ходить. Но уже могу (ноги начали действовать — паралич проходит)» (...) Сегодня первый вечер (я с 7 авг.) не болит голова совсем. Так что я первая из наших рядов свалилась, но первая и встаю, правда, подбитая со всех сторон. А иногда, как протест против окружающего, и всего, всего хочется всем говорить, что все решительно хорошо, хорошо, хорошо».

Из трудового отпуска возвратилась Яна Козловская. В середине августа пришло письмо от Назаровой, в нем Аня писала о своих душевных нарывах. Это была весточка, которую Бениславская долго ждала, но которая не очень обрадовала. Тут же стала успокаивать подругу. «Аничка, милая, в этом трудно советы давать, — писала Галина, — но все же постарайся одно сделать — смотреть на все с (выражаясь грубо) «наплевательской точки зрения» — оттого, что ты будешь иначе относиться, лучше и легче не будет, а для тебя это самое плохое — разрушишь себя так, как я. Ты ведь видела, как легко все растерять и как трудно набирать опять. Очень трудно».

Невозможно было давать советы подруге, если со своими душевными болячками не можешь совладать, если впереди не просматривается ни один огонек надежды. 30 августа 1922 г. Г.

Бениславская пишет подруге: «Аня, моя милая. Если бы ты знала, как это мучительно, то, что сейчас со мной творится. И главное — все мучения во мне, и от меня зависят. Знаешь, говорят, что если твердо верить, то можно ходить по водам, но стоит чуть усомниться и все пропало. Я раньше твердо верила, что сделаю все, что найду нужным сделать. Теперь этой веры нет. Что нужно сделать — не знаю, потому что не верю в выполнение, а что делаю, делаю плохо, потому — что знаю: это не то, что нужно. Ну когда увижу — объясню». Требовался выход из затянувшегося душевного кризиса. И он был найден.

Полтора года длилась разлука Бениславской с Есениным. Срок немалый. Конечно, Галина много думала о нем, но сама жизнь не могла ограничиваться только этим душевным состоянием. Она понимала, что каких-то жестких обязательств верности Есенину никогда не давала, как и Есенин не был обременен какими-нибудь обязательствами по отношению к ней.

Галина не была обделена вниманием со стороны ее окружающих. Проявляли заботу не только близкие подруги. Перед Пасхой в ее почтовом ящике знакомый Эмманиул Моисеевич оставил записку: «Галя, извиняюсь, Галина Артуровна! Христос Воскрес! Вам бы пора тоже. Мой телефон 24–58».

Из-за рубежа от С. Есенина писем Бениславская не получала. Это совершенно не означает, что он ее забыл. 12 января 1922 г. из Нью-Йорка С. Есенин писал А. Мариенгофу: «Поклонись всем, кто был мне дорог и кто хоть немного любил меня. В первую очередь Гришке, Сашке, Гале и Яне, Жене и Фриде, во вторую всем, кого знаешь». Перечень женских имен свидетельствует, что поэт думал о них. Он также не писал писем не только Галине, но и Надежде Вольпин, Екатерине Эйгес. Возможно, что А. Мариенгоф и не передал есенинского приветов Бениславской, с которой был в натянутых отношениях после ее отказа передать ему для публикации шестую главу «Пугачева».

Штат редакции газеты «Беднота» был небольшой. Познакомиться со всеми Галине не составляло труда, тем более что к ней часто обращались сотрудники как к секретарю редакции. Часто стал забегать по разным вопросам Сергей Покровский. Попросил выдать ему справку. Галина написала на бланке редакции: «Настоящим удостоверяю, что предьявитель сего тов. С. П. Покровский состоит сотрудником газеты «Беднота». Секретарь редакции Г. А. Бениславская».

Сергей Покровский не скрывал своих симпатий к сотруднице. Работал он в «Бедноте» выпускающим газету. По возрасту был на несколько лет старше С. Есенина, женат, имел двоих детей. Любил поэзию, в ранней молодости сам писал стихи. Это была

одна из любимых тем для разговора с Галиной.

Работал Покровский в ночное время, это создавало ему дополнительные сложности для встреч с Галиной. На работе к тому же о личном говорить в официальной обстановке было трудно. Выход был найден: устное общение заменил отправлением различных записок и писем Бениславской, которые или оставлял их у нее дома в почтовом ящике, или вручал при встречах в редакции. «От скуки вчера читал поэтов, — писал Бениславской. — Ваша наука.

(...) Вчера наконец-то прочел Гаврилиаду. Хорошо. 10 раз прочел Ахматову, раза три Блока и... Сашу Черного. Последний лучше всех».

Этот перечень имен позволяет судить о поэтических пристрастиях Покровского. Он также увлекался театром, мог при встрече обсуждать какую-нибудь премьеру или рассказывать об игре любимого артиста.

Сергей Покровский по-юношески горячо и страстно влюбился, как писал ей в записках и письмах, в своего Галченка, Галушку, свою черненькую, «бесконечно дорогую, любимую ненаглядную девочку». Справедливо заметила Н. И. Шубникова-Гусева, прокомментировав через много лет его письма к Бениславской, что у С. Покровского «было исключительное чувство, в котором сочеталась общность духовных интересов, дружба и непреодолимая иссушающая потребность физической близости: «Тянет меня к тебе страшно...», «Губы твои: так хорошо пахнут молодым телянком, свежестью...».

Устоять против такого напора было сложно. Галина постепенно стала привыкать к новому другу. В апреле 1923 года сообщила А. Назаровой, прочитав ее дневник: «Я читала это с таким чувством, что даже Сергея Петровича (Покровского) забывала, а сейчас это много».

Но стоило ей во время летнего отдыха совершить поездку на теплоходе по Оке с заездом в Рязань, как все ее чувства к Есенину пробудились, о чем она сообщила в Москву утром 23 июня 1923 г. подругам: «Я только, только из Рязани, из города на пристань. Так просто, так просто — поехала Рязань-город поглядеть, милую, милую Рязань. Ехала по городу и думала: вот здесь ходил златокудрый, голубоглазый мальчик, здесь накипела «удаль без конца», задор того хулигана, которого я так любила! (быть может, люблю даже), который так бесконечно много дал мне. Я даже не представляла, что мне так радостно, так «сладко» будет увидеть, почувствовать этот город. А дальше через три часа Спасск — там он учился. Не могу дожидаться, когда увижу этот Спасск. Мне раньше так хотелось увидеть Спасск, Рязань. А ведь когда я

выезжала из Москвы, я даже не вспоминала про это. И сегодня приехала в Рязань (на пристань) — на душе пасмурно. Тоска, хоть обратно поезжай. А побыла в городе — как рукой сняло. Я не знаю отчего, но с Сергеем Есениным связано все радостное, и все то, что с ним связано, вызывает какую-то юную, светлую радость. Отчаливаем... Раз, два, три. Прощай, Рязань».

Возвращаясь из города на пристань, Галина поймала себя на мысли, что Рязань — не только есенинский город. Вспомнила, что С. Покровский просил навестить жившую в Рязани его сестру. Поделилась об этом с Аней Назаровой: «А странно. В Рязани ведь рос и Сергей Петрович. Я почти не вспомнила об этом. Уже возвращаясь, подумала: а ведь не только Сергей Есенин, а и Сергей Петрович? Он тоже здесь учился ходить, но с ним Рязань мало связана. Правда, я с досадой думала, что вот здесь у его сестры (Сергея Петровича) есть вещь, которая мне обещана, ну, чтобы мне зайти и взять».

Письмо пришлось дописывать вечером этого же дня, когда пароход причалил к пристани Спасска. Бениславская ошиблась. Она запомнила, что Сергей Есенин учился не в Спасске на Оке, а в Спас-Клепиках, расположенных в глубине Рязанской губернии. Для нее это было не столь важно, для нее название Спасск прочно неотделимо от имени любимого. «Поездка во всем выходит исторической, — писала она Ане Назаровой, — Рязань, Спасск. «Кресты Рязани» (Р. Ивнев). А в Спасске он жил, учился. С какой нежной жадностью я вглядывалась в этот городок. Здесь первые шаги, здесь первый задор быть «знаменитым русским поэтом». Чувствуешь ли? А я первый раз уехала без авторского «Пугачева», без «пресвятой троицы». Сейчас жалею».

Вспоминала в поездке Сергея Покровского. В письме спрашивала Назарову: «Ну, а как он, мой бритый любимый поживает? Повеселел? Спокойнее? Лилии до сих пор цветут, нежные, ласковые. Все на них любят. Только в моей каюте и есть цветы, моя соседка говорит, чтобы я их все время с собой носила, так мне хорошо с ними — «хоть рисуй». Ну, хватит. А то до Саратова не доеду. А карточку-то над кроватью я не взяла!».

Фотокарточку С. Покровского, подаренную им недавно, Галина повесила над своей кроватью в комнате. По своей инициативе. Письмо закончила традиционно: «Привет всем. Тебя, Янку, Соню и Сережу крепко, крепко целую. Галка». Это еще раз подтверждало, что Сергей Покровский прочно вписался в ее жизнь.

На пароходе пассажиры быстро знакомились. Трудно было не обратить внимания на черноволосую, с удивительными бровями одинокую девушку, которая не стремилась к общению. По этому

поводу писала Ане из Самары: «Публика на пароходе поганая (почему, сама не знаю), вероятно, оттого, что мне покою не дают. Хотя это интересно. Видела бы ты, какие неприступные рожи я делаю при всяком даже взгляде на меня. Эти рожи уже мне создали «славу» «серьезной» девушки! Познакомилась только с одним моряком-петроградцем, уж очень жаль его стало — в глупое положение попал — подошел, что-то спросил, а дальше уйти не хочет и вместе с тем дальше ничего придумать не может. Я чуть не лопнула со смеху (а сидела все с той же серьезной миной)».

И опять интересовалась Покровским: «Ну, а мой бритый (в может, он еще не побрился — пусть скорей бреется), жив, здоров, невредим? А я без карточки, без «Пугачева», без карточки Сергея Есенина!».

Возвращение Есенина из-за границы

Бениславской о приезде Сергея Есенина предварительно никто не говорил, но очень скоро до нее стали доходить слухи о возвращении поэта. Она не знала, что в это время Есенин был занят не столько своими творческими делами, сколько выяснением отношений с Айседорой, которые обострились еще за рубежом. После возвращения в Москву Есенин и Дункан смогли вместе прожить всего 12 дней. Вырвавшийся на волю, поэт ушел в разгул.

А. Дункан, чтобы поправить материальные дела школы, 15 августа выехала в турне по городам Кавказа, Крыма и Украины. Договорились, что Есенин приедет к ней в Кисловодск дня через три, но он не смог выехать из Москвы. Встреча не состоялась.

Есенин спешно писал для публикации в «Известиях» очерк об Америке «Железный Миргород». Близкое знакомство с актрисой Камерного театра Августой Миклашевской воодушевило его на создание цикла стихов «Любовь хулигана». Продолжал работать над «Страной негодяев». Выискивал возможности издания в России сборника «Москва кабацкая». И когда Дункан, не дождавшись мужа, стала присылать телеграммы с напоминанием о встрече, то Есенин в ответной телеграмме сообщил ей о своих планах, требующих его присутствия в Москве:

«Дорогая Изадора! Я очень занят книжными делами, приехать не могу. Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью к тебе. С Пречистенки я съехал сперва к Колобову, сейчас переезжаю на другую квартиру, которую покупаем вместе с Мариенгофом. Дела мои блестящи. Очень многого не ожидал. Был у Троцкого (...). Благодаря его помощи мне дают сейчас большие средства на издательство...».

Хотел ли этим посланием Есенин успокоить Дункан или он искренне верил в намеченные планы, но фразой «дела мои блестящи» он желаемое выдавал за действительность. Ничего не получилось у него с изданием журнала «Россияне», хотя встреча с всеильным Л. Троцким состоялась. Купить квартиру не было возможности из-за отсутствия средств, так как кафе «Стойло Пегаса» приносило мизерный доход. Более того, и Г. Колобов, и А. Мариенгоф обзавелись семьями, поэтому жить у них Есенину было неудобно.

Встреча с Надеждой Вольпин внесла ясность в их отношения. Узнав, что Надя не была ему верна, Есенин отверг ее оправдания (Вольпин говорила: «Вы мне не дали права на верность»), рвет с ней отношения, так как измен не прощал.

Увлечение актрисой А. Миклашевской не выходило за рамки поэтического вдохновения. К тому же Августа не скрывала своих чувств к человеку, от которого родила сына.

Есенина стали преследовать бытовые неурядицы, недружественная критика резко отзывалась в печати о его творчестве, ежедневно он оказывался в окружении знакомых и незнакомых любителей выпить за его счет. И он не мог не вспомнить о Бениславской.

Как только Галина узнала о возвращении Есенина в Москву, она написала записку Сергею Покровскому: «Доброе утро! А Сергей Есенин приехал-то! Наконец. Узел безнадежно запутывается».

Бениславская присутствовала на литературном вечере поэта 21 августа 1923 года в Политехническом музее. «Я была в отпуску, — вспоминала А. Назарова. — Мы с Галей были на вечере в Политехническом, где Есенин читал «Москву кабацкую» и отрывки из «Страны негодяев».

Гале и Ане пришлось пробираться к входу через огромную толпу желающих попасть на встречу с любимым поэтом. Появившийся на сцене Есенин не скрывал своего волнения. Он долго не мог начать говорить. После паузы в восстановившейся тишине раздался неуверенный его голос. Говорил сбивчиво, произносил отрывисто фразы, нарушал строгую последовательность рассказа. Из зала стали раздаваться недовольные реплики. Есенин переключился на воспоминания о пребывании в Америке, но начал рассказывать о том, как их встречали американские журналисты, что у них с Дункан было пятнадцать чемоданов, как... Из зала кто-то крикнул раздраженно: «И это все ваши впечатления?» После небольшой паузы Есенин со смехом сказал: «Не выходит что-то у меня в прозе, прочту лучше стихи!».

С чтения первого стихотворения публика была в его власти. «Это был триумф, — вспоминал поэт Рюрик Ивнев, — небывалый триумф поэта, покорившего зал своими стихами. Все остальное, происходившее на вечере: выступления других поэтов, в том числе и мое, — отошло на третий план. После наших выступлений, снова читал Есенин.

Вечер закончился поздно. Публика долго не расходилась и требовала от Есенина новых и новых стихов. И он читал, пока не охрип. Тогда он провел рукой по горлу, сопровождая этот жест улыбкой, которая заставила уgomониться публику. Так закончился этот памятный вечер».

Вскоре встреча Есенина с Бениславской состоялась. Прежние к ней чувства вспыхнули с новой силой. «После заграницы, —

вспоминала Г. Бениславская, — Сергей Александрович почувствовал в моем отношении к нему что-то такое, чего не было в отношении друзей, что для меня есть ценности выше моего собственного благополучия. Носился он со мной тогда и представлял меня не иначе как: «Вот, познакомьтесь, это большой человек» или «Она — настоящая» и т. п. Поразило его, что мое личное отношение к нему не мешало быть другом; первое я почти всегда умела спрятать, подчинить второму. И поверил мне совсем».

Есенин по разным причинам попал в полосу безденежья. «В делах денежных после возвращения из-за границы, — вспоминала Г. Бениславская, — он очень запутался... Иногда казалось, что и не выпутаться из этой сети долгов. Приехал больной, издерганный. Ему бы отдохнуть и лечиться, а деньги только из «Стойла». Писать он не был в состоянии, т. к. пил без передышки. По редакциям ходить, устраивать свои дела, как это писательские середняки делают, в то время он не мог, да и вообще не его дело это было. (...) Его гордость не мирилась с неудачами, с получением отказа. Поэтому, направляясь в редакцию, он напрягал все нервы, чтобы не нарваться на отказ. Для этого нужно было переводить свою психику на другой регистр».

Поэта тяготила неустроенность в личной жизни, обострившаяся после ухода от Дункан. В Москве у него не оказалось собственной крыши над головой. «Есенин страшно мучался, — вспоминала А. Назарова, — не имея постоянного пристанища. На Богословском комната нужна была Мариенгофу, на Никитской в одной комнатухе жили я и Галя Бениславская. Он то ночевал у нас, то на Богословском, то где-нибудь еще, как бездомная собака, скитаясь и не имея возможности ни спокойно работать, ни спокойно жить. Купить комнату — не было денег»

Были предприняты попытки друзей помочь Есенину в получении жилья. Заместитель редактора газеты «Беднота» М. С. Грандов написал на официальном бланке газеты письмо в Президиум ВЦИК, а копии, для подстраховки, направил редактору журнала «Красная нива» А. К. Воронскому, у которого С. Есенин часто печатался, и в канцелярию Л. Троцкого. Вскоре пришли ответы, что ВЦИК переслал заявление для дальнейшего решения в Моссовет, а из секретариата Л. Троцкого позвонили и сообщили, что они выделением квартир не занимаются, поэтому переправили со своим ходатайством заявление в Московское управление недвижимым имуществом (МУНИ). Редактор А. Воронский вообще не отреагировал на просьбу.

В начале сентября Аня Назарова добилась приема у заведующего МУНИ Попова. В течение часа она пыталась

рассказать о безвыходном положении талантливого поэта, но ее объяснения прерывались репликами Попова:

— Как вы наивны! Знаете, сколько в Москве поэтов? Неужели всем я должен давать квартиру? Ведь живет же где-то сейчас Есенин, на что ж ему квартира?

Эти вопросы злили Аню, но она сдерживалась, вновь начинала говорить о талантливом поэте, о невозможности ему творить, не имея пристанища. Попов и на это спокойно отвечал:

— Вот вы говорите, что Есенин бездомный. Вы что не знаете, что у него есть жена Дункан, которая живет в огромнейшем доме. Почему он там не живет?

Аня сменила тон, стала любезнее объяснять, что Есенин находится практически в разводе с Дункан, поэтому жить им под одной крышей нет возможности. Попов пошел на уступку. Передал Анне все официальные бумаги с просьбой о предоставлении жилья с дополнительной сопроводительной резолюцией: «В Краснопресненское РУНИ. Из имеющейся площади — в очередь — удовлетворить просьбу Есенина. *Попов*».

Аня с радостным настроением вернулась домой, обнадежила Галину, что квартира скоро будет для Есенина выделена. Не тут-то было. В Краснопресненском РУНИ увидела огромную очередь просителей. Аня проявила хитрость. Подошла к распорядителю и заявила:

— Мне нужен заведующий!

— Кто вы?

— Я из секретариата Троцкого с ходатайством от ВЦИК о квартире для Есенина.

Пропустили. Заведующий не стал выяснять, тут же наложил резолюцию: «Зачислить в очередь на ноябрь».

Аня стала доказывать, что за такой длительный срок Есенин может от тяжелой жизни умереть, что ему нужно обязательно помочь. Заведующий сдался, переправил срок с ноября на октябрь. Аня заплатила за регистрацию 100 тысяч рублей и ушла.

Она потом часто приходила в Краснопресненское РУНИ, но каждый раз слышала один и тот же ответ: «Нет свободной жилой площади». Хотя всем было известно, что в этот же месяц прекрасные комнаты получили три «ответственных работника», жилищные условия которых были не столь удручающими, как у Есенина.

Сменился управляющий Краснопресненского РУНИ. Аня Назарова добилась приема. Чиновник стал разяснять:

— В первую очередь мы удовлетворяем рабочих, потом ответственных работников, а потом уж простых граждан.

— Так когда же, вы думаете, дойдет очередь до Есенина? —

перебила Аня.

— Не знаю, может быть в 24-м году.

— А может быть, и в 26-м? — съехидничала Назарова.

— Может быть, может быть, — ответил заведующий, давая понять, что прием закончился.

Дома чуть ли не со слезами Аня рассказывала о своих мытарствах. Ясно было, что своей квартиры Есенину в ближайшие годы не видать. В последний раз сходила в секретариат Л. Троцкого, там посочувствовали, даже позвонили в Краснопресненское РУНИ, но, получив ответ, хорошо известный Назаровой, только развели руками, дескать, теперь нужно только ждать.

Есенин начал попадать в неприятные истории. 15 сентября его пригласили на день рождения Ани Назаровой... Он обещал прийти, но неожиданно вместо него пришел Иван Приблудный со шляпой Есенина.

— А где Есенин? — чуть ли не в один голос спросили девушки.

— Вот шляпа, а его нет, — промямлил Приблудный.

— Как нет? Где же он?

— В милиции. Подрался в «Стойле». Его забрали и увели в отделение, — разъяснил Иван.

Галя бросилась к телефону, дозвонилась до милиции, спросила о Есенине.

— Да, есть такой, — ответил дежурный, — но не можем освободить, пока не проспится.

Стали выяснять у Приблудного, что же произошло в кафе.

— Сергей Александрович сидел в «ложе», — сбивчиво отвечал Иван, — Собирался идти к нам. Все посылал швейцара Александра за цветами на Страстной. Их был уже целый воз. Была там Катя. Пришла за деньгами. Сергей Александрович ждал, когда ему дадут деньги, чтобы отдать их сестре и идти на Никитскую. Пошел к кассе. По дороге его ли толкнули, толкнули он — но кто-то кого-то обругал. Есенин замахнулся и опрокинул бутылку на чьем-то столике. Сцепились. Вызвали милицию. Его забрали.

Вместо праздничного сидения за домашним столом Гале и Ане пришлось в напряжении провести всю ночь. Сидели то в «Стойле Пегаса», то в милиции в Леонтьевском переулке. Боялись, что Есенин, проспавшись, вновь что-нибудь учудит.

В отделении застали Есенина, смущенно улыбающегося, беседовавшего с милиционером, которому накануне грозился проломить голову.

Есенин ничего не помнил. Дали прочитать составленный

накануне участковым Припутневым протокол № 1382: «Сего числа милиционер поста 228 Чудародов доставил неизвестного гражданина в нетрезвом виде и заявил следующее: Стоя на вышеуказанном посту услышал — раздались два свистка. Я побежал к этому месту, откуда были поданы свистки, и увидел следующее. Свисток давал дежурный дворник, находившийся у кафе «Стойло Пегаса». Когда я посмотрел в окно кафе, то увидел, что столы и стулья были повалены, я вошел в кафе и неизвестный гражданин бросился на меня, махая кулаками перед моим лицом, и ругал «сволочью», «взяточником», «хулиганом» и «мерзавцем», угрожал именем народных комиссаров, хотел этим запугать, но на все это я попросил его следовать в отделение милиции. Неизвестный гражданин продолжал меня ругать, тогда я уже взял его за руку и привел в отделение. Прошу привлечь к законной ответственности по ст. 176, 86, 88 Угкодекса».

Милиционеры с удивлением рассматривали стоявшего перед ними совершенно иного человека, не похожего на вчерашнего дебошира. Задержанный перед этим написал объяснение: «Я — Есенин Сергей Александрович, профессия — поэт. Учился до 1914 года, затем писал стихи, которые пишу и после Октябрьской революции. Родители: крестьяне. По существу дела сообщаю: «15./ 1X с. г. в 11 ч 30 м. вечера, сидя в кафе «Стойло Пегаса» на Тверской ул. Дом 37, у меня вышел крупный разговор с одним из посетителей кафе «Стойло Пегаса», который глубоко обидел моих друзей. Будучи в нетрезвом виде, я схватил стул, хотел ударить, но тут же прибыла милиция и я был отправлен в отделение. Виноватым себя в нанесении оскорбления представителям милиции не признаю, виновным в хулиганстве признаю, в сопротивлении власти виновным себя не признаю... Больше показать ничего не могу... Сергей Есенин».

— Вот если бы вы вчера таким были... — сожалел дежурный по милиции.

— А разве вчера я хуже был? — с удивлением перебил Есенин.

Милиционеры хохочут, с подробностями вспоминая его вчерашние выкрики угроз и проявленную агрессивность. Отпускают с миром, после составления протокола.

«...С пожеланиями «всего хорошего» мы уходим домой, — вспоминала А. Назарова. — Сергей Александрович ложится. Нервное напряжение кончилось. Два дня лежання в кровати — а там снова кутеж, снова пьянство всю ночь, и снова, больной и измученный, он лежит в постели, пока кто-нибудь из друзей не утащит его в «Стойло», чтоб выпить на счет Есенина».

Жильцы коммунальной квартиры

№ 27

В сентябре 1923 года Сергей Есенин переселился в коммунальную квартиру № 27 в доме 2/14 в Брюсовском переулке, который одновременно имел и другой адрес: Большая Никитская, дом 14/2. Этот ведомственный дом называли «Домом «Правды», так как в двух восьмизэтажных корпусах жили сотрудники газет «Правда» и «Беднота».

Проживала Галина Бениславская на седьмом этаже. Из ее комнаты через окно можно было рассмотреть расположенный вдалеке Нескучный сад, далекую лесную полосу Воробьевых гор и синеву Москвы-реки, а затем и золотые купола Новодевичьего монастыря. Городские улицы не просматривались. Они были где-то внизу под крышами зданий, расположенных рядом с домом.

В коммунальной квартире было четыре комнаты. Одну из них занимала Г. А. Бениславская. В этой же комнате вместе с Галей жила и Анна Назарова, которая вскоре переедет на Таганку, получив собственное жилье. В соседней комнате жила журналистка С. С. Виноградская. Затем комнату занимали супруги М. С. Грандов и Е. В. Кононенко. В четвертой комнате проживала Н. Д. Грандова, родственница М. С. Грандова. В квартире была большая общая кухня.

Жильцы установили сложную систему количества звонков для вызова каждого из них. Чтобы попасть к Бениславской, нужно было сделать шесть звонков.

В 1924 г. после рождения ребенка в другую квартиру этого же дома переедут М. С. Грандов и Е. В. Кононенко. В освободившуюся комнату вселится Я. М. Козловская.

Соседи по коммунальной квартире были в большинстве молодыми, интересовались литературой, любили поэзию, при случае читали друг другу понравившиеся стихи. А. А. Есенина вспоминала: «При встрече со мной часто декламировали строчки из «Крокодила» Чуковского. Эту сказку вся квартира знала почти наизусть, а Галя очень любила Блока, и часто от нее можно было услышать: «Что же ты потупилась в смущении» — или какие-либо строки из поэмы Блока «Двенадцать» вроде: «Стоит буржуй как пес голодный и в воротник упрятал нос...». Но главное место у нас занимали стихи Сергея».

Вот кто жил в коммунальной квартире № 27.

Близким другом Галины Бениславской была Софья Семеновна Виноградская, студентка факультета общественных наук

Московского университета. Она была членом партии, встречалась с видными политическими и общественными деятелями, писателями и поэтами, на факультете вела разъяснительную работу среди студенчества. Современники вспоминали, что Соня выделялась в студенческой среде, так как ходила в красиво расшитой северной кухлянке. Занятия на факультете совмещала с работой в различных редакциях газет и журналов.

С. Виноградская жила в отдельной комнате. Познакомилась с Есениным, была с ним в дружеских отношениях. Ей пришлось быть свидетелем многих эпизодов личной жизни поэта, в том числе и различных скандалов. Слышала от поэта различные оценки об общественной и литературной жизни. Познакомилась с друзьями и приятелями из окружения Есенина. После смерти поэта пыталась ответить на вопрос «Как жил Есенин?» Вот ее мнение: «Внешне жил странно, не по-обычному. Шумно, беспокойно. Вокруг него постоянно галдела ватага людей, среди которых он был самым шумным, самым галдящим. Те квартиры, в которых жилал Есенин, знали все, кроме покоя. И не то чтобы он шумом своим заполнял всю квартиру — он квартиру и ее обитателей приводил в движение, заставляя их вести общую с ним жизнь. Там, где он бывал, все жило им».

Когда Грандов потребовал от С. Виноградской, чтобы она написала в комендатуру заявление о выселении С. Есенина за недостойное поведение, то она отказалась это сделать. Г. Бениславская писала С. Есенину: «А Соня Виноградская — ты даже не представляешь, от чего она спасла тебя в 1923 году. Запомни это».

С. Есенин подарил С. Виноградской свою фотографию с надписью «Милой Соне в знак дружбы». В письмах Г. Бениславской он постоянно передает теплые приветы Софье. 18 сентября 1924 г. из Тифлиса С. Есенин телеграммой поздравил ее с именинами. Дружеские отношения сохранились до конца жизни поэта. Соня была в числе близких друзей, приглашенных Есениным на свадьбу с С. А. Толстой.

В отдельной комнате коммунальной квартиры жили Грандов Михаил Семенович с гражданской женой Еленой Викторовной Кононенко. Михаил был на год моложе Есенина. Работал заместителем ответственного редактора газеты «Беднота». Знал поэзию, хорошо отзывался о произведениях Есенина. По воспоминаниям А. Назаровой, Михаил называл поэта «милый» и «родной», отнесся сочувственно к бытовым неудобствам поэта, написал ходатайство в Московское управление недвижимым имуществом (МУНИ) о предоставлении жилья Есенину. Но вскоре их дружеские отношения переросли в конфликтные.

Гражданской женой М. С. Грандова была Елена Викторовна Кононенко, молоденькая девушка, веселая и обаятельная. Работала в редакции газеты «Беднота». Увлекалась поэзией, хорошо знала есенинские стихотворения. С Есениным впервые встретилась в 1919 г. в книжной лавке «Московской Трудовой Артели Художников Слова». Елена в это время писала стихи под псевдонимом Гамсун. Показала их Есенину. Прочитав стихи, тот сказал: «Неплохо. Но почему Гамсун? Как ваша фамилия?» — «Кононенко». — «Кононенко... ненко... енко... Это прекрасно! Зачем же Гамсун?».

Не скрывала Елена своего почтения поэтическим талантом Есенина и даже некоторой влюбленности, когда поэт стал жить в одной с ней коммунальной квартире. Это не могло не вызвать ревность у М. С. Грандова, закончившуюся ссорой с поэтом. После рождения дочери Василисы, имя которое порекомендовал для девочки Сергей, Грандовы переехали в другую квартиру в том же ведомственном доме.

В отдельной комнате коммунальной квартиры № 27 проживала Надежда Дмитриевна Грандова. Она сочувственно относилась к жилищной неустроенности С. Есенина, всячески старалась помочь ему и его сестрам, переселившимся к Бениславской. «А как мы бились с деньгами — это я, Катя и Шура, да, пожалуй, Надежда Дмитриевна и наша прислуга помнит», — писала Г. Бениславская. С Есениным до конца его жизни поддерживала хорошие отношения. Была в курсе всех его проблем. Г. Бениславская в 1925 году писала в одном из писем: «Да он собирается жениться на Толстой и вместе с этим говорит (это все при Надежде Дмитриевне), что лучше застрелиться, чем на ней жениться и т. д.».

Жизнь в коммунальной квартире была заполнена радостями и огорчениями, ссорами и перемириями, встречами и расставаниями. Вселение Сергея Есенина внесло новую струю в жизнь коммунальщиков. Они благосклонно относились к чувствам Бениславской, при необходимости пытаясь ей помочь. Сергей Есенин для жильцов был привлекателен не только как известный поэт, он нравился им и как привлекательный юноша со своей сложной биографией, полной интересных, а порой и загадочных случаев.

Отношения жильцов друг к другу сложились дружественные. Однажды, когда Бениславская ушла на работу, Лена Кононенко сбегала в цветочный ларек и купила васильки. Затем тихо прошла в Галину комнату, где спал Есенин, и разложила цветы на подушке и одеяле. Стала потом подглядывать, а затем и рассказала о своем поступке С. Виноградской. Действительно,

картина была необычной. «На подушке, залитой солнечными лучами, — вспоминала Софья, — утопала в васильках, обрамленная воротом шелковой рубашки, лежала чудесная золотая голова! Он проснулся, синие васильки глянули из его глаз, солнце и васильки веселили его и радовали. И он неумоимо ходил по квартире, говорил, шутил, смеялся, был необычайно ласков и нежен со всеми».

Некоторые поступки Есенина были непонятны девушкам. Софья однажды с любопытством рассматривала Есенина, который дома нарядился в цилиндр, монокль и лакированные башмаки.

— Сергей Александрович! Зачем вы все это надели?

— А так! Мне хорошо в этом, мне легче в этом, да, да! Мне лучше в этом, — ответил он.

Постепенно стали понимать, что поэт подобным образом хотел укрыться от самого себя. Его жизнь отражалась в поэзии, получалось, что поэзия обнажала ту его сущность, которую он не хотел бы выставлять всем напоказ. В этом проявлялась сложность его творческого процесса. Наблюдательная Софья Виноградская писала об этом:

«Дни сплошного шума, гама и песен сменялись у него днями работы над стихами. А потом шли дни тоски, когда все краски блекли в его глазах, и сами глаза его синие блекли, серели. Это были дни какой-то растерянности, когда какими-то отрепьями, клочками трепались в его голове мысли, план, переживания, мучения, воспоминания. Все переплеталось у него по-особому, созревало в какую-нибудь мысль, за которую он цепко ухватывался, которой он объяснял свое состояние».

С милым рай и в шалаше

Есенин представлял все неудобства коммунальной квартиры, но с этим нужно было смириться, так как другого выхода у него не было.

Аня Назарова запомнила свою первую встречу с Есениным, когда он пришел в гости к Бениславской. «После приезда из-за границы я его 1-й раз видела близко, — писала она. — Он очень изменился. В 21-м году было в нем больше мальчишеского, чего-то задорного, живого. У него даже походка была другая. Более легкая, уверенная, упругая какая-то, а теперь в ней была, правда еле заметная, вялость. В манере держаться, говорить — не было уж той простоты. Рука одна была в перчатке («На заграничный манер», — подумала я). Папиросы превратились в сигареты. И много таких, еле заметных мелочей наложило какой-то след на Есенина, сделало его каким-то другим, более взрослым, более «светским», я бы сказала. В модном костюме, о фасоне которого он с увлечением нам рассказывал, с шампанским, он каким-то диссонансом ворвался к нам, в нашу неуютную, плохо обставленную комнатушку, к нашим потертым платьям и «беднотовским» интересам. Никто не знал из нас тогда, что это — не визит знакомого, что Есенин пришел не в гости, чтоб зайти как-нибудь еще, что 27 квартира будет квартирой Есенина».

На этой встрече Сергей много говорил о своей жизни за рубежом, часто подчеркивая, что он рад своему возвращению в Россию, потому что скучал по родным местам, по знакомым, по родному русскому языку, так как ему много месяцев не с кем было поговорить. Не сожалел, что не знал иностранных языков. Ему казалось, что хорошее знание родного языка для него было достаточным условием общения.

Не любил рассказывать о своей жизни в Европе и США, хотя по отдельным фразам или приводимым в разговоре отдельным случаям слушающим представлялась картина его времяпрепровождения в сплошных скандалах в ресторанах, гостиницах и в гостях. Однажды разоткровенничался, рассказал об одном эпизоде:

— Когда приехали мы в Америку, закатили нам обед роскошный. Ну, блестили там скатерти, приборы. От вина, блюд и хрусталя всякого стол ломился, а кругом все хари толстые, с крахмальными грудями сидели — смотреть было тошно. И так это мне скучно стало, и поделать ничего не могу. «Интернационал» — и то спеть не стоит — не поймут, не обозлятся даже. Я это с тоски взял да и потянул скатерть со стола.

Все на пол поехало да им на манишки. Вот дело-то было! Ха-ха-ха!

Рассказывал это Есенин без бравады.

«Беседовать с Есениным можно было без конца, — вспоминала С. Виноградская. — Он был неиссякаем, оживлен, интересен и в своих разговорах, словах, политических спорах, полных подчас детской наивности, удивительного, но милого непонимания самых элементарных в политике вещей.

— Ну, что это все — «Маркс, Маркс!»

— А что такое «Капитал»? Бухгалтерия, — сказал он.

Дружный хохот служит ему ответом, а сам он, с мальчишеским задором оскалив рот, смотрит на всех с видом меньшего, который рассмешил старших».

В этот же визит Галя и Аня познакомились с молодым поэтом Иваном Приблудным. Есенин очень хвалил талантливого юношу. Стихи Ивана, прочитанные при встрече, поразили девушек своей красочностью и звучностью. Даже не верилось, как это удавалось юноше наполнять их содержание серьезной мудростью. За разговорами и чтением стихов засиделись до полуночи. Есенин с Приблудным остались ночевать.

Утром, за завтраком, С. Есенин высказал робко предложение, а нельзя ли ему здесь поселиться. Он узнал, что в коммунальной квартире была одна пустующая небольшая комната, в которой пока никто не проживал. Решили, что эту комнату необходимо забронировать за Аней, а это в дальнейшем позволило бы Есенину затем вселиться в нее. Нужно только согласовать и решить этот вопрос с начальством. Повод есть, так как Аня и Галя жили в одной комнате, и улучшение жилищных условий было необходимо обоим.

На этом и расстались. Но через несколько дней прибежал вечером Иван Приблудный и стал возбужденно уговаривать девушек, чтобы они разрешили Есенину вновь переночевать, так как жить ему негде. Так продолжалось несколько раз. Сердобольная Галина, после долгих разговоров с Аней, решила вселить Сергея в свою комнату. Аня поддержала подругу, тем более что сама на днях должна была переехать в новую квартиру на Таганке.

«Есенин нуждался в уюте, — вспоминала С. Виноградская, — в простом комнатном уюте, и страдал невыносимо от его отсутствия. Своей комнаты у него не было, жил он вместе со своими друзьями и сестрами, иногда четыре-пять человек в небольшой, необставленной комнате. Это на нем сильно отражалось. Большой эстет по натуре, с тонким вкусом, невероятно чистоплотный, он не мог работать в этих условиях. И

чтобы немного скрасить холод голых, без обоев, давно не беленых стен и зияющих окон, он драпировал двери, убогую кушетку, кровать восточными и другими тканями, затягивал окно темной материей, зажигал с утра электрический свет, завешивал яркой шалью висячую, без абажура лампу. Ему теплей становилось в этой пестро завешанной комнате, укрывшей от него серое, нависшее тучами, промозглое, туманное небо. Он и голову свою иногда повязывал цветной шалью и ходил по комнате, неизвестно на кого похожий.

— По повязке — испанский малый, а по волосам, по золотым кудрям — как бы не так!».

Окончательно С. Есенин переехал к Бениславской 23 сентября 1923 года. Решающим поводом для переезда послужило известие о возвращении Айседоры Дункан после гастролей по югу России. «Сергей Александрович был в панике, — вспоминала Г. Бениславская, — хотел куда-нибудь скрыться, исчезнуть. Как раз в то время получил слезное письмо от Клюева: он, мол, учитель, погибает в Питере. Сергей Александрович тотчас укатил туда. Уезжая, просил перевезти все его вещи с Богословского ко мне, чтобы Дункан не вздумала забрать их к себе и вынудить таким образом встретиться с ней. Я сначала не спешила с этим. Но как-то вечером зашла Катя. По обыкновению, начав с пустяков, она в середине разговора вернула, что завтра приезжает в Москву Дункан. Мы решили сейчас же забрать вещи с Богословского, и через час они были здесь».

Многие были уверены, что мытарства бездомного Есенина завершились. Формально — да, а по существу поэт стал жить в ужасной тесноте.

«Нам пришлось жить, — вспоминала Г. А. Бениславская, — втроем (я, Катя и Сергей Александрович) в одной маленькой комнате, а с осени 1924 года прибавилась четвертая — Шурка. А ночевки у нас в квартире — это вообще нечто непередаваемое. В моей комнате — я, Сергей Александрович, Клюев, Ганин и еще кто-нибудь, в соседней маленькой холодной комнатушке на разломанной походной кровати — кто-либо еще из спутников Сергея Александровича или Катя. Позже, в 1925 году, картина несколько изменилась: в одной комнате — Сергей Александрович, Сахаров, Муран и Болдовкин, рядом в той же комнатушке, в которой к этому времени жила ее хозяйка, — на кровати сама владелица комнаты, а на полу у окна — ее сестра, все пространство между стеной и кроватью отводилось нам — мне, Шуре и Кате, причем крайняя из нас спала наполовину под кроватью».

Но, как говорится, в тесноте — не в обиде, а с милым рай и в

шалаше!

Что делать с Айседорой Дункан?

В жизни Сергея Есенина наступило время, когда он стал терять веру в себя. При встрече с Бениславской нередко говорил, что ему нужно помочь выкарабкаться из этого состояния, необходимо срочно найти выход для окончательного разрыва отношений с Дункан.

— Если вы, Галя и Аня, бросите меня, то это будет полный конец, так как больше никто не сможет мне помочь, — с нескрываемой тоской говорил он девушкам.

За разговором Сергей и Галина просиживали иногда в комнате всю ночь. Говорили обо всем. Деликатно, чтобы не обидеть, Галина попросила однажды Сергея рассказать о Дункан. Есенин не смутился, не ушел от ответа, а стал рассказывать о ее сложной биографии, как она стала танцовщицей, как создала свою школу танца, отличающегося от классического балета, как у нее складывались семейные отношения с разными мужьями, затем о трагической гибели ее детей. Есенин не скрывал своих былых чувств к ней.

— Была страсть, и большая страсть, — рассказывал он с волнением. — Целый год это продолжалось, а потом все прошло и ничего не осталось, ничего нет. Когда страсть была, ничего не видел, а теперь... Боже мой, какой же я был слепой, где были мои глаза. Это, верно, всегда так слепнут.

Рассказывал о личных отношениях с Айседорой, о семейных скандалах, о том, как он хотел уйти от нее, как он однажды при ссоре разбил зеркало, а она вызвала полицию. Как положили его в Париже в психбольницу... Затем приостановился, задумался, вспоминая, и дополнил:

— А какая она нежная была со мной, как мать. Она говорила, что я похож на ее погибшего сына. В ней вообще очень много нежности...

После недолгого молчания Галина спросила:

— А сейчас сохранились ли чувства к Дункан? Может быть, все это самообман, а на самом деле все мучения из-за нее. На самом деле, сам того не понимая, любишь ее. Стоит ли в таком случае разрывать с ней отношения.

Сергей посмотрел на нее, стараясь еще раз понять смысл вопроса, а потом твердо и отчетливо произнес:

— Нет, это вовсе не так. Там для меня конец. Совсем конец. К Дункан уже ничего нет и не может быть, — повторил опять. — Да, страсть была, но все прошло. Пусто, понимаете, совсем пусто.

Бениславская вновь высказала свои сомнения, но Есенин

настаивал:

— Галя, поймите же, что вам я верю и вам не стану лгать. Ничего там нет для меня. И спастись оттуда надо, а не толкать меня обратно...

Дункан не хотела верить в окончательный разрыв с Есениным, во время гастролей продолжала присылать на его имя телеграммы с просьбой приехать к ней. «Все придумывал, — вспоминала Г. Бениславская, — как бы это кончить сразу. В одно утро проснулся, сел на кровати и написал телеграмму: «Я говорил еще в Париже что в России я уйду ты меня очень озлобила люблю тебя но жить с тобой не буду сейчас я женат и счастлив тебе желаю того же. Есенин».

Дал прочитать текст Галине, которая заметила, что лучше не упоминать о любви. Переделал:

«Я люблю другую женат и счастлив Есенин».

В воспоминаниях Бениславская так описала этот эпизод с телеграммами: «Так как телеграммы, адресовавшиеся на Богословский переулок (а Сергей Александрович жил уже на Брюсовском) не прекращались, то я решила послать телеграмму от своего имени, рассчитывая задеть чисто женские струны и этим прекратить поток телеграмм из Крыма:

«Ялта. Айседоре Дункан. Гостиница «Россия». Писем телеграмм Есенину больше не шлите он со мной к вам не придет никогда не вернется надо считаться Галина Бениславская».

Хохотали мы с С. А. над этой телеграммой целое утро. Еще бы — такой вызывающий тон не в моем духе, и если бы Дункан хоть немного знала меня, то, конечно, поняла бы, что это отпугивание, и только. Но, к счастью, она меня никогда не видела и ничего о моем существовании не знала. Поэтому телеграмма, по рассказам, вызвала целую бурю и уничтожающий ответ:

«Получила телеграмму должно быть твоей прислуги Бениславской пишет чтобы писем и телеграмм на Богословский больше не посылать разве переменял адрес прошу объяснить телеграммой Очень люблю Изадора».

Сергей Александрович сначала смеялся и был доволен, что моя телеграмма произвела такой эффект и вывела окончательно из себя Дункан настолько, что она ругаться стала. Он верно рассчитал, что это последняя телеграмма от нее. Но потом вдруг испугался, что она по приезде в Москву ворвется к нам на Никитскую, устроит скандал и оскорбит меня.

— Вы ее не знаете, она на все пойдет, — повторял он.

И, несмотря на уверения, что в данном случае добрая половина зависит от моего такта и, кроме того, в квартире на Никитской, если она хотя бы проявит намерение меня тронуть, то

ей достанется от всей нашей квартиры и т. п., он все же долго боялся этого».

Проигранное пари

Проводив Есенина в Петроград на встречу с поэтом Клюевым, Бениславская решает окончательно прекратить свои отношения с Сергеем Покровским. С ним она стала избегать встреч в конце августа, после восстановления отношений с Есениным. Не было встреч даже на работе. Покровского такое отношение Галины к нему взволновало. Он стал посылать Галине домой тревожные письма:

24 августа : «... утром ты была совсем не моя (...) мне уже не очень весело. Ну скажи прямо, ну, уйди прямо, но не злобно. Я порой бываю нехорошим и могу наделать черти что».

26 августа: «Какая-то тревога сверлит сознание».

27 августа : «Да — «Любовь зараза».

Покровский пытался выяснить отношения с Есениным, доказать ему, что он не имеет никаких прав на Бениславскую. В своих воспоминаниях Н. Вольпин приводит одну из таких встреч, назвав соответствующую главу «Галин муж».

«Вечером до начала программы в «Стойле», — писала она, — я зашла к Есенину. Пришлось позвонить дважды. Когда я, наконец, попала в коридор, мимо меня бурно пронесся молодой человек, которого мне вроде бы случалось видеть и раньше. Высокий (повыше Сергея), стройный, волосы светлые, но не яркие, лежат аккуратно; правильные черты. На общий вкус красив, но лицо незначительное — прилепила я свой ярлычок.

Сейчас он едва не сшибся со мной. Крикнул через плечо — как видно, Есенину — «Наш разговор не кончен!», что-то добавил, прозвучавшее угрозой (уже с лестничной площадки) и захлопнул с размаху дверь. Есенин крепко стиснул обе мои ладони.

— Вы вовремя угадали прийти!

— Кто такой? — спросила я. — Что ему надо от вас?

— Муж Гали Бениславской, — услышала я неожиданный ответ. И дальше, помолчав:

— Нда! Точно я за нее в ответе... за их разрыв... Не спешите, куда вы!? Я же рад вам не только за избавление от дурного гостя. Всегда рад, вы же знаете!».

Возможно, что Бениславская могла догадываться о таких встречах Покровского с Есениным, но в ее дневнике и в воспоминаниях, а также в переписке с Покровским об этом нет упоминаний. Бесспорным для Галины было то, что после приезда из-за границы Есенин занял все в ее личной жизни. Боль разлуки с Есениным улеглась, притупилась. Роман с Покровским, по ее мнению, должен уйти в прошлое. Никаких надежд на любовь с

ним она не хотела оставлять. Нужно было разрубить этот запутанный любовный узел одним махом раз и навсегда.

Она не знала, что поздно ночью Покровский бродил возле дома, всматриваясь в ее окна. Подняться на этаж и позвонить в квартиру к Бениславской он не решался. Бросил от безысходности в почтовый ящик записку: «Я хочу броситься в самую зловонную яму, чтобы не чувствовать запах твоих волос и плеч, любимая. Я хочу в омут, чтобы не представлять тебя сейчас этой ночью. В твоих окнах свет — он манит, но...»

А в это время, возможно, Галина писала ему большое исповедальное письмо:

«Мой Сережа, мой родной, мой бесконечно дорогой Сережа.

Как грустно, как больно, но это так. — Такой я уж больше никогда не буду (...) Видишь ли, ты не сможешь спокойным быть, когда часть души, хотя бы на время, я буду отдавать и как отдавать, так вот стихийно, как это случилось сейчас. И повториться это всегда, всегда может, даже если на время и пройдет совсем, даже если сумеешь заставить забыть все, кроме тебя.

Все равно. Забуду, буду только твоей, и вдруг Есенин подойдет, позовет, и что бы ни было, чем бы это ни грозило, все равно я как загипнотизированная пойду за ним. А ты хоть и апаш, но с этим не помиришься. Значит, я должна, именно должна, уйти. Давно, давно я писала о Есенине: «...и все же куда бы я ни пошла, от него мне не уйти... жить всегда готовой по первому его желанию, по первому зову перечеркнуть все прожитое и чаемое впереди, перечеркнуть одним размахом, без колебания, без сожаления». И я тогда была права. Сейчас я это ясно поняла. Когда я говорила, что все прошло, я обманывала только себя. Я искренне верила этому, и даже не подозревала, что это обман. И этот обман может повториться.

Понимаешь. Есенин может меня бросить через день-два (я вообще этого никогда не боялась не только в отношении Есенина, в этом смысле во мне нет такой вот женской предусмотрительности и осторожности: «Ну, что же, свое я взяла, а вечного нет ничего») и бросит, конечно. Но все же я могу разрушить даже ради этих двух дней. Я не знаю, кто и что обрекло меня на это, быть может, я сама, может это самогипноз, но так это сложилось во мне, не переделаешь (...).

Не ругай, не сердись. Я не знала, верней, забыла, что я не такая, когда была с тобой. Я искренне думала, что я твоя, вернее, мне очень этого хотелось, и я поверила себе...

Ведь ты единственный, кто может всякую боль, всякую тоску отнять во мне, когда я с тобой. Правда, раньше, пока я не поняла,

как легко Есенину так вот «свистнуть» меня и повести за собой, когда еще можно было увести меня от него, так чтобы «свист» дошел до меня. Теперь уже нет. И опять — не важно, была ли, буду ли я его — важно, что это всегда возможно и теперь меня не убережешь. Это ты должен запомнить.

Теперь конкретно. Если можешь, будь около меня, не уходи, не отворачивайся. Если есть на это желание, быть может, силы.

Если трудно — сразу же брось меня, сделай все, чтобы не думать, не вспоминать, не жалеть. Мне будет очень больно, но должна же я отвечать за свои поступки.

Мне только очень хочется, чтобы ты понял — вся моя ласка к тебе в эти дни совсем не милосердие, не желание что-то загладить. Мне просто грустно и трудно уйти от тебя, и, уходя, я возвращалась к тебе, меня все же тянуло к тебе и как тянуло. Могло бы случиться — потом Есенин бросит, я буду твоей, но ведь это будет тревожно тебе, ведь всегда может повториться то, что сейчас. Ты этого не захочешь.

Вот. То, что я была такой с тобой, это скорее всего милосердие к самой себе. (...)

Ну, так. А плохого ты ничего не делаешь, этим ты ни отчего не удержишь меня, не остановишь. Может быть, сделаешь плохо мне только. Даже не разозлишь меня. А мстить мне, право, не за что. Совсем от души говорю — я не виновата. «Такова жизнь» (как ты говоришь), и «такова натура» (сказала бы я).

Раньше когда-то я говорила, что когда уйду от тебя — даже вспоминать не буду. Это не так. Какой бы я внешне с тобой ни была, злой ли, безразличной, задорной — все равно это не так. Помнить буду. Знаешь, у Блока есть хорошее, очень хорошее (только длинное, если не хочешь, не читай)!

Зимний ветер играет терновником,
Задует в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.
Ты не знаешь, кому ты молишься,
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.
Но давно прислушавшись к счастью,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстью —
Все равно. Я тайну блюду.
Все, что в сердце твоём туманится,
Станет ясно в моей тишине.

И когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне».

Письмо Сергей Покровский получил и тут же, 15 сентября, написал ответ:

«Ты совсем *пришибла* меня своим письмом (...) могу жить лишь тобой». Он выразил в письме так нежно свои чувства к Галине, что она не удержалась и вновь отправила ему письмо, пытаясь его успокоить и лишить всех надежд на дальнейшее единение:

«...Надо овладеть собой. Все равно, Есенин «свистнет», и я пойду за ним; из-за него я могу сделать то, что никто меня бы не заставил — себя забыть совсем И обо всем, что я могу потерять из-за этого, я сумею не жалеть. Этого, я знаю, ты не понимаешь и не поймешь. И при всем том мне от него абсолютно ничего не надо, вот так, специально для меня. А люблю я его очень. Говорят, женщина больше всего в мире любит своего ребенка — я бы ребенка не могла бы так любить, как его. И все-таки ты не прав в своей непримиримости — ни он у тебя, ни ты у него ничего никто не может отнять. (...) Я знаю, меня так, как ты, никто не сможет полюбить...».

Нежные чувства и теплое отношение к Галине Покровский не мог в одночасье прервать. Продолжал писать Бениславской письма и записки, стараясь поддержать ее в трудную минуту, так как был хорошо осведомлен о той жизненной ситуации, в которой оказалась его любимая в кругу Есенина и его окружения.

Сергей Покровский был дружен с подругами Бениславской. Они хорошо к нему отнеслись, стараясь по-своему смягчить его неразделенную любовь. Яна Козловская не скрывала своих симпатий к нему. Она пыталась убедить Сергея, что Бениславская обязательно оставит его и вернется к Есенину. Когда тот стал возражать, то заключила с ним пари, уверенная в своей правоте. После переезда Есенина к Бениславской Яна написала Покровскому из Крыма, где находилась в августе 1923 г. на отдыхе: «Милому славному Сергею Петровичу привет из солнечного и радостного Крыма. (...) Как Ваши дела? Кто выигрывает пари: Вы или я? С нетерпением жду ответа. Жму крепко Вашу руку. Яна». С. Покровский понимал, что пари он проиграл.

Смиренный Клюев

Иногда было трудно сразу понять: друг или недруг находится рядом с Есениным. В этом Бениславская убедилась при встрече с поэтом Николаем Клюевым.

С. Есенин хорошо помнил содержание письма Николая Клюева, полученного им как раз перед отъездом за границу с Айседорой Дункан. Послание близкого друга без волнения нельзя было читать. «Ты послал мне мир и поцелуй братский, — писал Н. Клюев, — ты говорил обо мне болезненные слова, был ласков с возлюбленным моим и уверял его в любви своей ко мне — за это тебе кланяюсь земно, брат мой великий! Облил я слезами твое письмо и гостинцы, припадал к ним лицом своим, вдыхал их запах, стараясь угадать тебя теперешнего».

Словесный клюевский поэтический орнамент просматривался в каждой строчке, в каждом слове. Клюев презрительно отозвался о всех, кто нанес обиду Есенину. Подробно писал о своих несчастьях: о бедности, об отсутствии собственного дома, о том, как родная сестра с мужем обокрали его, о невыплате ему гонораров питерскими издательствами... «Я погибаю, брат мой, бессмысленно и безобразно», — подводил итоги олонецкий певец.

И очень мечтал о встрече. «Милый ты мой, — восклицал Н. Клюев, — хоть бы краем рубахи коснуться тебя, зарыться лицом в твое грязное белье, услышать пазушный родимый твой запах — тот, который я вдыхал, когда ты верил мне в те незабвенные сказочные года».

Узнав о возвращении С. Есенина из зарубежной поездки, Николай Клюев в сентябре 1923 г. тут же отправил ему письмо, в котором слезно умолял друга приехать в Петроград и забрать его в Москву. Расчет Клюева опирался на материальную заинтересованность. «И пришло мне на ум написать письмо Есенину, — рассказывал Клюев друзьям, — потому как раньше я был наслышан о его достоинствах немалых, женитьбе богатой и легкой жизни».

«По возвращении Есенина из заграничных путешествий, — вспоминал поэт С. Фомин, — встречаюсь с ним в 1923 году в Успенском переулке, в редакции «Красной нови». Есенин в это время затевает издавать альманах «Россияне». Идут долгие споры с Сергеем Клычковым по поводу издания этого альманаха. Есенин хотел быть единоличным редактором, на что Клычков не соглашался.

— Тогда я уеду в Питер и буду работать с Николаем, — сказал, улыбаясь, Есенин.

Вынул из бокового кармана серой меховой куртки письмо и протянул мне.

— Читай.

Письмо это было от поэта Н. Клюева, который жаловался Есенину на свое тяжелое положение, упоминал про гроб, заступ и могилу».

Это же письмо С. Есенин прочитал Галине Бениславской. При этом стал взволнованно, с большой нежностью рассказывать о Клюеве, неоднократно называя его своим учителем. Убеждал Галину: «Клюев расчищал нам всем дорогу. Вы, Галя, не знаете, чего это стоит. Клюев пришел первым, и борьба всей тяжестью на его плечи легла».

Галине и самой хотелось познакомиться с известным поэтом.

Есенин вместе с Иваном Приблудным, Александром Сахаровым выехал в Петроград, а 18 октября возвратился с Клюевым в Москву. Сергей перед поездкой уговорил Яну Козловскую уступить на некоторое время свою комнату Клюеву.

Первые впечатления при встрече с гостем были противоречивыми. Бениславской он показался похожим, когда гость снял головной убор, на лобазника с прилизанной прической. Аня Назарова обратила внимание на сытое, немного нагловатое лицо. Юная Катя на кухне спросила: «Что это за старик противный, отвратительный такой?». Катю стали убеждать, что она ошибается.

Галя и Аня радушно встретили гостя, пригласили к накрытому столу. На Клюеве была старая крестьянская одежда, а вылинявшая ситцевая рубашка имела на спине большую заплату, как бы свидетельствуя о его бедности. Клюев много говорил о поездке, затем стал читать стихи. Сергей внимательно слушал и поглядывал на девушек, пытаясь выяснить, какое впечатление на них производит его друг. Стоило уйти гостю на отдых, как Есенин стал вновь расхваливать его, но вдруг, после небольшой паузы, промолвил:

— Хороший, но... чужой. Ушел я от него. Нечем связаться. Не о чем говорить. Не тот я стал. Учитель он был мой, а я его перерос...

Квартира каждый день стала наполняться гостями, которых нужно было хорошо встретить. Как на зло, у Есенина почти не было денег, он продолжал пить, словно пытаясь залить вином что-то в своей душе. Было ли это связано с приездом Николая Клюева или на то были другие причины, но трезвым его стали видеть редко. Зарплаты Галины и Ани еле-еле хватало, чтобы сводить концы с концами. Клюев же как будто не замечал безденежья приютивших его женщин. Он елеиным голосом

нахваливал Галину, выделяя как хозяйку. «Нежная: войдет — не стукнет, выйдет — не брякнет», — говорил Есенину. К «Сереженьке» он благоговел постоянно.

За столом велись беседы, тон который задавал Клюев. Любил говорить о напастях, постигших Россию, при этом во всем обвиняя большевиков и евреев. «Жидовское» засилье в таких беседах осуждалось как в политике, так и в литературе. Говорилось это не прямо, если не слушать пьяных реплик Алексея Ганина, а тонко и умно.

Клюев принял участие в литературном вечере. Газета «Известия» 25 октября 1923 г. напечатала объявление: «В Доме ученых (Пречистенка, 16) состоится литературно-художественный вечер. Чтение поэтом Есениным своих последних произведений. Начало в 8 часов вечера. Вход для членов клуба. Гости входят по рекомендации членов».

Н. Клюев не захотел быть просто зрителем, поэтому уговорил Сергея включить его в программу вечера. Не остался в стороне и Алексей Ганин, также напросившийся участвовать в вечере.

Через день в «Известиях» появился краткий отчет:

«Дом Ученых. Очередной литературный четверг в Доме Ученых был посвящен «вечеру русского стиля», перенесшему присутствующих в атмосферу стародавной русской бывальщины. В старый барский особняк, занимаемый Домом Ученых, пришли трое «калик перехожих», трое русских поэтов-бродяг: С. Есенин, Ал. Ганин и Ник. Клюев. Сергей Есенин прочел свои «Кабачки песни», Алексей Ганин — большую поэму «Памяти деда» («Певучие берега»), Николай Клюев — «Песни на крови». Выступление имело большой успех».

Репортер слегка искажил названия циклов стихов, читаемых С. Есениным и Н. Клюевым, но никто из присутствовавших на вечере не обратил на это внимание. Слушатели были в восторге от колоритной фигуры в длинном зипуне Николая Клюева, который бросал в зал слова о «неприкаянной России», в последние годы превратившейся в нищенку, постаревшую побирушку.

Невзрачный на вид Алексей Ганин, для многих неизвестный поэт, читая поэму «Памяти деда», написанную в 1918 г., переносил слушателей в еще не забытый, но, казалось, уже погибший сказочный мир русской деревни. Он как бы воссоздавал Мир, где Бог был повсеместной Любовью, был Красотой, растекающейся по лесам и косогорам Родины, был Светом, проникающим во все уголки природы и бытия.

Присутствовавший на вечере поэт Владимир Пяст был очарован манерой чтения стихов Сергеем Есениным, который

произносил слова с несколько сонным выражением, при этом как бы дирижируя своей правой рукой, в двух пальцах которой была зажата папироска, своему голосу. Такая манера чтения стихотворений не всем сидящим в зале нравилась. Поэт С. Фомин, прослушав со сцены есенинские «Москва кабацкая» и «Стихи хулигана», вспоминал: «Жутким показалось мне выступление Есенина. Перед чтением стихов сказал вступительное слово. Упоминая о поэме Блока «Двенадцать», принимался несколько раз наливать из графина воду, пил большими глотками и затягивался папироской. Перед долго ждавшей аудиторией ходил, потирал руки, хмурил брови и держал себя с нарочитой развязностью...».

Но Фомин не обратил внимания, что обращение к поэме А. Блока в выступлении С. Есенина не было случайным. Он не столько хотел сказать о Блоке, сколько о своем разрыве с имажинистами. Обращение к Блоку было только поводом.

«Блок, к которому приходил я в Петербурге, — говорил Сергей Есенин, — когда начинал свои выступления со стихами (в печати), для меня, для Есенина, был — и остался, покойный, — главным и старшим, наиболее дорогим и высоким, что только есть на свете... Разве можно относиться к памяти Блока без благоговения? Я, Есенин, так отношусь к ней, с благоговением. Мне мои товарищи были раньше дороги. Но тогда, когда они осмелились после смерти Блока объявить скандальный вечер его памяти, я с ними разошелся... Да, я не участвовал в этом вечере и сказал им, моим бывшим друзьям: «Стыдно!» Имажинизм ими был опозорен, мне стыдно было носить с ними однозначную кличку, я отошел от имажинизма... Как можно осмелиться поднять руку на Блока, на лучшего русского поэта за последние сто лет!».

Внимательно слушавший Н. Клюев понимал, что объявленный Есениным отказ от имажинизма совершенно не свидетельствовал о его возвращении в крестьянскую поэзию. Есенин шел своей самостоятельной дорогой.

Постепенно у хозяев коммунальной квартиры, где нашел приют Н. Клюев, к гостю менялось отношение, при этом не в лучшую сторону.

«Сначала я и Аня Назарова были очарованы Клюевым, — вспоминала Г. Бениславская. — Почва была подготовлена Сергеем Александровичем, а Клюев завоевал нас своим необычным говором, меткими, чисто народными выражениями, своеобразной мудростью и чтением стихов, хотя и чуждых внутренне, но очень сильных. Впрочем, он всю жизнь убил на совершенствование себя в области обмороживания людей. И нас, тогда доверчивых и

принимавших все за чистую монету, нетрудно было обворозжить. Мы сидели и слушали его, почти буквально развесив уши. А стихи читал он хорошо. Вместо обычного слащавого, тоненького, почти бабьего разговорного тембра, стихи он читал каким-то пророческим «тубным», как я называла, «гласом». Читал с пафосом, но это гармонировало с голосом и содержанием. Его чтение я, вероятно, и сейчас слушала бы так же, как и тогда.

Через несколько дней от приятного начального впечатления, произведенного Н. Клюевым на Бениславскую и Назарову, не осталось и следа. «Ханжество, жадность, зависть, подлость, обжорство, животное себялюбие и обуславливаемые всем этим лицемерие и хитрость — вот нравственный облик, вот сущность этого когда-то крупного поэта», — таким запомнился Клюев Бениславской и Назаровой.

Московская жизнь, особенно загулы Есенина, произвели на Клюева тяжелое впечатление. «Я живу в непробудном кабаке, — писал он в Вытегру другу Николаю Архипову. — Пьяная есенинская свалка длится днями и ночами. Вино льется рекой, и люди кругом бескрестные, злые и неоправданные. Не знаю, когда я вырвусь из этого ужаса...».

В кафе «Стойло Пегаса» Н. Клюев, находясь в пьяной компании своих друзей, чуть не попал в драку. «Его кто-то задел тоже, — вспоминала Г. Бениславская. — Ну, видно, и улепетывал он — я открыла ему дверь так он пять минут отдышаться не мог и стал такие ужасы рассказывать, что все в его повествовании превратилось в грандиозное побоище, я думала, что никто из бывших там в живых не останется, а через десять минут пришли все остальные как ни в чем не бывало».

В «Стойле Пегаса» у Клюева собеседником нередко оказывался А. Мариенгоф, внимательно наблюдавший за гостем. «Мне нравился Клюев, — напишет А. Мариенгоф в «Романе без вранья». — И то, что он пришел путями господними в «Стойло Пегаса», и то, что он творил крестное знамение над жидким моссельпромовским пивом и вобельным хвостиком, и то, что он ради мистического ряжения и великой фальши, которую зовем мы искусством, надел терновый венец и встал с протянутой ладонью среди нищих на соборной паперти с сердцем циничным и кощунственным, холодным к любви и вере».

В «Роман без вранья» А. Мариенгоф внес еще одну зарисовку:

«Клюев раскрывал пастырские объятия перед меньшими своими братьями по слову, троекратно лобызал в губы, называл Есенина Сереженькой и даже меня ласково гладил по колену, приговаривая:

— Олень! Олень!

Есенин к Клюеву был ласков и льстив. Рассказывал о «Россиянах», обмозговывал, как из «старшего брата» вытесать подпорочку для своей «диктатуры»...

А Клюев вздыхал:

— Чего Изадору-то бросил... хорошая баба... Богатая... Вот бы мне ее, плюшевую шляпу купил бы с ямкою и сюртук, Сереженька, из поповского сукна себе справил...».

Никак не мог понять, чего же необычного нашла в Есенине Айседора. И у него есть те же преимущества, поэтому подсознательно срабатывало желание заменить Есенина, бежавшего от Дункан. Нужно только с ней познакомиться. Повод вскоре представился.

Последние встречи с Айседорой Дункан

От шумной сутолоки в квартире, напряжения в поисках денег для хлебосольных встреч гостей и других волнений Бениславская заболела. Сергей Покровский пытался ее успокоить, написав письмо 29 октября:

«Дошли до нас слухи, что ты неделю не будешь выходить из дома. (...) Не бегай «по стойлам» и не устраивай «стойл» у себя. Если будут нужны деньги на доктора — скажи — будут немедленно. (...) Нужно подготовить Эстрина сломать поэту Ключеву шею или в крайнем случае набить морду. Ну, будь здорова, лежи и никуда не выходи. Мог бы много написать тебе сегодня, но стоит ли мешать тебе уходить от меня. Ты так хочешь уйти!».

Как-то зашел в гости И. Аксельрод, один из активных собутыльников Есенина. Он стал усиленно уговаривать Сергея, который чувствовал себя уставшим, сходить в гости к Дункан. Аксельрода поддержал Ключев, осознавший, что это и есть хороший повод для знакомства с танцовщицей.

Галина, узнав о цели их похода, пыталась остановить Есенина, но было уже поздно. Сергей стоял в костюме, решительным видом показывая, что отговорить его невозможно. Обещал скоро вернуться, а Аксельрод дал честное слово, что через два часа привезет Есенина обратно.

Не через два часа, а в два часа ночи возвратился только один Ключев. Когда Галя открыла ему дверь, то он сразу же стал говорить заранее подготовленную оправдательную речь:

— Вы не спите, тревожитесь. Вот ведь жизнь-то какая. Муки-то сколько. А Сереженька-то... Что с ним поделаешь, пропащий он совсем. Разве ж это человек? Да он и не стоит такой любви. Да его и любить-то нельзя. И не мужчина он, как же можно его любить. И любовь-то вашу не видит и не ценит. Я его звал домой, да разве он меня, старика, послушает? Так и пошел домой один, вас хоть успокоить. Да зайдем-ка в комнату поговорить.

В комнате Ключев продолжил разговор издалека:

— Да, больно мне видеть, что такая красавица из-за моего Сереженьки пропадает. Он неисправим, с ним душу легко потерять, а счастья никогда не дождешься. Другой бы молился на тебя, а Сереженька разве это понимает и ценит? Вот, малиновая, чей это портрет на стенке висит?

Галина повернула голову, посмотрела на висевший над ее

койкой портрет Сергея Покровского, но не стала отвечать, что позволило Ключеву продолжать:

— Очень уж лицо хорошее у него. Такой и любить, как еще любить сумеет, на руках носить будет. А Сереженьке это не понять, ты должна об этом подумать серьезно.

Галина не могла понять, куда клонит Ключев, но не стала уточнять, где остался Есенин. Время было позднее.

Все прояснилось на следующий день.

Утром Сергей Есенин не вернулся. Вечером Галина отправилась в «Стойло Пегаса» за деньгами, так как было условлено, что только ей будут выдавать положенные Есенину деньги, чтобы он их со своими друзьями не протранжирил. Неожиданно швейцар Александр, который всегда встречал Галю приветливо, как-то растерянно с ней поздоровался. Не понимая, в чем дело, Галина спросила:

— Сергей Александрович здесь?

— Да, да, они здесь. Там б-о-ольшая компания, — ответил Александр, указывая рукой в дальний угол.

В зале Галина убедилась, что компания-то состояла из четырех человек: Сергея, Айседоры и еще двух незнакомых.

Денег в кассе не было. Пришлось ждать. Галина на себе ощутила внимательный, изучающий взгляд Дункан. Получив деньги, Галина направилась к выходу, как ее догнал Есенин и глухим голосом, стараясь убедить в чем-то, сказал полупшепотом:

— Галя, ничего, понимаете, ничего не изменилось. Так надо. Я скоро приду. И деньги берите здесь, как всегда. И вообще, все по-прежнему.

— Хорошо, только если что-нибудь изменится — предупредите меня. До предупреждения все будет по-старому, — ответила Бениславская.

— Да нет, нет же. Ничего не изменилось. Как вы не понимаете, — повторяет Есенин.

По пути домой Галина отчетливо осознала, что Есенин серьезно болен. «Я для себя от него ничего не вправе требовать, — укоренялась в ее сознании мысль. — Нужно лечить его. Если я не помогу ему, то больше некому подумать о нем. А он уже стоит на краю пропасти».

Прошло еще два дня. Есенин ночевать не приходил. Галина вновь зашла в «Стойло Пегаса». Швейцар Александр радостно извещает:

— Сергей Александрович здесь, сидят в ложе.

Галина сразу увидела, что Есенин был в каком-то странном состоянии. Видно было, что он дрожал, все время оглядывался по сторонам, иногда зубами скрежетал. Когда к нему Галина

подошла поближе, он стал умолять:

— Надо поговорить, не уходите только.

Тут же за столом сидели Н. Клюев, А. Ганин, И. Аксельрод, И. Приблудный. Все были в сильном подпитии, кроме Клюева, который тянул слегка пиво, так как водки никогда не пил. Все громко требовали, чтобы Есенин еще и еще с ними выпил. Сергей продолжал нервно уговаривать Галину:

— Да, да, не буду. Надо поговорить. Меня будут тянуть к Изadore — а вы не пускайте. Ни за что не пускайте, иначе я погиб.

Аксельрод опять начал уговаривать:

— Сережа, пора ехать.

— Хорошо, хорошо, — соглашался Есенин, — давай еще немного выпьем, закажи еще вина.

Последовали опять уговоры поехать к Дункан, но Есенин все пытался оттянуть время. Наконец Галина не выдерживает, бросает зло собутыльникам поэта:

— Никуда он не поедет. Вы что, не видите, что он совершенно болен и ему надо ехать домой.

С нескрываемой злобой сидевшие за столом попытались ее отстранить. Кто-то кричал:

— Он дал честное слово, он должен ехать. Дункан сказала, что, если сегодня Сергей Александрович не придет, она не сможет завтра выступать. Нельзя же по вашей прихоти портить ей вечер!

Теперь в атаку пошла Галина:

— Да что ж, по-вашему, Сергей Александрович должен себя в жертву приносить, что ли? Ну, не будет выступать, тем хуже для нее. Какое ему до этого дело? Результат пребывания на Пречистенке налицо. В три дня живого места на нем не осталось.

Аксельрод ехидно пытается сыграть на женском самолюбии Бениславской.

— Ну да, мы, конечно, понимаем, — сказал со злостью, — что вам очень тяжело его отпускать. Вы, как женщина, не понимаете вопросов чести. Для Сергея Александровича это позор — не сдержать своего слова.

Галина вновь начала объяснять, что сейчас не обсуждается вопрос о чести, а идет разговор о серьезной болезни человека. Если была бы уверенность, что поездка Есенина закончится хорошо, то тогда его никто бы не удерживал, но сейчас же всем ясно, что Сергей Александрович болен, и болен серьезно.

С трудом Галине удалось вывести Есенина, которого друзья цепко держали за рукава, в коридор. Сергей неожиданно дрожащими руками вынул из кармана какую-то рукопись и

протянул ее Галине с просьбой:

— Вот, спрячьте. Я записывал. Только не смотрите, это не мой, это сумасшедший почерк. Я сумасшедшим записывал. Боялся, не запишу — и пропало.

Галина хорошо знала почерк Есенина. Взглянув на переданную ей рукопись, она не сомневалась, что текст записывался в невменяемом состоянии.

«Сама не понимаю, — вспоминала Г. Бениславская, — но было что-то жуткое в этих по-есенински расставленных буквах, в каждой из которых было такое нечеловеческое напряжение и дикое мучение мечущегося человека, что даже мне, далекой от таких мистических восприятий, почудилось, что смерть стояла рядом с его плечом, когда он записывал».

Спрятав рукопись, Галина попыталась выяснить причины такого душевного состояния. Есенин бессвязно, прерываясь, что-то вспоминая, стал рассказывать:

— Да, мы поехали к Дункан... Меня деликатно с ней оставили наедине, но много спорили... Изадора пыталась меня уговорить вернуться... Все время потом пили вино. Неожиданно Клюев предложил выкурить гашиш... Подлец он... Это только у него был гашиш... Вы думаете, Клюев не может меня отравить? Галя, вы его очень мало знаете, вы не знаете всего... О, он все может... Он никого не любит, и ничто ему недорого... Ему плохо, не удалось — и он никого не пожалеет. Только спасите, не пускайте меня туда...

Неожиданно вынул из кармана мундштук от гильзы, как будто сломанная папироса. На недоуменный взгляд Галины спокойно ответил:

— Аксельрод дал... Это кокаин, я уже понюхал один раз, только ничего не почувствовал, не действует.

Галина с криком «Сейчас же бросьте! Это еще что такое!» сильно ударила Есенина по руке, выбила закрутку с кокаином. Затем, с нескрываемым раздражением, Бениславская стала внушать Сергею, что наркотики опаснее, чем алкоголь, что это прямая дорога к смерти. Есенин потихоньку сдавался, потом начал произносить заверения, что не только никогда в жизни не возьмет в руки гашиша, но и даст в морду любому, кто эту отраву ему преподнесет.

Застольные товарищи вновь и вновь напоминали о поездке к Дункан, но Есенин каждый раз хватал Бениславскую за руку, умоляя о помощи.

В конце разговора спросил:

— А у вас револьвер всегда с собой?

— Да, всегда, а что? — удивилась Галя.

— Вы знаете, вас хотят избить. Меня предупредил один из них. К вам он почему-то хорошо относится. Вы не знаете, они вас избыют. Вот увидите, избыют. Всегда ходите с револьвером.

— Зачем же это им надо?

— Да ну, вы опять не понимаете, — перейдя на шепот, стал говорить Есенин. — За это время они хотят меня совсем туда затащить.

Сергей головой кивнул в сторону воображаемой Пречистенки.

— Кто вам об этом рассказал? — допытывалась Галина.

— Ну нет, это я вам не скажу, иначе ему плохо будет.

Бениславская поняла, что сейчас он ничего не расскажет, но предположила, что это мог сделать только Иван Приблудный, с которым у нее были теплые дружественные отношения.

Сергей Есенин не мог выйти из-под влияния своих друзей-собутельников, которых Г. Бениславская часто называла пьяной нищенствующей братией. Таких прилипал у поэта было много. Поэт отбиваться от них не умел. Неудивительно, что Галина смело бросалась на защиту любимого. В том, что права в своих действиях, она никогда не сомневалась. Позже писала в воспоминаниях: «Помню, как, заходя за Сергеем Александровичем в «Стойло Пегаса», чтобы пораньше увести его домой, я проходила сквозь строй враждебных, ненавидящих глаз. Чего только они не делали, чтобы устранить меня. К их величайшей ярости, они никак не могли раскусить наших (моего и Сергея Александровича) отношений. Жена. Не жена. Любовница — тоже нет. Друг. Не видали они таких среди себя и не верили в мою дружбу.

И поэтому не знали, с какой стороны задеть Сергея Александровича. И не понимали, чем же я так приворожила его, что никакими способами не удастся поссорить нас».

Родион Акульшин вспоминал: «Красоте этой женщины завидовали многие москвички. Жгучая брюнетка, с густыми сросшимися бровями и косами до пят, стройная, с бархатистым голосом и большими печальными глазами, всегда одетая с большим вкусом — эта полька была ненавидима всеми собутельниками Есенина за то, что всеми мерами боролась с их растлевающим влиянием на поэта».

Екатерина Есенина была свидетелем, как некоторые из гостей Сергея, узнав, что Галя только друг его, решили ухаживать за ней, и подчас довольно назойливо. Сергей это заметил и, чтобы прекратить волокитство, неприятное Гале, однажды сказал ей:

— О вас могут нехорошо думать. Давайте поженимся. Галя отрицательно покачала головой:

— Нет, Сергей Александрович, что обо мне будут думать, мне все равно, я не пойду за вас замуж из-за того, чтобы люди обо мне лучше думали.

Были случаи, когда противники Бениславской стремились сыграть на мужском самолюбии Есенина, дескать, великий поэт, а какой-то бабе слепо подчиняешься. Галина сама слышала, как во время одного увода Сергея от выпивающих в кафе кто-то напрямик бросил ему в лицо:

— Останься, что ты ей, что ли, подчиняешься?

Это было сказано с таким раздражением, что Галина испугалась ответной реакции Есенина, который мог исполнить

эту просьбу. Но Сергей с улыбкой, направляясь к выходу, ответил спокойно:

— Да, я ей подчиняюсь и никак не хочу обижать ее.

Решили зайти с другой стороны. Стали внушать Есенину, что Бениславская когда-то работала в ГПУ, а теперь она специально уволилась из этой организации, так как ей поручили специально следить за поэтом. Говорили так убедительно, что Есенин поверил, а с чекистами он не хотел иметь дела. Возвратившись домой, он долго шептался с сестрой Екатериной. А когда Катя ложилась с ней спать на кушетке, то Галина не могла понять ее возбужденное состояние, вызванное разговором с братом.

— О чем тебе Сергей говорил? — спросила Катю.

Она что-то неопределенно ответила. Пришлось убеждать девочку, что ее молчание только испортит отношения со всеми. Наконец, Екатерина согласилась все рассказать. Галина из ее сбивчивого рассказа поняла, что Сергей наставлял сестру быть осторожнее в отношениях с Галиной, которая, по его мнению, не из бескорыстной любви и преданности возится с ним, а потому, что Бениславская является агентом ГПУ, что она может в любой момент спровоцировать его и засадить в тюрьму. Правда, Сергей также сказал сестре, что Галя хороший человек, что ее нужно будет защитить, если вдруг с ними будут расправляться. У Кати в голове все смешалось. Она закончила сбивчивый рассказ вопросом:

— Или правда, что ты из ГПУ, тогда Сергея надо спасать от тебя, и вообще — куда же тогда Сергей попал? Или, если это не так, то Сергей сумасшедший, и от этого не легче.

Пришлось Галине рассказать Кате, что она действительно работала в контролирующей организации, но занималась проверкой только экономических нарушений, что она из этой организации добровольно уволилась и никогда никакого отношения к работе чекистов не имела. А сплетники стараются только поссорить ее с Сергеем. После разъяснения Екатерина успокоилась.

Есенин чаще пил с людьми случайными, приехавшими в столицу по разным делам, но пытавшимися встретиться со знаменитым скандальным поэтом, чтобы потом об этом рассказать по приезду у себя дома. В глазах Бениславской такое окружение Есенина еще можно было терпеть. Раздражение и гнев у нее вызывали знакомые Есенина, которые целенаправленно спаивали его, играя на тщеславии поэта.

Таким, по ее убеждению, был Семен Борисович. Борисов, хотя настоящая фамилия была у него Шерн и отчество Борухович.

Журналист по профессии, С. Борисов быстро сходился с

людьми. С Есениным познакомился в 1920 г., но активное общение началось после возвращения поэта из зарубежной поездки. С. Борисов работал в газете «Известия», при встрече предложил Есенину написать несколько очерков о своих впечатлениях. Познакомил поэта с секретарем газеты «Известия», где вскоре и был опубликован есенинский очерк «Железный Миргород». Борисов высоко отзывался о «Москве кабацкой» еще до публикации книги. После вечера в Политехническом музее 21 августа 1923 г. он в статье «Вечер Есенина» («Известия ВЦИК», 1923, 23 августа) о есенинской поэзии писал: «... в первом цикле — «Москва кабацкая» — несмотря на жалость поэта к этой умирающей Москве, которую Октябрь выбросил за борт истории, чувствуется новая большая струя в поэзии Есенина. Сила языка и образа оставляет за собой далеко позади родственную ему по романтизму поэзию Блока. В лирике Есенина бывшая любовь к старой нищей России сменилась близостью к городу и его индустрии и каменным громадам».

В августе 1923 года на подаренном С. Борисову фотопортрете С. Есенин написал: «Милому Сене с любовью С. Есенин». Ему же был отдан текст написанной в 1923 году автобиографии, которую С. Борисов опубликовал вместе со своими воспоминаниями в 1926 году в журнале «Красная нива».

С. Есенин с компании с С. Борисовым бывал в различных местах Москвы кабацкой: проводили шумные попойки, встречались с проститутками, ночевали у цыган. Бениславская старалась убедить С. Борисова, что Есенину нельзя пить, но он отмалчивался или же иногда раздраженно отмахивался, стараясь при удобном случае затащить поэта в кабак и пригласить «к девочкам». «Как и все, он знал установившийся порядок, — вспоминала Галина Бениславская, — если втянуть Сергея Александровича в компанию, то все оплачивает он: вино, извозчики и даже «девочки» — все за его счет. Сергей Александрович сам иногда рассказывал, как приятели подбивали его пойти к проституткам, прекрасно зная, что проститутки он боялся, как чумы. Ему казалось, что они все, все до единой, больны и, в случае чего, они неизбежно наградят его тем же. Поэтому ни трезвый, ни пьяный он никогда не мог решиться на это — страх преодолевал все. Но приятелям было важно, чтобы Сергей Александрович был в компании лишь для того, чтобы он расплачивался».

Но С. Борисов общался с Есениным от случая к случаю. Были и такие, которые крутились возле Есенина чуть ли ни круглосуточно. К ним относился Иосиф Аксельрод, которого в 1921 году Есенин и Мариенгоф приняли уборщиком в свой

Книжный магазин на Никитской. Затем Иосиф перешел работать в 3-ю типографию «Транспечати». С. Есенин часто обращался к его услугам, о чем свидетельствуют сделанные им записи домашнего и служебного телефонов Аксельрода.

Особенно рьяно Аксельрод опекал поэта после его приезда в Москву из заграничной поездки летом 1923 г. О том, что он умел находить слабые струнки в душе поэта, Бениславская убеждалась неоднократно. Запомнился ей один случай, когда она не смогла вырвать Сергея из цепких рук его друзей.

Она уже выходила с Сергеем из кафе поздно ночью, как подлетел И. Аксельрод с друзьями и начали усиленно уговаривать Есенина пойти в ночное кафе «Странствующий энтузиаст», которое было открыто недавно в Леонтьевском переулке знакомым Есенина петроградцем Б. К. Прониным.

Услышав имя своего знакомого, С. Есенин тут же сорвался с места.

— Сергей Александрович, куда же вы, а домой? — спросила с надеждой Бениславская.

— Сейчас, сейчас. Я сейчас, — отмахивался поэт, догоняя своих друзей.

Галина поняла, что ее специально не приглашают, чтобы она ушла домой одна. Не на такую напали. И как бы быстро ни шли мужчины, она успевала их догонять. У самого входа в кафе «Странствующий энтузиаст» Есенин вдруг опомнился. Он пьяным голосом начал спрашивать стоявших рядом:

— Где же Галя? Галя где?

Чтобы его успокоить, ему показали Бениславскую, а затем подхватили под руки и увели в помещение, оставив девушку одну на улице.

«Трудно передать мое самочувствие, — писала Г. Бениславская. — Непривычная к этим трущобам, одна среди полупьяных и совсем пьяных, наглых, сальных физиономий. Наконец вошла в комнату, куда увели Сергея Александровича. Села с краю у стола, решив, что ни в коем случае не убегу. Попробовал кто-то меня угостить вином, но я его поблагодарила с таким видом, что всякое желание угощать прошло. Сергей Александрович, стоя за другим концом стола, городит какую-то пьяную чушь, с выкриками, слезами, «бия себя в грудь». Никто его не понимает, но следят за ним с интересом, как смотрят обычно на «рыжего» в цирке. До чего ж мне хотелось всем им морды набить (таких только бить надо, более культурных методов воздействия они не почувствуют) за то, что Есенин для них паяц, и только. Поили его со всех сторон. Вдруг Сергей Александрович встревоженно поднимается: «Галя, где Галя?» Подхожу. «Мне надо

ехать домой. Иначе мозг кончится, кончится здесь (показывает на голову). Вы не отходите, сейчас пойдем домой». Но, дойдя до раздевалки, мне пришлось быть свидетельницей разговора, при воспоминании о котором меня до сих пор тошнит. Подходит какой-то тип: «А, Сережа, как ты? Пойдем к...». Сергей Александрович отнекивается. «Чего ж «нет»? Что, у тебя стоИт? Знаешь, у меня стоИт, да как еще». И Сергей Александрович, который мог часами матерщинить, закорчился от такой циничности, смущенно отвечает: «Да, у меня тоже, все время, Ну, пока, пока». Так в школе неразвращенные мальчишки, боясь быть поднятыми на смех, стараются не отставать от более опытных, похабных разговоров и прочего».

Есенин с первых встреч стал доказывать Бениславской, что он пьет потому, что ему нужно успокоиться, нужна разрядка. Его не смущали случайные знакомые в пивных, он легко вступал в перепалки, мог себя отстоять в завязавшейся по разным причинам драке. Галине приходилось быть свидетельницей подобных ситуаций. Однажды Есенин предложил ей пойти в ночную чайную. Никакие уговоры Бениславской он и слышать не хотел. Пригрозил, что если она с ним не пойдет, то он отправится один.

Наняли извозчика. Всю дорогу Галина думала, что эта поездка ничего хорошего не предвещает. Она была наслышана о ночных чайных. Ничего хорошего о них друзья не говорили.

В чайной все столики были заняты. Есенин решил выпить бутылку пива у стойки. Недалеко от Гали освободилось место. Мужчина, очень похожий внешне на цыгана, без всякого умысла предложил Бениславской присесть на свободный стул. Подошедший Есенин усмотрел в этом что-то обидное, бросил резкое замечание мужчине. Похожий на цыгана сорвался с места и угрожающе заорал:

— А-а, интеллигенция, воображаете много о себе, ну что ж, можно будет и проучить вас!

Как по команде, приятели мужчины со злыми глазами готовы были привести угрозу в исполнение. Галина стала обращаться то к мужчине, то к его приятелям, то к Есенину, но на нее мало кто обращал внимания. Назревала драка. Вдруг к спорщикам подошла проститутка, высокая жгучая брюнетка, с властным, но помятым лицом. Она спокойно сказала мужчине:

— Федя, пойдем, брось.

Это не успокоило «спорщика», продолжавшего многоэтажно отругиваться.

Защитница сказала Гале, отходя в сторону:

— Я сейчас уведу его.

Через минуту она появилась вновь, исполняя на гитаре что-то

разухабистое, с выкриками и взвизгиваниями. Внимание Феди и остальных переключилось на нее. Жгучая брюнетка опять позвала Федора:

— Ну, идешь, что ли?

И все мужчины пошли с ней к другому столику. Позже проститутка подошла к Бениславской и успокоила:

— Вы не бойтесь, я его не пущу, пока вы здесь.

Вряд ли заступница знала поэта Есенина и его поэзию. Возможно, что она защищала из-за женской солидарности, но Бениславская не сомневалась, что не окажись в чайхане в тот раз жгучей брюнетки, Есенин мог бы и не уцелеть в тот вечер.

Финал той злополучной ночи также надолго запомнился Бениславской.

По дороге домой Есенин заснул. Извозчик помог дотащить только до лифта. Есенин вдруг проснулся, вскочил, но неожиданно упал, ударившись со всего размаха затылком о ступеньки. «Во мне все застыло от ужаса, — вспоминала Галина. — Я всегда панически боялась именно за его голову. И самой страшное видение в те ночи было: Сергея Александровича приносят домой с пробитой, окровавленной головой. Но голова, к счастью, оказалась целой».

В лифте, куда Галина с трудом затащила Есенина, он опять забеспокоился:

— Что же это такое? — ошеломленно спросил он, понимая, что они поднимаются вверх.

— Едем домой, теперь уже никуда не сбежите, — радостно отвечала Бениславская.

Сергей выслушал это и с какой-то радостью сказал:

— Да, хорошо, очень хорошо то, что хорошо кончается. Галя не стала уточнять, что он хотел этим сказать. Она была рада, что все закончилось благополучно.

«Гая — моя жена...»

На следующий день протрезвевший Есенин опять стал высказывать опасения, что его начнут тащить «туда», к Дункан. С. Виноградская вспоминала: «Он был совершенно разбит, плакал и при мысли, что она может прийти, испытывал животный страх, еще пуще плакал и просил не пускать ее». Боялся, что Айседора может после своего концерта заехать за ним в «Стойло Пегаса» и под любым предлогом увезти. На ее концерт не пошел, но послал корзину цветов.

В «Стойле Пегаса» нарядился в «пушкинский костюм», был весел. Галина после работы зашла за ним. Немного заволновался к полуночи, ожидая приезда Айседоры. Не хотел, чтобы в кафе состоялась ее встреча с Бениславской. Пока разрабатывали план, как этого избежать, приехали с концерта Катя и Марцел. Они сказали, что Дункан уехала к себе домой. Угроза миновала. Есенин с сестрой и Бениславской отправились к себе в Брюсовский.

Хорошо запомнила Бениславская и последнее свидание Есенина с Дункан. «Его опять подбили ехать друзья, — писала она. — Он перед тем напился пьяным и собрался ехать. Звал сопровождать его Аню Назарову, но ей нельзя было ехать, так как у Дункан могло выясниться, что она моя подруга. Вошла Катя (дело было в «Стойле»). «Екатерина, едем к Дункан», — обратился он к ней. Я поддержала его — с Катей было не опасно, я знала, что она сумеет вытащить его оттуда. А Катя посещения Дункан боялась пуще всего и расплакалась, уцепившись, как ребенок, за шубу Сергея Александровича. Удалось ее успокоить и уговорить. Через два часа они вернулись оба на Брюсовский и с хохотом вперебой рассказывали, как Катя не дала Дункан даже поговорить наедине с Сергеем Александровичем, как Шнейдер пробовал удержать и Сергей Александрович напугал его, прикинувшись очень буйным, и как они все же выбрались оттуда, несмотря на то, что не было денег на извозчика, и никто из братии намеренно не хотел дать. «Понимаете, как назло ни у кого ни копейки денег не было», — смеялся Сергей Александрович».

Все это было известно Бениславской со слов Есенина и Кати. Сохранились воспоминания одной из учениц Айседоры, К. Г. Хачатуровой, которая вместе со своей матерью оказалась в тот вечер в балетной школе. «После концерта все собрались за большим, длинным столом в комнате Изадо, — вспоминала она. — И вдруг открылась дверь красного дерева и вошел Есенин, ведя за руку девушку. Не раздеваясь, они сели за стол, и Есенин

сказал: «Спой, Катя, как наша мать пела, когда телят в поле выгоняла», и Катя запела тоненькимтоненьким голоском. Изадора встала и вышла из комнаты. Есенин сказал: «Не понравилось хозяйке, ушла». Мама тоже встала из-за стола и вышла, чтобы навестить меня в дортуаре, где мы спали, и увидела, как Изадора ходит по длинному коридору, держа руки у висков и повторяя: «Майн гот! Майн гот! Боже мой! Боже мой!». А Есенин стал прощаться со всеми гостями, обойдя три раза вокруг стола. С каждым попрощался за руку. Потом взял свою статуэтку работы Коненкова и ушел. Больше они с Дункан не виделись...».

Николай Клюев решил этим воспользоваться. Он стал навещать Дункан, а порой и оставался там на ночь. Айседора его щедро угощала, уделяла ему внимание. Возвращаясь от нее, он не переставал хвалить ее, как бы упрекая тем самым Галю и Аню, что они не могут так хорошо жить.

Сергей Есенин заказал для своего друга шевровые сапоги, которые сшили через неделю. Но Клюев понял, что у Есенина нет денег, поесть и попить вдоволь на его квартире не было возможности. Он окончательно перебрался на Пречистенку к Дункан. Танцовщица подарила ему фотооткрытку со своим изображением, на которой написала: «Клюеву от Айседоры». Обрадованный Клюев отправил подарок в родную Вытегру Н. И. Архипову, своему доверенному лицу, написав на обратной стороне открытки: «Это Дункан. Я ей нравлюсь и гощу к нее поцарски».

На квартиру к Бениславской он больше не приходил.

Вскоре ему прислали гонорар за изданную в Петрограде книжку «Ленин», и он, не попрощавшись с любимым «Сереженькой» и его подругами, а также не поблагодарив за подаренные сапоги, уехал в Северную столицу.

С тех пор С. Есенин о Клюеве разговоров не вел, переписка между ними прекратилась.

Все препятствия в отношениях Есенина с Дункан были устранены. Бениславская стала решать практические вопросы совместного проживания с Есениным. Она мечтала создать домашний уют, окунуться в семейное счастье. У нее был узок круг близких друзей, почти были утрачены бывшие родственные связи.

Из своих родственников у нее осталась в Петрограде тетя, Нина Поликарповна Зубова, но с ней в последние годы были прохладные отношения.

Встречались крайне редко. Нина Поликарповна была уверена, что Галина специально не хочет с ней встречаться, потому что запуталась в своей личной жизни, которую старалась преподнести родной тете как благополучную. Со слов своей знакомой, которая

посетила квартиру Бениславской, но застала там только Есенина и его сестру Екатерину, Нина Поликарповна еще больше убедилась в неверном избранном пути своей племянницы. «Ездил в Москву моя знакомая и повезла тебе подушечку — и там было тоже все ложь, — писала она Бениславской. — Там была какая-то Катя Есенина, по-видимому, родственница известного пьяницы, и этот последний тоже был в комнате твоей. Фу, какое омерзенье, что у тебя бывают люди из купеческой среды, пьяницы. Теперь я понимаю, почему ты сказала мне, что теперь пьяных ты не боишься. Можно дойти до большого падения, не бояться еще большей мерзости — пьянство отвратительно, и в тебе был сильный инстинкт природной чистоты — тебе был омерзителен пьяный человек». Н. П. Зубова упрекала свою племянницу: «По-видимому, нет никакой надобности сообщать даже тебе все это, ибо ты не только не собираешься приезжать, но даже не пишешь. А первое слово, которое ты мне сказала, когда я приехала, это было: «А я собиралась ехать к тебе». Первое слово была ложь. Спасибо тебе за это!»

Нина Поликарповна всегда считала Есенина пьяницей и хулиганом. В этом она еще больше убедилась, когда побывала на его поэтическом концерте 14 апреля 1924 г. в Ленинграде. «Кстати за 25 копеек кто-то мне предложил пойти послушать пьяного стихотворца, — с ехидцей писала она в Москву племяннице. — Я пошла и услышала, как пьяный человек плевался во всех, ругал Ахматову, Тургенева, хвастал своими победами над женщинами (мол, легкость побед мне не доставляет удовольствия) и, конечно, осуждал хороших женщин. Пьяница кого-нибудь еще осуждает!».

Галине неприятно было читать совет Нины Поликарповны: «Всему этому название — мерзость. Гони их от себя, а то ты постепенно черт знает к чему привыкнешь. Помни, что ты неизмеримо выше их. Неужели нельзя жить просто и нормально. В Советской стране так много применения для твоих сил и молодости». Но Бениславская определила свой жизненный путь и менять его не хотела.

«Судьба Гали была иная, — писал В. Шершеневич. — Уже после отхода Есенина от имажинизма Галя вышла за него замуж. Это был тяжелый Есенин, и Галя имела много горя. Галя любила Есенина так, как его не любил никто, и надо отдать справедливость: ни к одной женщине Сережа не относился с таким уважением и почтением. Но не мучить уже не мог. Галя была горда, но не с Сергеем. Галя была рассудочна, но не с Есениным».

Галина посвятила свою жизнь Сергею Есенину и его близким

родным. «Самым ценным, самым преданным другом последних лет была Г. Бениславская, — вспоминала С. Виноградская. — С невиданной самоотверженностью, с редким самопожертвованием посвятила она себя ему. В ней он нашел редкое соединение жены, любящего друга, родного человека, сестры, матери. Без усталости, без упрека, без ропота, забыв о себе, словно выполняя долг, несла она тяжелую ношу забот о Есенине, о всей его жизни — от печатания его стихов, раздобывания денег, забот о здоровье, больницах, охраны его от назойливых «кабацких» друзей до розысков его ночами в милиции. Этого редкого и, нужно сказать, единственного настоящего друга Есенин недостаточно ценил. Он часто твердил: «Галя мне друг; Галя мне единственный друг». Но еще чаще забывал это».

Самым сложным было время, когда Есенин неожиданно срывался и приходил домой пьяным. Он был возбужден, шумлив, на него благосклонно могла повлиять только Бениславская.

«Обычно укладывала его я, так как он, пьяный, при мне был спокойнее и сдерживал себя, — вспоминала Галина. — В моем присутствии в течение двух лет произошел только один скандал. Успокаивало его мое спокойствие и моя ровность по отношению к нему; я вскоре изучила до тонкости все его настроения. В отношении его настроения и состояния я была совершенно необычайно для меня чутка. Из постоянной тревоги за него выросла какая-то материнская чуткость и внимательность к нему. Пьяный он ко всем придирался. Иногда пробовал и ко мне, но то, что я никак не реагировала на придирки, его успокаивало, и впоследствии он меня никогда не трогал. Помню, что он говорил, что при мне стесняется ругаться, «но я себя приучу не стесняться вас». Его искренне возмущало подчинение даже в такой форме».

Справиться с загулявшим Есениным было трудно. В таких случаях на его спасение бросались не только Галина Бениславская, но и ее близкие подруги.

Однажды Галя и Аня «выдерживали характер» и не пошли искать загулявшего Сергея. Нервничали, прислушивались, не зазвонит ли дверной звонок. Так продолжалось до трех суток. Нервы не выдерживали, ушли на поиски.

Знали, что чаще всего он оставался ночевать в помещении студии Н. М. Фореггера на Арбате, 7, или в студии Георгия Якулова. Пьянки чаще проводились в «Стойле Пегаса». Анна Назарова была свидетельницей очередного срыва, о чем писала в воспоминаниях:

«Вхожу. Публики еще никого, было еще рано. Пьяный Есенин что-то пляшет. Увидел меня и сразу же, радостный, бросился: «А, Аня, родная! Вы за мной?» — «За вами. Идемте домой?». —

«Идемте сейчас, сейчас пойдём».

Не тут-то было. В кафе в подпитии с Есениным были поэт Алексей Ганин, артист Зелик Персинц, книгоиздатель Александр Кожебаткин и еще несколько неизвестных собутыльников. Они плотно окружили Есенина, начинают уговаривать его поехать к художнику Георгию Якулову. От такого напора он не может устоять, хотя Аня видела, что ему сейчас хочется добраться домой. «Решаю, что на улице легче уговорить, — вспоминает А. Назарова. — Говорю: «Выйдем, а там увидим, куда ехать». Выходим. Он обнял меня, и так идем по Тверской, шатаясь и толкая публику, причем Есенину кажется, что толкают его, и он готов каждую минуту начать скандал. Я начинаю снова звать домой. Как назло, около «Стойла» нет извозчика. Идем к Страстному. Догоняют остальные и окончательно уговаривают Сергея Александровича ехать к Якулову. Мы вдвоем едем. «Аня, вы чудесная девушка. Но только и вы, и Галя — скажите — я не хочу стеснять как-то вашу жизнь. Если я мешаю — я уйду. Оставьте меня. Но я знаю, что вы — единственные друзья».

Г. Якулов встречает друзей. Попойка продолжается. С. Есенин представляет ему Анну Назарову как самого близкого и лучшего друга, а потом сбивается и называет девушку своей женой, что вызывает у прибывших с ним собутыльников недружелюбные и насмешливые взгляды.

Зелик начинает уговаривать Есенина поехать к цыганам. Говорит, что у него там есть великолепные знакомые танцовщицы и певицы. Это злит Аню, которая решает, что все предпримет, но Есенина к цыганам сегодня не пустит. А поэт в это время уже дошел до точки. Лежа на диване, бессвязно кричал, кому-то угрожал, матерился. Аня подошла к нему. Он немного утихомирился, даже предложил поехать домой, но потом опять пошла волна пьяного отключения с руганью и угрозами.

Наконец уговорила поехать домой. Но как с пьяным спуститься с третьего этажа. Попросила помочь Зелика, но тот едко ухмыльнулся, махнул рукой и быстро с друзьями скрылся. Алексей Ганин предлагает оставить Есенина ночевать у Якулова, но Аня понимает, что это наихудший выход, поэтому настаивает на возвращении домой.

«На извозчика нет денег, — писала А. Назарова. — Стискивая зубы от бешенства — чуть не плача — говорю об этом. Якулов отдает последний миллиард. Кое-как одеваем Сергея Александровича и выходим. Совсем повис на мне и Ганине, который сам еле на ногах держится. Сил нет, а его приходится почти тащить. Наконец падает на площадке. Поднять не можем. Ганин ругает — зачем увела. Я говорю: «Идите и спросите —

можно оставить его?» Уходит. Сергей Александрович ухватился за ворот пальто и не выпускает. Я умоляю пустить, чтобы было удобнее поднять его. Что-то мычит — и все. Возвращается Ганин. Жорж болен, ночует Кожебаткин, негде положить. «Сволочи, а не друзья», — со злостью бурчу под нос... «Верно, предатели, я их знаю и не верю им», — вдруг, прищурившись, говорит Сергей Александрович. Наконец кое-как доходим до извозчика. Садимся. Есенин, положив голову на плечо, тут же засыпает. Приезжаем на Никитскую. Снова история — не узнает дома и не хочет сходить. Поднимаемся на лифте — входим в квартиру. Сергей Александрович — и откуда прыть взялась! — обгоняет меня и летит в комнату, все время радостно повторяя: «Дома! Дома!».

Строптивый Алексей Ганин

С. Есенин был не только душой многих пьяных компаний, но и основным плательщиком любителей выпить и поесть за его счет. Неудивительно, что некоторые друзья его не хотели смириться с утратой своего благополучия, если Бениславская вырвет из их рядов Есенина. Угрозы в свой адрес Галина слышала неоднократно. Некоторые озлобленные собутыльники предлагали от слов перейти к делу.

Как-то Галина в задумчивости стояла у щита возле буфета, дожидаясь С. Есенина. Неожиданно до нее долетела фраза, произнесенная кем-то в зале:

— Ну, убрать ее можно в два счета. В переулке избить. Недели две не встанет, а там пускай бегают...

Голос показался Бениславской знакомым, очень похожим на дикию Алексея Ганина. Значит, прав был Сергей, предупреждая об угрозе. Стало немного не по себе. Нащупала револьвер в сумке. Не из робкого десятка, но лучше быть предусмотрительной, чем избитой.

Бениславская недружелюбно относилась к А. Ганину, причисляя его к самым отъявленным собутыльникам Сергея.

Ганин Алексей Алексеевич был старше Есенина на два года. Родился в многодетной крестьянской семье в деревне Коншино Вологодской губернии. Окончил трехклассное земское училище в селе Мочалово, а затем двухклассное земское училище в селе Устье Кубенское. Рано стал писать стихи. Любил местный фольклор, который впоследствии органично вошел в его поэзию. Поступил в медицинское училище Вологды, по окончании стал работать фельдшером. В Первую мировую войну был мобилизован и отправлен в Николаевский военный госпиталь в Петроград. В столице познакомился с поэтами Есениным, Клычковым, Орешиним, Клюевым, Пименом Карповым. Писал антивоенные стихотворения «Война» («Ты подумай, как страшно теперь...»); «Далекий век, от колыбели...», опубликованные после революции.

Знакомство с Есениным переросло в дружбу. А. Ганин пытался помочь С. Есенину опубликовать в Вологде антивоенную поэму «Галки», которую в Петрограде не пропускала цензура.

Февральскую революцию встретил в Петрограде. Стихотворения Есенина и Ганина печатались в левозэсеровской газете «Дело народа». Алексей был увлечен Зинаидой Райх, посвящал ей свои стихи. В августе С. Есенин, З. Райх и А. Ганин совершили поездку по северу России. В Вологде Сергей Есенин и

Зинаида Райх обвенчались. Ганин был поручителем со стороны невесты.

Вскоре молодожены стали жить в доме № 33 по Литейному проспекту, снимая две комнаты. В одной из комнат этого же дома поселился и Ганин. Жили коммуной, возложив ведение домашнего хозяйства на Зинаиду.

После Октябрьской революции А. Ганин добровольно вступил в Красную Армию. Служил фельдшером в различных госпиталях Северного фронта, затем поступил в Вологодский педагогический институт, женился.

С. Есенин пытается привлечь А. Ганина в группу поэтов-имажинистов. В сборник «Конница бурь» (1920) были включены произведения А. Ганина, С. Есенина и А. Мариенгофа, но имажинистом А. Ганин не стал.

В Вологде осуществил выпуск сборников своих стихов. Сам изготавливал макеты небольших книжечек и оформлял их обложки, на досках вырезал буквы, иллюстрации и затем печатал книжки литографическим способом. За два года под маркой выдуманного издательства «Глина» выпустил десять сборников своих произведений по 12–14 страниц каждый. Таковы книжечки «В огне и славе», «Красный час», «Вечер», «Золотое безлюдье», «Кибураба» и другие. Книжечка «Красный час» вышла с посвящением С. Есенину: «Другу, что в сердце мед, а на губах золотые пчелы — песни — Сергею Есенину».

В 1921 г. многие стихотворения из литографических сборников А. Ганин включил в свою книгу «Мешок алмазов». Московский критик Н. Я. Абрамович в рецензии одним из первых обратил внимание на талант поэта. В вологодском журнале «Кооперация Севера» А. Ганин печатал и прозаические произведения.

Осенью 1923 года А. Ганин переезжает в Москву. Он полон творческих замыслов. «Я приехал сюда, в Москву, как в центр научной и литературной работы, — писал он в своих показаниях после ареста чекистами, — так как начаты мною работы, ряд художественно-драматических хроник: «Освобождение рабов», «Иосиф» и несколько других из истории эллинского Рима и России. Кроме того, мною начат большой роман, который бы охватывал жизнь России в целом за последние двадцать лет, действие в котором разыгрывается, в отличие от всех существующих романов, не на любовной интриге, а на социально-экономических условиях. Все вышеуказанные работы требовали от меня знаний истории последних лет в целом. Но приезд мой для меня оказался роковым. Все мои работы, особенно последняя, рассчитанная приблизительно на десять лет, требовали еще

некоторой, хотя бы минимальной обеспеченности, которой у меня абсолютно не было»

Алексей Ганин жил на случайные заработки, его произведения не издавались. Свое отчаяние и бессилие он пытался утопить в пьянстве. «Я оказался в крайне отчаянном положении, — говорил он на допросах, — без работы, без комнаты, без денег. И так продолжалось с 1923 года, с сентября месяца, до дня ареста. Питался большей частью в кафе Союза поэтов «Домино». Позднее — «Альказар» и «Стойло Пегаса». А ночевал — где настигнет ночь».

Не имея собственного жилья, А. Ганину приходилось ютиться у друзей, которые сами не были благоустроены. «Я окончательно остался на мели, во власти всяких случайностей, — признавался он. — Вечера до глубокой ночи проводил в кафе, в пивных, а ночевать ходил к моему бывшему другу поэту Есенину в дом «Правды» по Брюсовскому переулку, где познакомился с его тогдашней женой Галей, ни фамилии, ни отчества которой я не знаю и до сих пор».

Алексей на многих производил неприятное впечатление опустившегося и обозленного на весь мир неудачника. Но не за это Галина невзлюбила его. «На Сергея Александровича, — вспоминала она, — он действовал не разглагольствованиями, а своим присутствием. При нем Есенин делался очень раздраженным и болезненно подозрительным, каждую минуту назревал скандал. При этом Ганин нагло требовал вина и вина, и при этом требовал, чтобы Сергей Александрович тоже пил с ним. Поэтому при Ганине было почти невозможно удержать Сергея Александровича от пьянства».

Его стихи не печатали в газетах и журналах по разным причинам. На это у него была одна и та же реакция. Он доказывал, что везде сидят иноверцы, которые его, настоящего русского поэта, притесняют и ненавидят.

Антисемитские суждения Ганина часто слышали в пьяных сборищах, а он любил выпить за чужой счет. Затем приистрастился к кокаину. В кругу близких стал высказывать предположения, что скоро большевистская власть будет свергнута, ей на смену придет народное правительство. В одной из таких захмелевших бесед Ганин рассказал Есенину, что уже сформировано новое правительство и если Есенин захочет, то в этом правительстве ему будет предложен пост министра народного просвещения. Ганин не только предложил, но и записал фамилию Есенина в этот список будущего кабинета министров. Это вывело Есенина из себя, он разозлился, послал Ганина к черту и потребовал, что тот немедленно вычеркнул из списка его фамилию и никогда об этом

не вел ни с кем в будущем разговоры. Ганин не стал возражать, вместо Есенина в список министром народного образования вписал поэта Приблудного.

Разговоры о засилии евреев, к большому неудовольствию Галины Бениславской и Анны Назаровой, неоднократно возникали в их квартире во время застольных бесед Н. Клюева, А. Ганина, И. Приблудного и С. Есенина.

Однажды Иван Приблудный на квартире Бениславской зачитал друзьям отрывок «Гонта в Умани» из поэмы «Гайдамаки» Т. Г. Шевченко. Он обратил внимание на эпизод, когда Гонта убил своих детей только за то, что их мать-католичка помогала иезуитам обратить их в католическую веру.

Возбужденный Есенин не стал вникать в достоверность рассказанного случая из жизни гайдамаков и сказал сидевшей рядом Бениславской:

— Слушайте, слушайте. Вот это самое. И я, если на то пойдет, сам отдам своих детей. Они тоже от еврейки. Плакать буду, но отдам, не пожалею.

Наутро, протрезвев, Есенин, узнав о своем высказывании, недоумевал:

— Ведь ничего во мне нет против них. А когда я пьяный, мне кажется бог знает что.

Виновников, провоцировавших его на такие выступления, не искал. Он знал, что они сидят с ним рядом, выжидая нужный случай, чтобы еще больше подлить масла в огонь.

Клюев завидовал растущей поэтической славе Есенина. Он был старше, хитрее и дальновиднее, мог сыграть на самых сокровенных чувствах, пробуждая в Есенине недовольство и ненависть. Часто затрагивалась в беседах тема о засилии «жидов» в общественной жизни России, о вытеснении ими русских поэтов и писателей. Н. Клюев нашел хорошую поддержку в лице А. Ганина, также смотрящего обиженными глазами на окружающий его мир. Перед таким тандемом Есенину было трудно устоять.

При этом Клюев преподносил себя как «жертву». Он рассказывал, как радостно встретил революцию, как вступил в мае 1918-го в Вытегре в партию большевиков. Но основные положения советской власти ему были чужды. Не мог он смириться и с гонением на религию. Не скрывал своей любви к древнему иконописному искусству, собирал по храмам, которые закрывались и разорялись, иконы, в ценности которых он хорошо разбирался. За это собирательство икон и посещение богослужений 28 апреля 1920 г. его исключили из партии. Смирный Николай Клюев отреагировал на это протестными речами среди земляков или чтением написанных новых своих

стихотворений. Его подвергли кратковременному аресту, затем выслали в Петроград. Об этих событиях Н. Клюев рассказывал с учетом своих интересов. Старался подчеркнуть, что для новой власти их поэтическое дарование не нужно. А. Миклашевская вспоминала: «Клюев опять говорил, что стихи Есенина сейчас никому не нужны. Это было самым страшным, самым тяжелым для Сергея, и все-таки Клюев продолжал твердить о ненужности его поэзии. Договорился до того, что, мол, Есенину остается только застрелиться. После встречи со мной Клюев долго уговаривал Есенина вернуться к Дункан».

Н. Клюев не скрывал своего отношения к новой власти и евреям. Рассказывая о трудностях, он не забывал подчеркивать, что это все потому, что «жиды правят Россией». Фраза «не люблю жидов» часто служила дополнительной характеристикой того или иного еврейского поэта, писателя, общественного деятеля. Более резок в оценке событий был и Алексей Ганин, который утверждал, что Россия стоит накануне гибели, а ее многомиллионное русское население обречено на рабство и нищету, так как захватившие власть «еврейские выродки» целенаправленно уничтожают беззащитное сельское население.

В подобные споры и обсуждения нередко вступал и Есенин, для которого слово «жид», по наблюдениям Ани Назаровой, было «чем-то вроде красного для быка». Во время пребывания за рубежом поэт был осведомлен о засилии нерусских в высших органах власти России. Это его задевало, вызывало критическую оценку. Наиболее отчетливо свое настроение выразил в письме А. Кусикову, написанном 7 февраля 1923 г. на борту океанского лайнера в Атлантическом океане при возвращении из США в Европу. «Сандро, Сандро! — взволнованно исповедовался поэт. — Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если б я был один, если б не было сестер, то плюнул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь. Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это блядское снисходительное отношение власть имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу! Ей-богу, не могу. Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу».

Возвратившись на родину, на «большую дорогу» поэт не вышел, но с названными проблемами столкнулся лоб в лоб. Правда, теперь он был не один. Рядом были единомышленники, сочувствующие. О том, что обсуждение положения русских в стране не раз возникало в разговорах, можно судить по сохранившимся дарственным надписям С. Есенина: «Сокол

милый, люблю Русь, прости, но в этом я шовинист»; «Тех, кто ругает, всыпь им. Милый Сокол, давай навеки за Русь выпьем», «Милому Соколу, ростом не высокому, но с большой душой русской и все прочее»; «Николаю Хорикову за то, что он русский».

Подобные шумные разговоры в коммунальной квартире на Брюсовской затихали после вмешательства Галины Бениславской, стремившейся убедить захмелевших поэтов в незнании ими современной ситуации в стране. Как член партии она не могла равнодушно относиться к антипартийным высказываниям, к тому же быть посторонним наблюдателем не свойственно ее характеру.

Разговоры на антисемитские темы после ее вмешательства прекращались, спорщики переключались на литературные темы, но у Галины все больше и больше укреплялось недружелюбное отношение к Ганину и Клюеву, в которых она видела основных недоброжелателей, подталкивающих Есенина на эти скользкие политические темы. С таких позиций она после смерти Есенина описывала Н. Клюева и А. Ганина в своих воспоминаниях.

Дело 4 поэтов

Надежды на улучшение жизни после революции с годами улетучивались. Провозглашаемые лозунги о будущем коммунистическом обществе благоденствия, о братстве народов, о свободе и равенстве граждан стали восприниматься декларативными словами, которыми хотели скрыть повсеместную разруху и беззаконие. После гражданской войны страну охватил страшный голод, особенно в Поволжье, где отмечались случаи каннибализма. Всякое несогласие с политикой большевиков жестоко каралось. В белоэмигрантских кругах за рубежом во всем обвиняли советскую власть с комиссарами во главе. Среди руководителей большевистской партии и Советского государства было много нерусских, среди которых выделялись евреи. В руководящих органах власти их было так много, что в массовом сознании стало закрепляться мнение, что советская власть была создана евреями для евреев, а русские выступали в таком государстве слепыми и молчаливыми рабскими исполнителями. Это не могло не вызвать ответной реакции.

Со стороны власти предпринимались решительные меры. В 1918 году принимается специальный декрет «О борьбе с антисемитизмом», предусматривающий суровую кару, вплоть до расстрела, не только за оскорбление евреев, но и за произношение слова «жид».

Проводилась политика отстранения русских от участия в строительстве нового общества, которых подвергали резкой критике при отстаивании ими своих национальных интересов. 8 февраля 1921 года в газете «Известия» провозглашалось: «У нас нет национальной власти — у нас власть интернациональная. Мы защищаем не национальные интересы России, а интернациональные интересы трудящихся и обездоленных всех стран». Социальное недовольство нередко рассматривалось как «антисемитское» с последующими репрессиями. Под «антисемитизм» подводили незначительные хулиганствующие нарушения. Таким было Дело 4 поэтов, вызвавшее много пересудов в обществе в конце 1923 года.

После возвращения на родину у Есенина стало обостряться чувство отчуждения от родного дома. Первые его попытки вписаться в повседневную жизнь наталкивались на бюрократизм, на непонимание его житейских и творческих потребностей. Поэт хотел, чтобы его встречали везде как родного сына, с радостью и уважением, а в реальности натекался на закрытые двери, открывать которые он не умел. Другам говорил: «Поймите, в

моем доме не я хозяин, в мой дом я должен стучаться и мне не открывают». Вспоминал слова Сандро Кусикова, предупреждавшего Есенина, что он дома может оказаться чужим. Об этом писал А. Мариенгофу из Парижа: «Господи! Даже повеситься можно от такого одиночества. Ах, какое поганое время, когда Кусиков и тот стал грозить мне, что меня не впустят в Россию».

Наблюдательная Галина Бениславская писала: «Я не знаю, чувствовал ли он последние годы по-настоящему жизнь «родного дома». Но он знал твердо, что он-то может чувствовать и понять ее именно так, как настоящий, а не сводный сын чувствует и понимает свою семью. И сознание, что для этого он должен стучаться в окошко, чтобы пустили, приводило его в бешенство и отчаяние, вызывало в нем боль и злобу. В такие минуты он всегда начинал твердить одно:

— Это им не простится, за это им отомстят. Пусть я буду жертвой за всех, за всех, кого не пускают. Не пускают, не хотят, ну так посмотрим. За меня все обозлятся. Это вам не фунт изюма. К-а-к еще обозлятся. А мы все злые, вы не знаете, как мы злы, если нас обижают. Не тронь, а то плохо будет. Буду кричать, буду, везде буду. Посадят — пусть сажают — еще хуже будет. Мы всегда ждем и терпим долго. Но не трожь. Не надо».

Есенин был не лишен тщеславия. В конце ноября 1923 года решил отметить 10-летие своей поэтической деятельности, хотя первая публикация стихотворения «Береза» приходилась на январь 1914 года. Рассказал об этом друзьям в «Стойле Пегаса», но к его идее отнеслись без вдохновения. Тогда поэт сам составил проект записки в Совнарком. Заручился поддержкой Всероссийского союза поэтов. Дома рассказал о предполагаемом юбилее Гале, Ане, Яне. Девушки не очень поверили в возможность осуществления замысла, так как юбилеи по традиции устраивались маститым поэтам и писателям, а не молодым.

Сергей стал возбужденно отстаивать свое право:

— А, да. Когда умрешь, тогда — памятники, тогда — чествования. Тогда — слава. А сейчас, я имею право или нет... Не хочу после смерти, на что тогда мне это. Дайте мне сейчас, при жизни. Не памятник, нет. Пусть Совнарком десять тысяч мне даст. Должен же я получать за стихи...

23 ноября 1923 г. Всероссийский союз поэтов намечал отметить свой пятилетний юбилей. В этот день Сергей Есенин, Сергей Клычков, Петр Орешин и Алексей Ганин в Госиздате обсуждали возможности издания своих книг. Спустя некоторое время решили перекусить в пивной на Мясницкой улице. Настроение было приподнятое. Шел непринужденный

откровенный разговор о литературной жизни, об отношении к поэтам из крестьянской среды. Не скрывали возмущения засильем в русской литературе еврейских и других национальных имен, хотя русские литераторы лучше их знают язык и быт своего народа, могут объективно отразить происходящие социальные и культурные изменения селян. Говорили о крахе пролетарской поэзии, так как пролетарские поэты не создали ни одного выдающегося произведения, хотя получают государственную поддержку. Осуждали жесткую цензуру, приводили примеры, когда из их произведений вычеркивались целые строфы, что приводило к искажению содержания. А. Ганин и П. Орешин стали обсуждать творчество Николая Клюева, недавно уехавшего из Москвы. П. Орешин ругал Клюева за его чрезмерное увлечение божественностью, в то время как А. Ганин защищал право поэта искать справедливость у Бога, так как больше не к кому обратиться.

Заметили, что за соседний столик присел человек в серой кожанке, проявлявший нескрываемый интерес к разговору поэтов. Это был, как потом выяснилось, комендант и ответственный контролер МСПО Марк Родкин. Его заинтересованность возмутила Есенина, и он сказал соседу:

— Дай ему в ухо пивом!

Обиженный Марк Родкин встал и вышел. Вскоре он возвратился с милиционерами, указал на поэтов, которые якобы вели антисоветские речи.

По дороге в отделение милиции Сергей Есенин не скрывал своего возмущения. Указывая на Родкина, называл его клеветником, призывал подобную сволочь избивать.

Родкин в ответ кричал:

— Вот он и раскрыл свое лицо. Сразу видно, что это русский хам-мужик!

— А ты жидовская морда, — не унимался Есенин.

В отделении милиции М. Родкин дал обвинительные показания: «Рядом со мной сидело четверо прилично одетых молодых граждан и пили пиво. Они были далеко не настолько пьяны, чтобы не в состоянии были отдать себе отчет в своих действиях. Они вели между собой разговор о советской власти. Но ввиду того, что в это время играл оркестр, до моего слуха доходили отдельные слова, из которых я, однако, мог заключить, что двое из этих граждан не только недовольно относятся к соввласти, но определенно враждебно. Двое из них сразу перешли на тему о жидах, указывая на то, что во всех бедствиях и страданиях «нашей России» виноваты жида. Указывалось на то, что против засилия жидов необходимы особые меры, как погромы

и массовые избиения. Видя, что я им не отвечаю и что стараюсь от них отворачиваться, желая избежать столкновения, они громко стали шуметь и ругать паршивых жидов... Затем эти же двое граждан говорили о том, что в существовании черной биржи виноваты те же жида-биржевики, которых поддерживают «их Троцкий и Каменев». Такое же оскорбление вождей русской революции меня до глубины души возмутило, и я решил об этом заявить в отделение милиции для составления протокола...».

М. Родкин из этого случая старался сделать политический вывод: «Для меня стало ясно, что передо мной сидят убежденные «культурные» антисемиты и «истинно русские люди», которые сознательно стараются при удобном случае дискредитировать и подорвать авторитет советской власти и ее вождей...».

Милиционер Ипполит Францевич Абрамович дополнил показания М. Родкина: «После ареста четырех литераторов: Есенина и др., — писал он, — они были помещены в резервную комнату... Спустя некоторое время они запели в искаженной форме с ударением на «р», подражая еврейскому акценту, рев. песню «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой...» и т. д. Помню, что они говорили приблизительно следующее: «Хотя Троцкий и Каменев сами вышли из еврейской семьи, но они ненавидят евреев, и на фронте однажды был приказ Троцкого заменить евреев с хозяйственных должностей и послать на фронт в качестве бойцов». Повторяю, что всего разговора запомнить не мог...».

Дело принимало неприятный для поэтов ход. С. Есенин в своем объяснении не отказывался от факта столкновения с Родкиным по личным мотивам. Более сдержанные С. Клычков, П. Орешин старались в показаниях подчеркнуть бытовую окраску случая, отвергая все обвинения в антисоветских разговорах, а тем более в проявлении антисемитизма. П. Орешин доказывал, что о Троцком и Каменеве шел разговор в самых радужных тонах, как о покровителях русской литературы. С. Клычков писал, что Троцкого и Каменева жидками не называли, а говорили, что эти люди вышли из... своей национальности.

22 ноября поэтов выпустили из-под стражи, взяв подписку о невыезде. 6 декабря дело передали в следственный отдел ГПУ Абраму Славатинскому.

К делу поэтов была подключена широкая общественность. Партийный журналист, работавший в руководящих органах, Лев Сосновский 22 ноября в «Рабочей газете» напечатал статью «Испорченный праздник», в которой преподнес случившийся в пивной скандал не как бытовой случай, а как обдуманную политическую акцию в антисемитской окраске. На статью

появились отклики в газетах «Рабочая Москва», «Известия», «Правда». Еврейская тема в этих публикациях преобладала.

«Рабочая газета» (1923, 22 ноября) напечатала разговор с Демьяном Бедным, к которому С. Есенин обратился по телефону с просьбой уладить возникший конфликт. На вопрос Демьяна Бедного, почему же он не на своем юбилее, Есенин стал объяснять:

— Понимаете, дорогой товарищ, по случаю праздника своего мы тут зашли в пивнушку. Ну, конечно, выпили. Стали говорить о жидах. Вы же понимаете, дорогой товарищ, куда ни кинь — везде жида. И в литературе все жида. А тут подошел какой-то тип и привязался. Вызвали милиционеров — и вот мы попали в милицию.

Демьян Бедный сказал:

— Да, дело нехорошее.

На что Есенин ответил:

— Какое уж тут хорошее, когда один жид четырех русских ведет.

Прервав на этом разговор с Есениным, тов. Демьян Бедный дежурному комиссару по милиции и лицу, записавшему вышеназванных «русских людей», заявил:

— Я этим прохвостам не заступник. Поступайте по закону!

В дело вмешался Союз писателей. Хотели конфликт обсудить на заседании правления, но маховик уже раскачался. Л. Сосновский подчеркивал постоянно политическую суть конфликта. «Лично меня саморазоблачение наших поэтических «попутчиков» очень мало поразило, — писал он. — Я думаю, что если поскрести еще кое-кого из «попутчиков», то под советской шкурой обнаружится далеко не советское существо».

Было принято решение о рассмотрении поступка 4 поэтов на открытом товарищеском суде 10 декабря 1923 г.

На суде подсудимые отрицали свою причастность к антисемитским высказываниям. С. Есенин сказал, что слово «жид» он употребил в ругательском значении без какого-либо политического содержания.

Отрицали антисемитизм в хулиганских поступках поэтов критик В. Львов-Рогачевский, писатель А. Эфрос, книгоиздатель А. Сахаров, поэт М. Герасимов. Андрей Соболев заявил:

— Я — еврей. Скажу искренно: я еврей-националист. Антисемита я чувствую за три версты. Есенин, с которым я дружу и близок, для меня родной брат. В душе Есенина нет чувства вражды и ненависти ни к одному народу.

Рюрик Ивнев предложил вынести осуждение Сосновскому и Бедному за раздутую провокацию. В защитительной речи В. П.

Покровский призвал судить провинившихся поэтов за хулиганство, пьянство, дебоширство, но не за антисемитизм.

Товарищеский суд заседал до трех часов ночи. Оглашение приговора перенесли на 13 декабря. Было принято решение о вынесении четырем поэтам «общественного порицания», при этом указывалось, что «тов. Сосновский изложил инцидент с четырьмя поэтами на основании недостаточных данных и не имел права использовать этот случай для нападок на некоторые из существующих литературных групп. Суд считает, что инцидент с четырьмя поэтами ликвидируется настоящим постановлением товарищеского суда и не должен служить в дальнейшем поводом или аргументом для сведения литературных счетов и что поэты Есенин, Клычков, Орешин и Ганин, ставшие в советские ряды в тяжелый период революции, должны иметь полную возможность по-прежнему продолжать свою литературную работу».

Галина Бениславская внимательно следила за ходом судебного заседания. На следующий день после суда она получила от Сергея Покровского письмо, описавшего с пристрастием судебный процесс, при этом не скрывая своего недружелюбного отношения к поэтам, в том числе и к Есенину:

«А суд вчерашний — такая нелепость, глупая комедия — смешны и судьи, и подсудимые. Смешон в своей глупой царственности Демьян, смешон в роли мелкого адвоката Сосновский. Смешон Есенин в роли развязного «конферансье» с захудалой эстрады, Орешин с деланным надрывом и Клычков с ученическим пониманием — смешны и жалки. Жалки тем, что их заставили хоть немного вывернуть их души. Лишь Ганин меня тронул своей деревенской простотой, тихий какой-то. Из всех остальных поэтов он ценней как личность, как человек. А я все-таки не думал, что ты забудешь меня в дразнях суда... Когда же спадет с тебя есенинская гниль?».

После суда организованная травля поэтов продолжалась. В опубликованных по заказам некоторых редакций газет статьях и заметках высказывалось недовольство мягким решением товарищеского суда, поэтам продолжали предъявлять обвинения в антисемитизме, мистицизме и идеализме. С. Есенин готовил для опровержения статью «Россияне». В ней он писал о Л. С. Сосновском: «Маленький картофельный журналистик, пользуясь поблажками милостивых вождей пролетариата и имеющий столь близкое отношение к литературе, как звезда небесная к подошве его сапога, трубит почти около семи лет все об одном и том же, что русская современная литература контрреволюционна и что личности попутчиков подлежат весьма большому сомнению».

В своей последней книжке А. Ганин попытался также

ответить на эти нападки. «Многие при встрече называют меня «Мистик», — писал он. — Это неверно. Это желание от серьезных вещей отделаться недомыслием. Я родился в стране, где пашут еще косулями и боронят суковатками, но где задолго до Эйнштейна вся теория относительности высказана в коротком «Авось». Это не шутка. Потому, если люди все еще не умеют уважать одиноких и от каждого требуют стадной клички, я был бы более прав, если бы рекомендовал себя: «А. Ганин — романтик начала XX века».

Выселение Есенина

Галина Бениславская в эти тревожные для нее дни жаловалась подругам на ухудшение своего здоровья. Возможно, что это были последствия душевных переживаний и волнений за любимого, так как она хорошо знала не только положительные качества Есенина, но и его недостатки. Сергей Покровский в дни судебного разбирательства дела 4 поэтов пытается всячески поддержать ее, хотя Аня Назарова и Яна Козловская уговаривали его забыть Галину. 11 декабря 1923 г. С. Покровский писал Г. Бениславской: «Аня совсем неприличная, ругается как торговка пирожками и ведет себя совсем не как артистка, хотя бы и играющая прачек. Говорит, что я сволочь, что у меня гнусная морда, что ей хочется запустить в меня кружкой, что ты — жена Есенина...». В одном из писем Покровский поведал Галине приснившийся ему страшный сон: «Что ты больна, что ты застрелилась, и жутко, жутко становится».

В эти дни неожиданно состоялась встреча Галины с Надеждой Вольпин, которая привела подвыпившего Есенина в коммунальную квартиру. Да, привела к сопернице, так как понимала, что у себя удержать Сергея не сможет, а с Бениславской, возможно, ему будет лучше.

Вольпин встретила с Есениным в «Стойле Пегаса». Он был уже навеселе, вокруг него крутилась поклонница преклонного возраста, тоже подвыпившая, которую вскоре забрали ее друзья. Надя попыталась увести Есенина, но тот вдруг вспомнил, что должен прихватить из кафе ужин для заболевшей Гали, которая весь день ничего не ела...

«Новая задержка, — пишет Н. Вольпин. — Проходит чуть ли не полчаса, пока нам выносят пакет со снедью. Мы выходим вдвоем из опустелого зала. Сергей, шатаясь, сует мне пакет.

Я не беру. Пусть сам и несет, раз пообещал. Сильный мороз, а я потеряла одну перчатку. Или во мне заговорила некрасивая злоба на Бениславскую? На улице Сергей, показалось мне, сразу протрезвел. Я не соображаю дороги — куда... на Брюсовский? Увы, я ошиблась, на воздухе его и вовсе развезло. Он дважды падал, силенок моих не хватало, чтобы удержать, — удавалось разве что немного ослабить удар при падении. По второму разу Сергей, едва сделав несколько шагов, рванул назад: исчез пакет! Ищем — нигде не видать... Верно, оборонил раньше... Мне стало стыдно. Но что уж теперь!.. Да мы почти у дома.

Больная сама поспешила открыть на звонок. Это тем более странно, что дом полон ее подруг. Смотрит на меня. Удивленное:

— Вы?

Не ждала, наивная ревнивица, что я приведу Есенина к ней, не к себе!..

А тот, запинаясь, винится, что не донес ее ужин. Галя с откровенным огорчением всплеснула руками.

Меня Сергей не отпускает — куда ты, надо же хоть обогреться.

И вот он возлежит халифом среди сонма одалисок. А я тихо злюсь: да разве не могли они сварить хоть кашу, хоть картошку своей голодной повелительнице? Или партийное самолюбие запрещает комсомолке кухонную возню? Дубины стоеросовые!

Различаю среди «стоеросовых» стройную Соню Виноградскую и еще одну девушку, красивую, кареглазую, кажется Аню Назарову.

Идет глупейшая игра, еще более пошлая, чем та, давешняя, с пожилой дивой в обжорном ночном притоне. «А он не бешеный?» — «Пощупаем нос. Если холодный, значит, здоров!» И девицы наперебой спешат пощупать — каждая — есенинский нос. «Здоров!» «Нет, болен, болен!» «Пусть полежит!».

Есенин отбивается от наседающих «ценительниц поэзии».

— Нет, ты, ты пощупай! — повернулся он вдруг ко мне и сам тянет мою руку к своему носу.

Прекращая глупую забаву, я тихо погладила его по голове, под злобным взглядом Галины коснулась губами век... и заспешила на волю: мне еще ползти на Волхонку в свою промерзшую конуру, печку топить, а завтра вставать чуть свет.

Сергей пытается меня удержать.

— Мы же не поговорили... о главном.

— Успеем. Я не завтра уезжаю.

Вскоре Надежда Вольпин уехала в Ленинград, там у нее родился сын Александр.

В некоторых случаях С. Есенин в пьяном состоянии вел себя некорректно по отношению к Бениславской. Аня Назарова была свидетельницей случая, который описала в своих «Воспоминаниях»:

«Я, Галя и Есенин возвращаемся из «Стойла». Есенин пьяный — громко разговаривает. Свертываем в Чернышевский (переулок) и тут же слышим окрик милиционера — «граждане, остановитесь!». Подходит милиционер и обращается к Есенину: «Это ваши дамы?» Есенин вдруг поспешно отвечает: «Нет, не мои». Галя спрашивает милиционера, в чем дело, тот не отвечает ей, допытывается у Есенина, кто же мы такие и куда он идет. Я говорю: «Товарищ, очевидно, вас смущаем мы?» — «Да, кто вы такие». Есенин отвечает, что одна жена, другая ее подруга, живем

в Брюсовском переулке. Идем домой и т. д. Милиционер недоверчиво смотрит и укоризненно говорит Есенину: «Я же о вас забочусь, а вы что-то путаете, то не мои дамы, то жена и знакомая». Мы называем себя, собираемся показать удостоверения личности, говорим, где служим, даем свой адрес, и только тогда все еще недоверчивый милиционер, наконец, отходит от нас.

— В чем дело? Почему вы отказались от нас? — спрашиваем мы Есенина.

— Ах, я не так понял. Я думал, что за мной, понимаете, следят. Хотели взять. Я за вас испугался. Зачем вас? Я и сказал, что не мои дамы, я хотел как лучше. Я же знаю, за мной следят. Давно, ну, и вы ни при чем.

Такая болезнь преследования была у Есенина в тот период очень сильна. Ему все время казалось, что за ним кто-то следит, кто-то куда-то хочет его «взять».

Общественный суд над четырьмя поэтами, газетная шумиха в связи с этим, а также непредсказуемое поведение Есенина с друзьями в коммунальной квартире вызвали недовольство и раздражение у М. С. Грандова. Он пытался призвать Есенина к порядку, но разговоры и просьбы на него не действовали. Как-то поэт пришел пьяным, поднял всех на ноги. М. Грандов не стал его утихомиривать, а просто запер в туалетную комнату, приказав девушкам не выпускать его некоторое время. Протрезвевший утром поэт, покидая квартиру, оставил на столе записку: «Грандов, милый! Прости. Сергей Есенин».

После очередного нарушения общественного порядка Грандов сказал Бениславской:

— Галина Артуровна, прошу вас сделать все возможное, чтобы Есенина в нашей квартире не было... Надоело... Его присутствие нарушает покой квартиры.

— Михаил Семенович, — возражала Галина, — я, даже если бы и хотела, не в силах этого сделать, так как Сергею Александровичу буквально негде жить, и не могу ж я больного человека, да еще в таком состоянии, под забором оставить.

Грандов был неумолим, в его голосе слышались угрожающие нотки:

— Ну вот что: я вас предупреждаю, что если Есенин будет у вас и дальше, то я подаю заявление в ЦК, чтобы его выслали за пределы РСФСР как вредный элемент. Я его таковым считаю, и если подам такое заявление, то его вышлют.

Галина от возмущения хотела наругать Грандову, но понимала, что причиной плохого отношения к Есенину было нескрываемое Грандовым чувство ревности. Он не мог спокойно

переносить дружеское отношение своей жены Кононенко к Есенину, часто говоривших наедине о стихах, о поэзии. Но ему не хотелось, чтобы личные отношения всплыли при разборе его заявления. Когда ему об этом намекнула Бениславская, он пришел в ярость, настаивая на своем решении.

Не поддержали М. С. Грандова Яна Козловская и Соня Виноградская, когда он предложил им подписать заявление коменданту о выселении Есенина. Обстановка накалялась. Неизвестно, чем бы закончилось дело, но у Есенина начался длительный период лечения в санатории и больницах. Галина сообщила Грандову о выписке поэта. Тем не менее за ее строптивость тот пригрозил уволить Бениславскую из редакции газеты «Беднота», но вмешалась Яна Козловская, переговорила с ним и уладила конфликт.

Больничный период

С 13 декабря 1923 г. по двадцатые числа марта 1924 г. в биографии С. Есенина отмечается как «больничный период». За это время поэт прошел лечение и медицинское освидетельствование в четырех клиниках. Г. Бениславская регулярно его навещает, беседует с врачами, контролирует расписание посещения поэта Екатериной Есениной, Аней Назаровой, Яной Козловской и другими в те дни, когда из-за дежурства в редакции сама не могла побывать в больнице.

Первой лечебницей, в которой оказался С. Есенин, была клиника санаторного типа для нервных больных на Большой Полянке, 52. Попал он туда неслучайно. Приступы депрессии, нервные срывы у него участились. В октябре 1923 г. поэт Вс. Рождественский был свидетелем, когда Есенин без объяснения причин рыдал в петроградском театре Гайдебурова. Прошедший судебный процесс над 4-мя поэтами также отразился на состоянии здоровья поэта.

Есенина поместили в большую, светлую палату, с двумя окнами в одной стене и двумя в другой. Посещавшие поэта друзья отмечали, что на вид он был совершенно здоров. «Впервые Есенина в санатории на Большой Полянке, — вспоминал Ф. Гущин, — я увидел в прекрасно отутюженном сером костюме. Это был статный блондин со светло-голубыми глазами. Больше всего в нем подкупали его необычайная скромность и простота и умение сказать ласковое и доброе слово любому больному. В обстановке такого санатория трудно было поверить, чтобы Есенин мог когда-либо терять спокойствие, нарушать общественный порядок».

И только после общения с поэтом обнаруживались отклонения в его поведении.

«Во время разговора мы сидели у окна, — вспоминал Р. Ивнев. — Вдруг Есенин перебил меня на полуслове и, перейдя на шепот, как-то странно оглядываясь по сторонам, сказал:

— Перейдем отсюда скорей. Здесь опасно, понимаешь? Мы здесь слишком на виду, у окна...

Я удивленно посмотрел на Есенина, ничего не понимая. Он, не замечая моего изумленного взгляда, отвел меня в другой угол комнаты, подальше от окна.

— Ну вот, — сказал он, сразу повеселев, — здесь мы в полной безопасности.

— Но какая же может быть опасность? — спросил я.

— О, ты еще всего не знаешь. У меня столько врагов. Увидели

бы в окно и запустили бы камнем. Ну и в тебя могли бы попасть. А я не хочу, чтобы ты из-за меня пострадал.

Теперь я уже понял, что у него что-то вроде мании преследования».

В палате С. Есенин работает над своими произведениями. Когда его навестили сотрудник издательства А. Богомильский и работница типографии К. Колчина, он прочитал им только что написанное стихотворение «Вечер черные брови насопил...».

Поэт с Бениславской обсуждал в палате издание книги «Москва кабацкая». 19 декабря С. Есенин писал В. Вольпину: «Будьте добры выписать деньги на имя Галины Бениславской. Договор подпишу, как выйду из санатория». (Договор не был подписан. Издание книги не состоялось).

Завязывались дружеские отношения Есенина с другими лечившимися в санатории. Любил с ними играть в шашки и шахматы. Играли обычно после ужина и заканчивали лишь после того, как дежурная медсестра гасила свет в палатах.

С. Есенин для больных и медперсонала санатория читал стихи. «Все очень хотели послушать стихи Есенина, — вспоминал Ф. Гущин. — Поэта не пришлось долго упрашивать, ему и самому чтение стихов доставляло большое эстетическое удовольствие. В один из последних дней декабря 1923 года, когда на дворе бушевала метель, собрались мы в теплом и уютном зале лечебницы, и Есенин начал читать свои лирические произведения. Неожиданно погас свет, но голос чтеца продолжал звучать, и наши взоры оставались прикованными к тому месту, где продолжал стоять поэт. Вот одна из медсестер задорно крикнула: «Москву кабацкую!» Есенин прочел и ее. Аудитория, очарованная замечательным мастерством чтеца, громом аплодисментов сопровождала каждое стихотворение».

Подружился С. Есенин с пионерами, которые, навещая больных, устраивали детские концерты. Он поддерживал начинающих юных поэтов, на их тетрадках ставил свою подпись «Сергей Есенин». Особенно Есенину понравилась пионерка Марина Ивановская. Ей он 19 января 1924 г. написал стихотворение «Как должна рекомендоваться Марина...».

Время лечения С. Есенина совпало с возбуждением против него нескольких уголовных дел.

20 января 1924 г. он ушел из лечебницы, встретился с Аксельродом, Сахаровым и Ганиным в кафе «Домино». Не удержался от выпивки, затем в нетрезвом состоянии его доставили в отделение милиции. «Помню историю с уходом (деликатно выражаясь) Есенина из санатория, — вспоминала А. Назарова. — Аксельрод и Сахаров пришли навестить Есенина и

уговорили его с ними прогуляться. У Есенина не было шубы. Аксельрод привез бекешу чью-то, одели Есенина и, не сказав ничего врачам, увезли его прямо в кабак. Есенин напился, поскандалил, и на следующий день с трудом удалось отвезти его снова в санаторий».

В протоколе № 156 от 20 января 1924 г. участковый надзиратель 46-го отделения милиции Мальцев записал: «Сего числа в отделение явился милиционер поста № 231 т. Громов, который, доставив с собой неизвестного гр-на в нетрезвом виде, заявил: Ко мне на пост пришел служащий из кафе «Домино» и попросил взять гражданина, который произвел драку. Когда я пришел туда и попросил выйти его из кафе и следовать в отделение, на что он стал сопротивляться, но при помощи дворников его взяли и силой доставили в отделение. Дорогой он кричал «бей жидов», «жиды предали Россию» и т. д. Прошу привлечь гражданина к ответственности по ст.176 за погромный призыв».

Сам Есенин написал в объяснении: «Виновным себя ни в чем не признаю. Я вышел из санатория, встретился с приятелями, задержался и опоздал в санаторий, решил пойти в кафе, где немного выпил и с тех пор ничего не помню, что я делал и где был...».

В начале февраля Сергей Есенин выписался из лечебницы на Большой Полянке.

Его пребывание вне больничных стен было непродолжительным. За это время он успел в один из субботних вечеров прочитать на квартире Д. Богомильского в присутствии А. Воронского, Б. Пильняка, К. Анищенко, М. Крачевского, С. Цитович, А. Сахарова и членов семьи Богомильского один из вариантов поэмы «Страна негодяев». Искал новые возможности издания «Москвы кабацкой». Подготовил для издательства «Круг» рукопись книги «Стихи (1920-24)». Читал А. Воронскому и Д. Богомильскому законченный «Отрывок из поэмы», вошедший позднее в поэму «Ленин». 7 февраля выдал доверенность на организацию авторского вечера в Рязани.

9 февраля 1924 г. он вновь оказался в отделении милиции после скандала в кафе «Стойло Пегаса». Возникло очередное уголовное дело. 27-летний Семен Майзель услышал в кафе, как С. Есенин в нетрезвом состоянии говорил окружающим: «По делу моему на жидов мне наплевать и никого я не боюсь». «На мое возражение, — писал в заявлении С. Майзель, — что на него никто плевать не хочет, гр-н Есенин набросился на меня, но был удержан публикой и администрацией, нанеся при этом ряд оскорблений нецензурными словами. Прошу гр-на Есенина

привлечь к законной ответственности».

Есенин с предъявленными обвинениями не соглашался. «В кафе «Стоило Пегаса» никакого скандала я не делал, — писал он в объяснении, — хотя был немного выпивши. Сего числа, около 2 часов ночи, я встал от столика и хотел пойти в другую комнату, в это время ко мне подошел какой-то неизвестный мне гражданин и сказал мне, что я известный скандалист Есенин, и спросил меня: против ли жидов или нет — на что я выругался, послав его по матушке, и назвал его провокатором. В это время пришли милиционеры и забрали меня в 46-е отделение милиции. Ругали я милиционеров взяточниками и проч., я не помню».

13 февраля Сергея Есенина ждала к себе в гости сотрудница Госиздата Анна Берзинь, отмечавшая свой день рождения. На торжества поэт не пришел, так как поздно вечером оказался в Шереметьевской больнице. Привезли его туда из квартиры Галины Бениславской в 23 часа 30 минут. О причинах есть разные свидетельства, но в основном они связаны со случайным глубоким порезом руки.

В регистрационном журнале записано по-латыни: «Рваная рана левого предплечья». «Об истории с рукой, — писала С. Виноградская, — теперь распространяются всевозможные слухи. В действительности дело обстояло так. Вместе с Мариенгофом он ехал пьяный на извозчике по Брюсовскому пер. к себе домой. Дорогой у него слетела с головы шляпа. Он соскочил за ней с извозчика, спяну ударился в окно какой-то сапожной мастерской, сильно порезав руку. Мариенгоф довез его до квартиры, где ему промыли руку и отвезли его в Шереметьевскую больницу. Рука оказалась сильно покалеченной, в умывальнике после промывания ее плавали куски кожи и мяса, и в больнице руку оперировали...».

Сергея Есенина в больнице часто навещала Галина Бениславская. «Вообще в Шереметьевской больнице было исключительно хорошо, несмотря на сравнительную убогость обстановки, — писала она в «Воспоминаниях». — Там была самая разнообразная публика, начиная с беспризорника, потерявшего ногу под трамваем, кончая гермафродитом, ожидавшим операции. Сергей Александрович, как всегда в трезвом состоянии, всеми интересовался, был спокойным, прояснившимся, как небо после слякотной сырой погоды. Иногда появлялись на горизонте тучи, после посещения Сергея Александровича его собутыльниками, кажется, умудрившимися приносить вино даже в больницу. Тогда он становился опять взбудораженным, говорил злым низким голосом, требовал, чтобы его скорей выписывали».

Поэта в больнице навещали не только друзья и родные. Его

стали тревожить милиционеры, настаивая на доставке в суд.

«Есенин лежал в палате очень встревоженный, напуганный, — вспоминала А. Берзинь. — Мы говорили, что опасности никакой нет, что поправится он быстро.

Тогда он зашептал:

— Вы видели в коридоре милиционера около двери?

— Не, не видели.

— Он там стоит и ждет, чтобы арестовать меня!

— За что?

Он начал рассказывать что-то бессвязное о том, что он упал и рукой нечаянно разбил окно, порезался, явился милиционер и хотел арестовать его, и опять о том, что разбил окно. Мы, как могли, успокоили его, пообещав, что его никто не тронет. Он настороженно, с неестественным холодным блеском в глазах, слушал нас. Мне казалось, что у него какое-то потрясение, а Вардин решил, что он с перепоя.

Мы вышли из палаты и зашли в контору. Дежурный врач, к нашему удивлению, подтвердил, что милиционер действительно находился некоторое время в больнице, чтобы забрать Сергея Александровича, где-то наскандалившего; врачебная администрация упросила его удалиться, так как это нервировало больных. Однако отделение милиции обязало администрацию известить, когда Сергей Александрович будет выписываться. По правде сказать, и я, и Вардин растерялись, но тут же решили, что будем добиваться, чтобы Сергея Александровича возможно скорее перевели в Кремлевскую больницу, которая тогда еще находилась в самом Кремле».

25 февраля 1924 г. 26-е московское отделение милиции предупредило лечащего врача Герштейна, что поэт подлежит заключению под стражу, поэтому врач должен сообщить немедленно в милицию о дне выхода Есенина из больницы. «Вообще отношение Герштейна к Сергею Александровичу было изумительным, — писала Г. Бениславская. — Через неделю после пореза руки, когда было ясно, что опасности никакой нет, я обратилась к Герштейну с просьбой, запугав Сергея Александровича возможностью заражения крови, продержать его возможно дольше. И Герштейну удалось выдержать Сергея Александровича в больнице еще две недели».

Профессор Герштейн понимал состояние Есенина. Не выдержал и выдал Бениславской служебную тайну, предупредив ее о стремлении милиции арестовать Есенина. Были предприняты попытки найти выход из сложившейся ситуации, так как врач не имел права скрыть дату выписки поэта. Решение было найдено. При поддержке врачей и друзей С. Есенина переместили в

Кремлевскую больницу, сообщив об этом в отделение милиции.

«Когда я пошла к (главному врачу) Апросову, — писала А. Берзинь, — Сергей Александрович был уже в Кремлевке, его перевезли в карете скорой помощи, и он уже был освидетельствован несколькими врачами.

Меня удивило это.

— Разве у него так плохо с рукой?

Апросов улыбнулся:

— Нет, не с рукой, а с головой. Мы хотим его поместить в очень хорошую больницу для нервнобольных...

Он мне тут же дал адрес и сказал, что сегодня лучше Сергея Александровича не видеть, а через день-два я могу навестить его в этой больнице.

Действительно, это лечебное заведение было хорошо устроено и нисколько не напоминало больницу. Все пациенты ходили в своих домашних, привычных костюмах, посетителей принимали внизу, в небольшой уютной гостиной.

Помню, что Сергей Александрович спустился ко мне по деревянной красивой лестнице, вымытый, чистый, совершенно спокойный, от тревоги не осталось и следа».

В Кремлевской больнице Есенина продолжали навещать Г. Бениславская, сестра, друзья и знакомые.

Соня Виноградская и Яна Козловская выслушали рассказ Есенина о встрече с беспризорником в Шереметьевской больнице, а затем он прочитал девушкам стихотворение «Годы молодые с забубенной славой...».

«Он не читал его, — вспоминала С. Виноградская, — он хрипел, рвался изо всех сил с больничной койки, к которой он был словно пригвожден, и бил жесткую кровать забинтованной рукой. Перед нами был не поэт, читающий стихи, а человек, который рассказывал жуткую правду своей жизни, который кричал о своих муках.

Ошеломленные, подавленные, мы слушали его хрип, скрежет зубов, неистовые удары рукой по кровати и боялись взглянуть в эти некогда синие, теперь поблекшие и промокшие глаза. Он кончил, в изнеможении опустился на подушки, провел рукой по лицу, по волосам и сказал: «Это стихотворение маленькое, нестоящее оно».

Мы высказали свое мнение.

— Значит, оно неплохое? — спросил он.

Такие вопросы он задавал по поводу самых прекрасных его стихотворений. И спрашивал он искренне. Он действительно не знал, хорошо или плохо то, что он написал. И не раз ему открывали глаза на какое-нибудь его стихотворение.

Больше того, он не понимал, не чувствовал, до чего хорошо то, что он пишет. Лишь после того, как Качалов прочитал ему его стихи, он сказал: «А я и не знал, что у меня т а к и е хорошие стихи».

20 марта 1924 года Сергей Есенин прошел медицинское обследование в психоневрологической клинике 1-го Московского университета профессора Ганнушкина. Для подстраховки своего диагноза врачи Кремлевской больницы решили проконсультировать пациента у известного психиатра. Первоначальный диагноз в регистрационной карточке Есенина был определен как алкоголизм.

Подлечившийся Есенин, увидев воочию режим психоневрологической клиники, отказался в ней остаться для дальнейшего лечения. Ему удалось получить на руки справку: «С. А. Есенин 28 л. Страдает тяжелым нервно-психическим заболеванием (...), выражающимся в тяжелых приступах расстройства настроения и навязчивых мыслях и влечений. Означенное заболевание делает гр. Есенина не отдающим себе отчета в совершаемых им поступках. Проф. Ганнушкин».

Попытка достучаться

После обследования в клинике Ганнушкина С. Есенин временно поселяется на квартире И. В. Вардина.

Илларион Виссарионович Вардин был автором книг «Краткая история партии коммунистов, «Большевизм после Октября», «Пресса большевизма». С. Есенин познакомился с ним в конце зимы 1924 года. Ил. Вардин со своей кавказской прямоотой пытался вырвать Есенина из-под влияния недостойного, по его мнению, окружения. Дверь его квартиры была открыта для молодых литераторов, примыкавших к журналу «На посту», где Вардин занимал руководящий пост. Между Ил. Вардиным и С. Есениным установились дружеские отношения. Поэт шутливо называл его «отцом», часто брал у него займы деньги. Г. Бениславская была рада, что Есенина приютил именно Вардин. Хотя она считала, что это человек не очень большого кругозора, но в современной политике разбирался хорошо. Беседы с хозяином квартиры помогли Есенину разобраться в сложной политической обстановке после смерти В. И. Ленина, понять причины идеологических разногласий в верхних эшелонах власти. Это позволило поэту посмотреть на мир другими глазами, отбросив свою личную обиду. Тем не менее, дружеские чувства С. Есенина не влияли на его критическую оценку политических и идеологических взглядов Ил. Вардина.

Галина Бениславская с Катей навещали поэта, веселились вечерами. 4 апреля 1924 года Сергей Есенин приглашает на вечеринку А. Берзинь. Поэт Иван Приблудный дополнил есенинскую записку: «Хорошая Анна Абрамовна! Когда освободитесь — приходите к Вардину. Сергея мы сегодня никуда не пускаем. Вечером будут Галя, Катя, Рита и другие. Будем петь, а Вы будете смеяться над заявлением Сергея о выезде за пределы СССР. Приходите и проч.».

Шумные вечеринки не мешали Есенину осуществлять свои творческие планы. Ему удалось договориться о выступлении на авторском вечере в Ленинграде. Стал готовить доклад «О мерзости и прочем в литературе. Вызов не попутчикам». Встречался с поэтом Александром Ширяевцем, который 4 апреля писал своему другу Поршакову в Ташкент: «Дня три тому назад на Арбате столкнулся с Есениным. Пошли, конечно, в пивную, слушали гармонистов и отдавались лирическим излияниям. Жизнерадостен, как всегда, хочет на лето ехать в деревню, написал много новых вещей...»

Есенин заключил договор на издание Госиздатом поэмы

«Пугачев», завершал работу над стихотворением «Письмо матери». Но одновременно у него опять случались неприятные срывы. 6 апреля подвыпивший Есенин ворвался в артистическую уборную артистки Малого театра Щербиновской, обещавшей дать ему контрамарку на спектакль, стал вызывающе вести себя, пытаясь во время спектакля пробраться на сцену. Был задержан и доставлен в отделение милиции, где после составления протокола дал подписку о невыезде из Москвы.

Встречи Бениславской с Есениным в это время были редкими. Галина была занята на работе, кроме того, ей самой из-за ухудшающегося здоровья приходилось часто консультироваться у врачей. Приходила вечерами в «Стойло Пегаса», но Есенина не всегда там заставляла. Все попытки поговорить с ним по душам не удавались. Есенин избегал встреч. Узнав об очередном скандале и приводе в милицию С. Есенина, решила высказать все наболевшее у нее на душе письменно. Хотела откровенно выразить свою обеспокоенность за судьбу любимого человека, который, по ее мнению, подошел к краю пропасти. Ее настораживала обострившаяся отчужденность в их отношениях за последнее время. Письмо во всей полноте раскрывает душевную тревогу Бениславской за Есенина и за себя.

«Сергей Александрович, милый, хороший, родной, — писала она. — Прочтите все это внимательно и задумчиво, постарайтесь, чтобы все, что я пишу, не осталось для Вас словами, фразами, а дошло до Вас по-настоящему.

Вы ведь теперь глухим стали, никого по-настоящему не видите, не чувствуете. Не доходит до Вас. Поэтому говорить с Вами очень трудно (говорить, а не разговаривать). Вы все слушаете неслышащими ушами; слушаете, а я вижу, чувствую, что Вам хочется скорее кончить разговор. Знаете, похоже, что Вы отделены от мира стеклом. Вы за стеклом. Поэтому Вам кажется, что Вы все видите, во всем разбираетесь, а на самом деле Вы не с нами. Вы совершенно один, сам с собою, по ту сторону стекла. Ведь мало видеть, надо как-то воспринимать организмом мир, а у Вас на самом деле невидящие глаза. Вы по-настоящему не ориентируетесь ни среди людей, ни в событиях. Для Вас ничего не существует, кроме Вашего самосознания, Вашего мироощущения. Вы до жуткого одиноки, несмотря даже на то, что Вы говорите: «Да, Галя друг», «Да, такой-то изумительно ко мне относится». Ведь этого мало, чтобы мы чувствовали Вас, надо, чтобы Вы нас почувствовали, как-то, хоть немного, но почувствовали. Вы сейчас какой-то «не настоящий». Вы все время отсутствуете. И не думайте, что это так должно быть. Вы весь ушли в себя, все время переворачиваете свою душу, свои

переживания, ощущения. Других людей Вы видите постольку, поскольку находите в них отзвук вот этому копанию в себе. Посмотрите, каким Вы стали нетерпимым ко всему несовпадающему с Вашими взглядами, понятиями. У Вас это не простая раздражительность, это именно нетерпимость. Вы разучились вникать в мысли, Вашим мыслям не созвучные. Поэтому Вы каждого непонимающего или несогласного с Вами считаете глупым. Ведь раньше Вы тоже не раз спорили, и очень горячо, но умели стать на точку зрения противника, понять, почему другой человек думает так, а не по-вашему. У Вас это болезненное — это безусловно связано с Вашим общим состоянием. Что-то сейчас в Вас атрофировалось, и Вы оторвались от живого мира. Для Вас не существует, как улицы, по которым Вам надо идти, есть грязные, есть чистые, красивые, но это все так, на дороге, а не само по себе. Вы машинально проходите, разозлитесь, если попадете в грязь, а если нет — то даже не заметите, как шли. Вы по жизни идете рассеянно, никого и ничего не видя. С этим Вы не выберетесь из того состояния, в котором Вы сейчас. И если хотите выбраться, поработайте немного над собой. Вы говорите: «Это не мое дело!» Это Ваше, потому что за Вас этого никто не может сделать, именно не может.

У Вас всякое ощущение людей притупилось, сосредоточьтесь на этом. Выгоните из себя этого беса. А Вы можете это. Ведь заметили же Вы, что Дуров не кормил одного тюленя, дошло. А людей не хотите видеть».

Галина задумалась, припоминая другие примеры внимательного отношения Есенина, но на ум ничего не приходило. Хотя, почему не обратить внимание лично на себя... И она продолжала писать: «Пример — я сама. Вы ко мне хорошо относитесь, мне верите. Но хоть одним глазом Вы попробовали взглянуть на меня?

А я сейчас на краю. Еще немного, и я не выдержу этой борьбы с Вами и за Вас.

Вы сами знаете, что Вам нельзя. Я это знаю не меньше Вас. Я на стену лезу, чтобы помочь Вам выбраться, а Вы? Захотелось пойти, встряхнуться, ну и наплевать на все, на всех. «Мне этого хочется...» (это не в упрек, просто я хочу, чтобы Вы поняли положение).

А о том, что Вы в один день разрушите добытое борьбой, что от этого руки опускаются, что этим Вы заставляете опять сначала делать, обо всем этом Вы ни на минуту не задумываетесь. Я совершенно прямо говорю, что такую преданность, как во мне, именно бескорыстную преданность, Вы навряд ли найдете. Зачем же Вы швыряетесь этим? Зачем не хотите сохранить меня? Я

оказалась очень крепкой, на моем месте Катя и Рита давно свалились бы. Но все же я держусь 7-мь месяцев, продержусь еще 1–2 месяца, а дальше просто «сдохну». А я еще могла бы пригодиться Вам, именно как друг.

Катя, она для Вас может горло перегрызть Вашему врагу, и все же я Вам, быть может, нужнее, чем даже она. Она себя ради Вас может забыть на минуту, а я о себе думаю, лишь чтобы не свалиться, чтобы не дойти до «точки». А сейчас я уже почти дошла. Хожу через силу. Не плюйтесь же в колодец, еще пригодится.

Покуда Вы не будете разрушать то, что с таким трудом удаётся налаживать, я выдержу».

Галина вновь задумалась. Не слишком ли резки ее слова, не обидится ли на нее за это Есенин. Но изменять текст не стала, оставила все без изменения.

«Я нарочно это пишу и пишу, отбрасывая всякую скромность, о своем отношении к Вам, — пыталась втолковать своему заочному собеседнику Бениславская. — Поймите, постарайтесь понять и помогите мне, а не толкайте меня на худшее. Только это вовсе не значит просто уйти от меня, от этого мне лучше не будет, только хуже. Это значит, что Вы должны попробовать считаться с нами, и не только формально («это неудобно»), а по-настоящему, т. е. считаться не с правилами приличия, вежливости, а с душой других людей, тех, кем Вы по крайней мере дорожите.

Вы вовсе не такой слабый, каким Вы себя делаете. Не прячьтесь за безнадежность положения. Это ерунда! Не ленитесь и поработайте немного над собой, иначе потом это будет труднее.

Меня сейчас опять на эфир потянуло, всякие нехорошие мысли бродят; ну, а другие тоже могут не выдержать. Одному Вам налаживать себя труднее будет.

Используйте же то, что есть у Вас, а не губите».

Письмо взволновало Есенина. Приехав в Ленинград, он 15 апреля написал ответ:

«Галя милая! Простите, что пишу на такой бумаге. Нет лучше.

Я очень и очень извиняюсь, что уехал, не простясь с Вами. Уехал же я потому, что боялся — как бы Петербург не остался для меня дальше Крыма.

Галя, милая! Я очень люблю Вас и очень дорожу Вами. Дорожу Вами очень, поэтому не поймите отъезд мой как что-нибудь направленное в сторону друзей от безразличия. Галя милая! Повторяю Вам, что Вы очень и очень мне дороги. Да и сами Вы знаете, что без Вашего участия в моей судьбе было бы очень много плачевного. Сейчас я решил остаться жить в Питере.

Никакой Крым и знать не желаю.

Дорогая, уговорите Вардина и Берзину так, чтоб они не думали, что я отнесся к их вниманию по-расплюевски. Все мне было очень и очень приятно в их заботах обо мне, но я совершенно не нуждаюсь ни в каком лечении.

Если у Вас будет время, то приезжайте и привезите мне большой чемодан или пошлите с ним Приблудного или Риту.

Привет Вам и любовь моя! Правда, это гораздо лучше и больше, чем чувствую к женщинам. Вы мне в жизни без этого настолько близки, что и выразить нельзя.

Жду от Вас письма, приезда и всего прочего.

Деньги из Госиздата спрячьте под спуд. Любящий Вас Сергей Есенин.

Вечер прошел изумительно. Меня чуть не разорвали».

26 апреля С. Есенин отправляет записку: «Милая Галя! Пришлите с Шмерельсоном пальто, немного белья и один костюм двубортный».

Для Бениславской опять засветилась надежда. 28 апреля она ответила Есенину: «Милый Сергей Александрович. До чего я обрадовалась, когда сегодня мне позвонил Шнеерзон (кажется, так его фамилия), сказал, что Вы здоровы, почти не пьете, что через три дня выходит «Москва кабацкая». Если бы Вы знали, до чего трудно без вестей от Вас и о Вас — Вы каждый день писали бы. (...) А Вы, Сергей Александрович, напишите подробно обо всем: о себе, о планах на будущее. Ладно? Ну, целую крепко, крепко, как люблю. Галя».

Больших писем Есенин писать не стал. В начале мая ответил: «Милая Галя! Тысячу приветов! Простите, что не писал. Погода была скверная, настроение от безденежья — тоже. На днях получу. Главным образом грустен потому, что дьявольски потолстел. Костюм не сходится. Белье приходится перепарывать. Черт знает что такое! Утром не могу без пота натянуть ботинки...».

Галине читать такие письма было одно удовольствие. Она вновь почувствовала, что нужна Есенину. Пусть это касается только его творчества, пусть это будут описание обычных бытовых подробностей, но они были очень дороги ей. Но как долго будет это продолжаться? Вопрос для нее был далеко не праздный.

Ревнивец Александр Сахаров

Сложные отношения сложились у Бениславской с Александром Сахаровым.

Есенин рассказывал Галине, как он познакомился в Москве в 1919 году с молодым издательским работником Сахаровым. Близкие дружеские отношения сложились после совместной поездки в марте-апреле 1920 г. в Харьков. Своего хорошего отношения к Александру С. Есенин не скрывал. Говорил поэту В. Эрлиху:

— Люблю я Сашку! И он меня любит! Знаешь как? А вот! Любит он жену и детей? Любит! Больше жены и детей любит он только одну вещь: граммофон. А меня — больше граммофона. Ты не смейся, как лошадь, а слушай! Я всерьез говорю. Сашка продал свой граммофон, чтобы издать моего «Пугачева». Понял? Этого я ему вовек не забуду!

Через полчаса добавил:

— Кроме Сашки, у меня только один друг и есть в этом мире: Галя. Не знаешь? Вот будем в Москве, узнаешь! Замечательный друг!

Действительно, в 1922 г. А. Сахаров издал в петроградском издательстве «Эльзевир» на свои средства есенинского «Пугачева».

Большая ленинградская квартира Сахарова на Гагаринской улице летом часто пустовала, так как семья Александра уезжала на дачу, а сам он по делам службы часто выезжал в Москву. Приезжая в Ленинград, Есенин мог жить и работать в «пустыне Сахара», так шутливо называл квартиру Сахаровых В. Эрлих, пользоваться книгами домашней библиотеки, приглашать к себе в гости ленинградских товарищей, писателей и поэтов.

Есенин доверил А. Сахарову свой архив, и тот особенно дорожил тем, что дома у него хранились есенинские рукописи. Появление на есенинском горизонте Галины Бениславской задевало самолюбие Сахарова. Он был уверен, что в жизни Есенина только он один может претендовать на роль ближайшего друга. Соперников терпеть не мог. И не играло никакой роли, что Бениславская была женщиной Есенина, что она никогда не выступала против Сахарова.

Когда же Г. Бениславская стала активно принимать участие в издании есенинских книг и у нее оказались рукописи вновь написанных Есениным произведений, то Сахаров не мог согласиться с подобным соперничеством, так как хотел сохранить за собой право главного хранителя есенинских материалов.

Переехав жить к Бениславской, Есенин передал ей ключи от чемоданов с рукописями и вещами, так как сам часто терял эти ключи. Он любил раздавать рукописи и фотографии друзьям. Бывали случаи, когда у него друзья без спроса брали рукописи. Есенин, замечая пропажу, ругался, но не мог возвратить взятую вещь обратно.

Передавая ключи, С. Есенин сказал Галине, что по мере накопления рукописных материалов нужно все передавать А. Сахарову.

— У него мой архив, — говорил он. — У него много в Питере хранится. Я ему все отдаю.

Бениславская выполняла это требование, передавала Сахарову для хранения в есенинском архиве скопившиеся рукописные и опубликованные материалы поэта.

Узнав, что Сахаров дома держит есенинские рукописи в незапертом месте, Бениславская научилась хитрить и под разными предлогами старалась не отдавать Сахарову ценный есенинский материал. Рассказала Есенину о небрежном хранении рукописей в квартире Александра и предложила забрать их у него и перевезти в Москву. Это еще больше усилило напряженность в отношениях Сахарова и Бениславской.

Первая неприязнь Сахарова к Бениславской проявилась после отъезда Есенина с Дункан в Европу. Александр уговорил поэта передать ему рукопись неопубликованной 6-й главы «Лунный парус над саратовской крепостной стеной» поэмы «Пугачев». Есенин 8 мая 1922 г., перед отъездом, написал Бениславской: «Милая Галя! Тысячу приветов Вам! Будьте добры, дайте т. Сахарову вариант шестой главы. Любящий Вас С. Есенин».

Не известно, почему Г. Бениславская не выполнила указания Есенина, но рукопись Сахаров не получил. Она осознавала ценность этой рукописи, которую Есенин не стал печатать, но и которую он же и не уничтожил. Интуиция ей подсказывала, что у поэта были веские причины, чтобы не включать эту главу в опубликованный текст «Пугачева». Решила, что пусть сам Есенин определит судьбу этой главы после возвращения в Россию.

Бениславская не отдала рукопись 6-й главы и А. Мариенгофу. 16 октября 1922 г. записала в дневнике: «Как он (Есенин) мне дорог. Опять и опять чувствую это. И дорого все, что дорого ему. Сегодня был назначен вечер Мариенгофа. Он подошел. Перед тем я от Златого знала, что ему что-то нужно от меня. Мелькнула мысль — а вдруг шестую главу, но только мелькнула и все. Сегодня спрашиваю: «В чем дело?» — «Мне нужна одна из глав «Пугачева»!» — Моментально понимаю: «Какая?» — «Да, знаете, шестая — вариант шестой». — «У меня ее *нет*!» — «Как нет?» (Я

уже оправилась от изумления и возмущения): «Есенин ведь все взял обратно, у меня ничего нет, а что?» — «Раз нет — ничего!» (хамски, но зато со злостью). — «А что, Вы хотели напечатать?» — «Да».

Сейчас два чувства — одно: на деле доказала, что у меня не выудишь. Я никогда не отвечала так твердо».

Рукопись осталась у Г. Бениславской. Сахаров простить ей этого не мог, стал проявлять нескрываемую неприязнь. Изменилось и отношение Галины к Сахарову. Она по-иному стала оценивать его поступки.

«В отношении Сахарова к Сергею Александровичу было много непонятного, — считала Бениславская. — Много от Сальери. Он любил, и он же всеми мерами топил Сергея Александровича. Совершенно не считаясь с тем, что для Сергея Александровича было пагубно. В чем дело, точно определить не умею, но отдельные факты помню так же, как помню всегдашний непреодолимый страх за Сергея Александровича, когда на горизонте появлялся Сахаров. Страх был тем сильнее, что во мне против Сахарова отчетливых доводов не было. Он как будто не мог быть отнесен к числу нахлебников, он неглуп, а благодаря огромной, изумительной хитрости даже кажется умным, любит и чувствует литературу, язык. От Сергея Александровича слышала раньше только хорошее о Сахарове. И все же всегда при появлении Сахарова замирало сердце. Объясняла это себе тем, что Сахаров, как и другие, тянет Сергея Александровича пить, а он, как никто, умел всегда вытянуть Есенина куда-нибудь в пивную или ресторан».

Галина все больше и больше убеждалась, что Сахаров решил отстранить ее от Есенина, считая себя его единственным другом.

Заботу Бениславской о Есенине Сахаров связывал с какими-то ее корыстными целями. «Для себя, мол, цепляется и борется за Есенина, — предугадывала его мысли Галина, — рассчитывая вылечить и удержать потом около себя». Бениславская попыталась разубедить Сахарова. Такой разговор состоялся после возвращения Есенина из зарубежной поездки.

— Хоть бы женщина такая встретилась, чтобы закрутила ему голову как следует, подчинила его себе, может быть, это его спасет, — говорила она Сахарову, чтобы тот понял, что ей лично ничего не надо.

Неожиданно Сахаров стал объяснять, что женщинам лучше не вступать в эту историю, так как Есенин безумно любит Дункан и нужно делать все возможное, чтобы он вернулся к ней. У Есенина, дескать, такая натура: ломать свою и ее жизнь, он даже пьет сейчас из-за любви к Дункан.

Говорил Сахаров так убедительно, что заставил Бениславскую задуматься, а вдруг он прав. Не выдержала и спросила Есенина:

— Сергей Александрович, слушайте, скажите по-честному, не так ли это? Может быть, вы сами не понимаете, что безумно любите Дункан, поэтому и мучаетесь. Может быть, вам не стоит порывать с ней.

После некоторого обдумывания Есенин ответил:

— Нет, это вовсе не так. Там для меня конец. Совсем конец. К Дункан уже ничего нет и не может быть.

После этого разговора Галина поняла, что Сахаров ее специально провоцировал.

Бениславскую коробило, когда она видела проявление Сахаровым неуважительного отношения к Есенину. Так было при поездке С. Есенина в Петроград за Ключевым, когда Сахаров купил себе билет в мягкий вагон, а Есенину и Аксельроду приобрел сидячие места в жестком вагоне. При посадке Есенин это обнаружил. Провожавшие его Бениславская, Назарова и Приблудный стали объяснять, что Сахаров себе место в мягком вагоне купил раньше, а потом докупал для Есенина, когда в кассе уже не было мягких мест. «Надо было знать Сергея Александровича, — писала Г. Бениславская, — (а Сахаров знал его, быть может, лучше нас, так что это была не случайная оплошность, не случайное невнимание), чтобы понять, что это было огромным унижением, тем более, когда это делает тот, кого Сергей Александрович считает другом. Не то важно, что жесткий вагон, а важно, что спекулянт Сахаров, пользуясь отсутствием денег, удостаивает Есенина, знающего себе цену, что Сахаров по сравнению с ним моль, билета в жестком вагоне. Такие вещи Сергей Александрович всегда замечал. Удар был очень силен. Сергей Александрович, поняв это, не мог даже продолжать разговаривать вообще. Зато я и Аня не выдержали и изругали Сахарова, как умели. Было ясно, что если не хватило денег на все мягкие места, то Сахарову следовало бы ехать вместе с Сергеем Александровичем в жестком».

Сахаров вынужден был встречаться с Бениславской, выполняя некоторые личные просьбы Есенина. В конце апреля 1924 г. Александр посетил квартиру Бениславской, не застал ее. Попросил у кого-то из жильцов лист из блокнота и написал записку:

«Тов. Галя, у меня тяжелое поручение, заданное Сергеем, получить от Вас 20–40 червонцев. Как сделать это, не знаю. В прошлый приезд я этого не выполнил и получил головомойку. Посему ожидаю Вашего ответа. С почтением А. Сахаров».

У Бениславской денег не оказалось. Она писала Есенину 26

апреля 1924 г.: «Не сердитесь, что не выслала, право же, это не тактическое соображение, а просто нет ничего».

2 мая 1924 г. А. Сахаров в письме Бениславской не совсем достоверно рассказал о поведении Есенина, гостившего у него. На это обратил внимание М. А. Гецов, друг сестер Лившиц, навестивший по их просьбе Сахарова. Он писал в Москву: «Уходя, я встретил в коридоре Сахарова. Мы прошли с ним в его кабинет. На мои расспросы Сахаров ответил, что Есенин ведет себя прилично, почти не пьет и скоро собирается в Москву.(...). Не пойму. В городе о Есенине буквально ходят анекдоты. О пьянстве не перестают говорить. Нет дыму без огня — вероятно, это имеет под собой какую-нибудь почву. Короче говоря, итоги следующие: и вид Есенина, и разговор мой с ним, и заверения Сахарова свидетельствуют о том, что Сергей Александрович держит себя прилично. Но с другой стороны сведения, которые получил Максим от жены Сахарова (ведь неспроста же человек отсутствует три дня дома), и слухи, которые циркулируют в городе, заставляют призадуматься. Вот и все. Больше ничего я не узнал».

«Товарищ Галя! — писал А. Сахаров. — Сережа чувствует себя превосходно. Совершенно спокоен — ни дебошей, ни галлюцинаций. Хороший сон, хороший аппетит. Его ничто не волнует, и в Москву он едва ли собрался бы, если бы не ликвидация «Стойла», которая происходит так скоропалительно. Сергей подозревает в этом злой умысел Мариенгофа, потому что Анатолий едет за границу. Поэтому в конце будущей недели мы с Сережей будем в Москве. С товарищеским приветом. 2. V.24 г. А. Сахаров».

Немного лукавил и Есенин, который в начале мая, после встречи с М. А. Гецовым, писал Бениславской: «Погода была скверная. Настроение от безденежья — тоже. На днях получу. Главным образом грустен потому, что дьявольски растолстел».

После летних встреч в Ленинграде отношения между Есениным и Сахаровым изменились. Когда Есенин был на Кавказе, Александр зашел в гости к Бениславской. Был веселым, приветливым. Прочитал стихи, которые прислал Есенин. Они ему очень понравились. Затем как-то сник, после молчания тихо проговорил, что Сергей оказался свиньей, так как ни одного письма ему не прислал.

Есенин стал опасаться за сохранность своих рукописей. 12 декабря 1924 г. напоминал Бениславской: «Привезите вещи из Питера, у Сашки они, вероятно, мешают». Сообщил, что в Ленинграде будет жить у художника Соколова, а не у Сахарова. Такое решение обрадовало Галину. Она писала 20 января 1925 г. Есенину из Ленинграда: «Да, у Сахарова Вам не надо жить,

мещанское болото у него и вообще плохо. Мы с Катей даже ночевать не захотели у них». И продолжала настаивать: «Не нравится только мне, что Ваши письма у Сахарова не заперты даже. Безобразия. Забрать бы у него — да он не даст ведь».

Взять есенинские рукописи у Сахарова оказалось делом сложным.

При встрече на квартире Бениславской Александр стал упрекать Есенина за длительное молчание. Тот, не поняв, ответил: «Так ты б зашел бы сюда. Здесь всегда все обо мне знают». Сахаров насупился и пробормотал: «Здесь-то здесь, а я ничего не знал».

«К этому времени, — вспоминала Бениславская, — он определенно невзлюбил меня. Когда Сергей Александрович начинал говорить обо мне как о друге и пр., Сахаров всегда иронически улыбался и молчал».

Возможно, что Бениславская чрезмерно сгущала краски. Сам Сахаров в воспоминаниях корил себя за то, что недостаточно заботился о поэтическом даровании Есенина, при этом справедливо отметил большую заслугу Галины Бениславской: «Друзей у Есенина вообще было много, особенно когда он располагал крупным гонораром, а ведь есенинская строка котиновалась на червонцы... Друзей же настоящих было мало, кроме Галины Бениславской и еще некоторых товарищей, назвать трудно».

Напрасное ожидание

Семейные отношения Есенина с Бениславской не выдержали испытания. Галина хотела быть единственной у Есенина, хотя и понимала, что в огромном сердце поэта обязательно найдется место и для других женщин. Уже современникам было очевидно, что поэт не ей посвящал стихи и не ей дарил цветы. Галине досталась участь «заботницы» о поэте, изредка получающей от него теплое слово и нежный взгляд.

На Бениславскую свалилась огромная ответственность не только за себя и Сергея, но и за живших с нею двух сестер поэта: Катю и Шуру, к которым добавились и родители Есенина, нуждавшиеся в постоянной поддержке из-за трудной жизни в деревне. Сама Галина зарабатывала немного, поэтому приходилось бегать по редакциям журналов и издательствам, выбивая гонорар за опубликованные есенинские произведения. Гонорар выдавали как милостыню, при этом выплачивали не полностью, а частями, за чем приходилось ездить, порой не имея возможности даже оплатить проезд на трамвае. Случалось, что во время безденежья Есенин, живший иногда вне дома, в письмах и телеграммах требовал: «Высылайте денег», не беспокоясь, где их достать.

Торговаться Есенин в редакциях не любил из-за личной гордости. Он твердо знал одно — как профессионал он должен получать за свои стихи деньги. Всякое его хождение по редакциям за гонорарами отражалось на его творчестве. «И кто знает, — вспоминала Г. Бениславская, — кто высчитает — сколько стихотворений могло родиться за счет энергии, потраченной на это добывание. Ведь когда он добивался чего-либо в этом плане, то, вероятно, один он до конца знал, чего это ему стоило, какого нервного напряжения, тем более что в добывании этом он видел что-то унижительное для себя, для своей независимости».

Так было с договором об издании собрания сочинений, когда поэт согласился с требованиями Госиздата о выплате ему 6 тысяч рублей гонорара, и только вмешательство Кати и Наседкина, человека в этих делах бывалого, позволило получить от Госиздата 10 тысяч.

Со стороны казалось, что Есенин живет на широкую ногу. Он имел свою долю в кафе «Стойло Пегаса», получал гонорары за публикации стихотворений и выступления на литературных вечерах. На самом деле поэт часто попадал в очень стеснительные положения из-за отсутствия денег, так как возле него всегда толпились не только почитатели есенинского поэтического дара,

но и различного рода прилипалы, любители за его счет выпить и нагуляться в разных компаниях.

Есенин получал приличные гонорары, но значительно ниже, чем Демьян Бедный. В минуты безденежья Сергей дома объяснял и доказывал Галине, что это несправедливо. Его голос громко звучал в комнате:

— Нет, скажите мне, почему я, русский поэт, должен сидеть без денег, в то время как Демьян Бедный получил в Госиздате 35 000 рублей!

Галине приходилось объяснять, что таких денег Демьян Бедный, возможно, и не получал, что это выдумки завистников его славы, хотя прекрасно понимала, что государство всегда будет поддерживать тех, кто ему служит и слагает подходящие песни.

Есенин, не слушая ее, начинал повторять безадресно:

— Отдай, отдай мои деньги!

Побывав в Грузии, он любил рассказывать:

— Вот в Грузии поэтам хорошо: Совнарком грузинский заботится о них, точно о детях своих. Приедешь туда — как домой к себе. А у нас что?

«Благодаря этому положению, — делала вывод Г. Бениславская, — он озлобился и стал бесцеремонным, ему стало все равно, где и как получать деньги, он чувствовал свое право на них: раз это право не признают, раз в этой области царит несправедливость — значит нечего играть в благородство. Очень чуткий ко всякой несправедливости, порывистый как в увлечении, так и в разочаровании, он и здесь быстро пришел к крайности. Раз обижают, обманывают — значит надо бороться и защищаться».

Есенин стал публиковать одно и то же стихотворение в нескольких газетах и журналах. Практика перепечатывания одного и того же произведения в разных изданиях встречалась в то время нередко. В. Шершеневич, зная это пристрастие Есенина, вспоминал, что тот «считал личной обидой для себя, если он одно и то же стихотворение печатал меньше, чем в пяти-шести сборниках. Мы его всегда упрекали:

— Сережа! Восьмой раз печатаешь!

— Ну уж и восьмой?

— Ну вот, смотри: в пяти сборниках — раз, в журнале — два, в двух изданиях такой-то своей книги! Итого — восемь!

— А что же делать? Пишу я мало. Стихотворение должно меня кормить! А кроме того, почему актер может изо дня в день читать с эстрады одно и то же стихотворение, а я не могу его десяток раз напечатать? Что публика любит в «Кармен»? Арию Тореодора, которую знает не хуже, чем певец. Ее и идет слушать.

И в сборниках то же. Публика любит читать то, что уже знает. Думать не нужно, и каждый решает: «Какой я умный! Всю литературу знаю. Что ни прочитаю, ан глядь, знаю!»

Галина не осуждала Есенина, понимая, что у него профессиональная литературная работа была основным источником заработка, но, к сожалению, эта работа зависела от поэтического вдохновения. «Сергей Александрович очень страдал от своей бездеятельности, — вспоминала она. — Нечем стало жить. Много, очень много уходило и ушло в стихи, но он сам говорил, что нельзя ему жить только стихами, надо отдыхать от них. Отдыхать было не на чем. Оставались женщины и вино. Женщины скоро надоели. Следовательно — только вино, от которого он тоже очень хотел бы избавиться, но не было сил, вернее, нечем было заменить, нечем было заполнить промежутки между стихами. «Не могу же я целый день писать стихи. Мне надо куда-то уйти от них, я должен забывать их, иначе я не смогу писать», — не раз говорил он в ответ на рассуждения, что нельзя такое дарование губить вином».

В такие критические минуты Бениславская остро ощущала свою беспомощность, но все попытки быть полезной поэту наталкивались на отрешенность, безразличие Есенина.

В апреле 1924 года Галина Бениславская не выдержала и упрекнула Есенина за равнодушное отношение к ней: «Вы ко мне хорошо относитесь, мне верите. Но хоть одним глазом Вы попробовали взглянуть на меня? (...) Я совершенно прямо говорю, что такую преданность, как во мне, именно бескорыстную преданность, Вы навряд ли найдете. Зачем же Вы швыряетесь этим? Зачем не хотите сохранить меня? Я оказалась очень крепкой, на моем месте Катя и Рита давно свалились бы. Но все же я держусь 7-мь месяцев, продержусь еще 1–2 месяца, а дальше просто «сдохну». А я еще могла бы пригодиться Вам, именно как друг».

Этот крик души поэтом не был услышан.

В августе 1924 года Есенин жил в Константинове, работая над «Поэмой о 36». За период с 7 по 20 августа он не отправил Бениславской ни одного письма или записки. В конце второй декады августа Галина берет очередной отпуск и уезжает в Крым.

Так случилось, что возвращение Есенина из деревни в Москву 20 августа совпало с отъездом Бениславской на юг. Такого оборота Сергей не ожидал. О его реакции сообщала Бениславской Екатерина: «Сергей уехал на Кавказ с Вардиным. Очень жалел, что не попал к тебе. Ну что же делать? Как он говорил, а все-таки к тебе хотелось. Он каждый день вспоминал про тебя, показывал, как ты ходишь и прочие твои достоинства. Хотел ремонтировать

комнату, но уехал, ничего не сделав. Ах, черная, если бы ты видела Сергея на другой день после твоего письма (второго), ты бы хохотала до упаду, ведь он решил ехать к тебе, а в этот вечер он сделал сразу несколько путешествий, каких, расскажу потом».

В Крыму Галина немного успокоилась, телеграфирует Ане Назаровой: «Изумительно хорошо всех целую Галя». Устроилась на отдых в Гурзуфе. Через три дня отправила Назаровой коротенькое послание: «Аня. Привет. Жара. День купанья, а не писать хочется. Всем привет. Эх, тебе бы здесь! 23/VIII. Галя».

На другой день пишет нежное письмо Есенину:

«Сергей Александрович, хороший мой, как жаль что Вы не здесь. До чего хорошо! Обо всем забыть можно. Сейчас вечер. Я только что вернулась с моря. А это море — живое, дышит, говорит. И возле скал волнуется, так настойчиво волнуется, что невольно вслушиваешься — в чем там дело?

Кругом тихо, тихо, только вдаль, как чье-то сердце неугомонное, стучит моторная лодка. И как звезды в небе, на море мерцают огни лодок и пароходов. — Все это лирика, но никуда от нее не денешься — все ею пропитано. Когда же Вы приедете? И приедете ли? Боюсь, что дела денежные задержат Ваш отъезд и не видать мне Вас здесь. А хочется именно здесь Вас увидеть. Сергей Александрович, милый, просьба к Вам большая. Дайте мне телеграмму (Гурзуф, Генуэзская башня — мне), приедете ли и когда. А то письма пока я дождусь от Вас. Ладно?

Боже мой, гармоника-то повсюду — и тут за окном заливается. Хорошо! Ну, целую крепко. Жду телеграммы, а потом приезда. Простите за беспорядок в письме. Галя. 24. VIII.24. Если приедете в Ялту — телеграфируйте № телефона — я отсюда могу позвонить».

На следующий день написала Ане Назаровой:

«Милая Аня. Пишу с дороги из Кореиза (там, где была Яна) — автомобиль застрял — бензину не хватило, пока наливают. До чего хорошо! Только лень писать. Где буду жить, еще не знаю. Вот еду в Алупку — посмотреть ближайшие деревни. Купались в Севастополе, в Ялте. Вот. Отдыхать буду всюю. Целую. Галя».

За восторженными словами об отдыхе в Крыму просматривалась обеспокоенность Галины, которую она не могла скрыть от подруги, поэтому дописала, указав «смотри на обороте»: «Знаешь, только на 6-й день устроилась, т. е. вчера отдыхать начала. А то все маялась — пристанища дешевого искала. Напиши, если будет охота».

Дальнейший отдых Галины определялся ее скромными финансовыми возможностями. Неожиданно вновь стала проявляться нервная депрессия. «Я очень больна, — записала

Бениславская в дневнике. — И, кажется, опять всерьез и надолго. Неужели возвращаются такие вещи? Казалось, крепко держу себя в руках, забаррикадировалась, и ничто не помогло. И теперь хуже. Тогда я была моложе, верила в счастье любви, а сейчас я знаю, что невеселого счастья залог «сумасшедшее сердце поэта», и все же никуда мне не деться от этого. Опять тоска по нем, опять к каждой мысли прибавляется это неотвязное ощущение его. Опять все скучны. Перед отъездом в Крым были еще дни; если б тогда уехать, то на месяц я была бы свободна, «а теперь, как глаза закрою»... вижу клетчатую кепи и... ну, все равно, и сейчас уже не сумею заслонить чем-нибудь подставным. Раньше в этой подмене было ощущение новизны, а сейчас скучно все это, невыносимо такое «не настоящее», а «настоящее» — «блуждающий огонь», и плохо мне. Я сейчас сильнее. Умею отдыхать, несмотря на тоску, но больна, кончена. Но нет, надо взять себя в руки. Нельзя так».

Ни шумный пляж, ни прекрасное море, ни поездки по городам Крыма не могут заставить ее не думать о Сергее. В мыслях он всегда рядом.

24 августа Бениславская записала в дневнике: «Вот, как верная собака, когда хозяин ушел — положила бы голову и лежала бы, ждала возвращения. Крым. Гурзуф».

Ждать не было сил. Телеграфирует 1 сентября 1924 г. Ане Назаровой: «Достань вышли телеграфом Гурзуф тридцать рублей вернись отдам Галя».

Аня деньги выслала, а в письме, чтобы подбодрить подругу, написала о хороших временах прошедшей юности. Галина ей ответила: «Да, Аня, это было давно, я не знаю, когда это было. Может, это была другая жизнь. Я не помню. 5. IX.24. Деньги получила. Спасибо большое».

Литературный секретарь

При совместной семейной жизни с Есениным Галина стала выполнять как бы роль литературного секретаря поэта. Это была сложная обязанность при непредсказуемом поведении поэта и его эмоциональном состоянии. Особенно это проявилось во время длительной поездки Есенина на Кавказ, когда приходилось решать многие вопросы, высказывать свои предложения, пожелания и просьбы в письмах.

Бениславская была подготовлена к роли литературного секретаря. Она хорошо ориентировалась в литературной жизни своего времени, знала русскую поэзию, могла успешно преодолевать различные бюрократические препоны, была собранной и обязательной в исполнении поручений.

Впервые услуги Бениславской потребовались Есенину во время издания «Москвы кабацкой». Помощь предложил В. Вольпин, работавший заведующим книжным и издательским отделами Государственного универсального магазина (ГУМ). Но Есенин в это время проходил курс лечения, лично не мог даже подписать издательский договор. Пришлось привлечь Галину... «Дорогой Валентин Иванович! — писал 19 декабря 1923 года Есенин. — Будьте добры выписать деньги на имя Галины Бениславской. Договор подпишу, как выйду из санатория. Жму Вашу руку. С приветом С. Есенин». Договор так и не был подписан. Изменились обстоятельства. Стал более жестким государственный контроль издания в стране книг. Отдельные строки стихотворений из цикла «Москва кабацкая» настораживали работников издательства. Чтобы их печатать, требовалось согласие Главлита. Бениславская потратила много сил для получения разрешения на издание «Москвы кабацкой». 12 января 1924 г. писала Вольпину: «Валентин Иванович! Дело вот в чем: Главлит принципиальное согласие дал на «Москву кабацкую», но чтобы они выдали бумагу, надо точно указать: 1) кто издает (изд — во); 2. В какой типографии будет печататься и 3. Какой тираж. Сообщите мне эти сведения в «Бедноту» (2-59-44) сегодня или в понедельник утром, тогда я в понедельник же получу разрешение. В «Бедноте» вызовите к телефону Назарову или Козловскую и передайте. Кстати сообщите — будете ли Вы в понедельник в ГУМе. Всего хорошего. Привет от Сергея Александровича. Г. Бениславская».

Усилия Бениславской не увенчались успехом. Напечатать «Москву кабацкую» в столице не удалось. Книга вышла через несколько месяцев в Ленинграде.

Ситуации порой складывались самые неожиданные.

Возвратившись из Крыма, Бениславская узнала от Сони Виноградской, что Есенин сдал поэму «Песнь о великом походе» в журнал «Октябрь». Галине это решение показалось нелогичным, так как «Октябрь» поэт ненавидел, не скрывал своего раздражения, когда брал журнал в руки. Проводимая травля «попутчиков» на страницах «Октября» приводила его в бешенство.

— Все возмущены этим его поступком, — говорила С. Виноградская, — смотрят как на предательство, тем более что сейчас ведется поход против Воронского, которого, вероятно, снимут с должности редактора «Красной нови». Понимаешь, и в такой момент Есенин сдал одну из своих крупных вещей «Октябрь». Конечно, ему многие руки не подадут.

Отдать поэму в журнал «Октябрь» Есенину помогли А. Берзинь и А. Тарасов-Родионов, устроившие в связи с этим вечеринку с товарищеским ужином и вином. А. Тарасов-Родионов вспоминал: «В то время я имел большое влияние на политику Всероссийской Ассоциации Пролетарских Писателей (ВАПП) и, что называется, охаживал Есенина, стремясь свернуть его творчество на отчетливо советские рельсы. Тогда же я купил у него для «Октября» и «Песнь о великом походе».

Редакция «Октября» выдала через А. Берзинь аванс, который получила по доверенности Екатерина Есенина. Часть аванса Катя потратила на себя, за что получила от брата нагоняй, так как выданных денег теперь уже нельзя было вернуть. Есенин понимал, что виновата не только сестра, он чувствовал, что его втягивают в какую-то скрытую политическую игру. Идти на скандал не решился. Смирился и уехал на Кавказ.

— Понимаете, — говорил поэт Бениславской, — мне нужно было успокоиться. Это самое важное, иначе меня бы не хватило. Но все равно, я бы не согласился, если бы не подвела Екатерина с этими деньгами.

Поэма «Песнь о великом походе» вышла почти одновременно в московском журнале «Октябрь» и ленинградской «Звезде». Бениславская переживала за создавшееся пикантное положение, в котором оказался Есенин. «С «Песнью» вышло недоразумение, и не из приятных, — писала она 13 ноября 1924 г. В. Эрлиху, — Сергей Александрович дал ее в журнал «Октябрь», они поместили в № 3, а потом выяснилось, что она напечатана в петербургской «Звезде». «Октябрь» рвет и мечет. А сегодня я нашла в письмах, полученных на имя Сергея Александровича после его отъезда, письмо из «Звезды»: «Дорогой Есенин! В чем дело с твоей поэмой? Почему ты не хочешь ее печатать в «Звезде»? Если дело в измененной редакции — так не будешь ли добр прислать ее?

«Звезда» намеревается пустить ее в сентябрьской книге. Если в течение ближайших дней я не получу от тебя никаких новых известий, я сдам поэму в набор. Майский (редактор) настаивает на этом». Письмо помечено: 18 сентября.

Теперь мне ясно, что Сергей Александрович именно и не хотел ее печатать, что сдал в «Октябрь». Не знаете ли, каким образом она была сдана в «Звезду» и через кого он сообщил туда, чтобы «Звезда» не печатала ее? Если не трудно выяснить все это, напишите подробно об этом мне. Надо растолковать «Октябрю».

В это же время Есенин договорился об издании в Ленинграде поэмы «Песнь о великом походе» отдельной книжкой. Добивался, чтобы книжка была издана качественно. «Книгу, по-моему, так выпускать не годится, — писал С. А. Есенин 1 сентября 1924 года заместителю директора Ленинградского отделения Госиздата О. М. Бескину. — Уж очень получается какая-то фронтовая брошюра. Посылаю для присоединения к ней балладу «36». О ней мы с Ионовым говорили уже. Потом лучше бы всего было соединить и последние мои стихи вместе с этой книгой. Это будет значительно и весче, чем в таком виде».

Планировалось издать поэму «Песнь о великом походе» отдельной книгой в Москве, а в Ленинграде поэму напечатать вместе с «Поэмой о 36». 17 октября 1924 г. Есенин поручает Г. Бениславской передать исправленный текст поэмы «Песнь о великом походе» для печати Анне Берзинь, но одновременно текст поэмы рекомендовал переслать в Ленинград В. Эрлиху для Госиздата, чтобы там издали вместе с «Поэмой о 36».

О решении Есенина Галина написала В. Эрлиху: «Прислал исправленную «Песнь о великом походе». Просит поправки переслать вам для Госиздата. «Пусть там издадут «36» и ее вместе». Нарочно привожу эту фразу дословно, так как не знаю, где эти вещи, вернее, куда сданы...».

Бениславская старалась не допустить издания одной и той же поэмы одновременно в Москве и Ленинграде, как это было с журнальными публикациями, поэтому напоминает В. Эрлиху: «Кроме того, если эта «Песнь о великом походе» сдана в Госиздат, то не пускайте ее в печать самостоятельно, так как отдельно она издается здесь Госиздатом. Пустите ее, как Сергей Александрович пишет, вместе с «36» (он название «26» изменил на «36» и в заглавии, и в тексте), если это удобно, чтобы не вышло такой же истории, как с «Октябрем» и «Звездой», — одновременно и там и тут напечатают».

В начале декабря она писала Есенину: «Эрлиху сообщила. Он пишет мне, что «36» и «Песнь» выходят под названием «Две поэмы». Корректуру править будет он сам и внесет Ваши

поправки».

Есенин надеялся изданием этой книги улучшить свой личный бюджет. 20 декабря писал Бениславской: «Как только выйдут «Две поэмы», получите с Ионова 780 рублей и пришлите их мне. Я не брал у него 30 червонцев за «Песнь» и 480 за «36».

Но этим планам осуществиться не удалось. Не помогла даже поездка Галины и Екатерины на два дня в Ленинград. «У Ионова ничего не получила, — сообщала она Есенину 20 января 1925 года, — едва удалось добиться, чтобы печатал «Песнь» и «36» вместе (иначе был бы номер с Анной Абрамовной — с отделом массовой литературы). Там мы сдали в «Ковш» (журнал Серапионовцев, типа бывшей «Красной нови») стихи «Русь уходящая» и «Письмо от матери», забрали у них деньги (половину), взяли у Сахаровых ваши вещи и уехали».

Несмотря на все предпринятые усилия, издать в Ленинграде книгу «Две поэмы» не удалось.

Из Батуми Есенин советовал Бениславской: «Я не знаю, как Вы живете. Думаю, у Вас не хватило смекалки сходить на Большую Дмитровку, 10, в отделение «Зари Востока», спросить там Фурмана, взять комплект, переписать, что мной напечатано, и продать хоть черту, хоть дьяволу, чтоб только у Вас были деньги. Газетной вырезкой не сдавайте. Будут меньше платить». Сообщал о повторных публикациях своих стихотворений на Кавказе: «Хорошо жить в Советской России — разъезжаю себе, как Чичиков, и не покупаю, а продаю мертвые души».

Этим советом Галина воспользовалась. 5 декабря 1924 года она сообщала Есенину: «Да, через Вардина, может быть, дам «36» в «Молодую гвардию». Мне не очень хочется ее печатать, и Вардин не советует, но ведь все равно Ионов ее издаст, чего же тогда ее здесь перед тем не пустить? Вардин говорит, что ее Вам отделать бы, а я хуже: согласна с Воронским — «Черного принца» Асеева помните? В ритме ли, в форме ли, но мне что-то не нравится (ох, и распушите же Вы меня за такие речи!».

Галине приходилось выполнять большую работу по подготовке к изданию есенинских книг. «Составил Вам список для составления книги, — писал поэт 20 октября 1924 г. — Продайте в таком порядке под названием «Рябиновый костер», куда можно». Но 2 ноября он изменяет свой первоначальный замысел. «Посылаю «Русь уходящую», — писал Есенин. — Вставьте в книгу под конец, как я Вам разметил, и продайте под названием «После скандалов».

Бениславская сохранила прежнее название сборника, отказавшись от названия «После скандалов», при этом внесла в текст не только «Русь уходящую», но и включила дополнительно

стихотворения «Письмо от матери», «Ответ» и «Русь бесприютная». Ею был составлен макет книги, но договор с Госиздатом заключить не удалось.

Не удержалась от замечания Есенину за проявление им некоторой торопливости при окончательной доработке стихов: «Персидские мотивы» — красивые, но, конечно, меньше трогают. Ну, а вообще Ваш творческий путь сейчас такой извилистый, что никак не знаешь, чего ожидать от Вас. Песнь о походе — Кавказ — Персидские мотивы. Но зато Вы как-то перестали отделять свои стихи. Такое чувство у меня появилось, и, кроме того, мне говорили об этом другие».

Бениславская договорилась с издателем И. Берлиным продать ему «Анну Снегину» за 1000 рублей. Предупредила об этом Есенина. Но когда пришел Берлин и предложил за издание 600 рублей, то Есенин робко, неуверенно и в смущении начал соглашаться. Пришлось Галине вмешаться и напомнить, что эту вещь уже договорились продать за 1000 рублей. Тогда и Есенин стал поддакивает: «Да, мне все-таки кажется, что 600 рублей мало. Надо бы больше!» А после благодарил Галину:

— Спасибо вам, Галя! Вы всегда выручаете! А я бы не сумел и, конечно, отдал бы ему за шестьсот. Вы сами видите — не гожусь я, не умею говорить. А вы думаете, не обманывали меня? Вот именно, когда нельзя — я растеряюсь. Мне это очень трудно, особенно сейчас. Я не могу думать об этом. Потому и взваливаю все на вас, а теперь Катя подросла, пусть она занимается этим! Я буду писать, а вы с Катей разговаривайте с редакциями, с издательствами».

Почти полтора года, с начала 1924-го и до второй половины 1925 года, издательскими делами Есенина занималась в основном Бениславская.

Уезжая в Ленинград, 12 июня 1924 г. С. Есенин подписал «Доверенность»: «Доверяю заключить договор с Госиздатом на издание книжки моих стихов «Березовый ситец» Галине Артуровне Бениславской и получить причитающийся гонорар. С. Есенин».

1 июля 1924 года Галина Бениславская подписывает «Договор № 4581» с Госиздатом об издании книги «Березовый ситец» тиражом в первом издании не более 7000 экземпляров с выплатой гонорара в размере 40 копеек за стихотворную строку. Были оговорены все условия выплаты гонорара в случае своевременной доставки автором корректуры.

Во время редакторской работы над рукописью просила С. Есенина:

«1. Заведите манеру всегда под стихами ставить месяц и год,

а то теперь с восстановлением дат много работы будет. (Это выучите наизусть.)

2. Все вырезки (стихи ли, заметки ли), посылая, всегда надписывайте: какая газета и за какое число. (Это тоже.)»

Не полагаясь на свой опыт, Бениславская обращалась за помощью к В. Вольпину, хорошему знатоку редакторской и издательской работы. «В редактировании принимает участие Валентин Иванович Вольпин, — сообщала она Есенину. — Он вообще много помогает своими советами. «После скандалов» он будет продавать. Его бы чем-нибудь надо отблагодарить. Мне пришла мысль: на сборнике этих революционных стихов написать, что это под редакцией Вольпина». Предложение осталось без ответа, но о хорошем отношении С. Есенина к В. Вольпину свидетельствует дарственная надпись на титульном листе книги «Персидские мотивы», изданной в 1925 году: «Милому Вольпину, люблю, люблю. С. Е.»

Много сил потратила Галина на издание книги С. Есенина «О России и революции».

«Издательство «Современная Россия» через некого товарища Берлина (помните его?) издает сборник Ваших стихов о революции и России, — писала она Есенину. — Не стоит ли туда включить отрывки из «Страны негодяев» — разговор в салон-вагоне? Напишите об этом непременно. Полный список посылаю (хотя мы уже сообщали телеграммой). Укажите, в каком порядке расположить их. Товарищ Берлин платит по 40 копеек за строку, срок договора 6 месяцев, для повторного издания еще 6 месяцев; в общем 1 год. (...) Стоит ли давать вступительную статью к сборнику, они предлагали Когана, или Сакулина, или Луначарского? Что-то никто из этих мне не улыбается. Скорей всего Когана, Сакулина не стоит. Якулов согласен иллюстрировать этот сборник. А Вы согласны? Хорошо ли, что мы включили «Русь Советскую» и «На родине»? Не повредит ли это книге «После скандалов»?»

Не на все вопросы Бениславская получила ответы, а в издательстве ее мнение не учли. 4 мая 1925 года Галина разгневанно писала Есенину: «Только что Берлин принес Вашу книжку. Я была взбешена на него. Дурак, ведь я говорила ему, что «О России» можно, но при чем в этом подборе стихов революция? Еще больше удивилась, когда узнала, что это сделано с Вашего согласия. Он говорит, что текст обложки Вы видели и написали на корректуре «печатать».

Теперь он предлагает такую вещь: на этой обложке написать «выпуск первый» — о революции, мол, во втором будет. При этом, если мы хотим, предлагает выпустить второй («Русь советская»,

«На родине», «Песнь о великом походе» и пр.) Я думаю согласиться на это. Если же Вы почему-то против второго выпуска — телеграфируйте, тогда переменим обложку, или Вы сознательно согласились на название «О России и революции»? В этом случае тоже телеграфируйте, а подробности напишите, не откладывая, письмом.

Книгу «Рябиновый костер» всю посвятить Чагину? Верно? А зачем ее задерживать? Хотите до осени оставить? Жду ответа на все вопросы».

Есенин ответил только на некоторые вопросы. Он писал Галине: «Книжку «Рябиновый костер» посвятите всю целиком Чагину. Надпись: «С любовью и дружбою Петру Ивановичу Чагину». (Книга вышла под названием «Персидские мотивы»).

При подготовке к изданию поэтического сборника «После скандалов» Галина высказала Есенину замечание: «Кстати. Перемените название — так нельзя. «Круг» уже издал Ваш сборник, и там есть раздел «После скандалов», нельзя же теперь книгу выпускать с таким названием. Непременно перемените и сообщите мне».

А. Берзинь предлагала в Госиздате выпустить «Собрание стихотворений» С. Есенина. О такой книге поэт давно мечтал. Бениславская срочно приступила к работе. «Через 2 дня приступаю к подготовке, — писала Есенину, — вернее разыскиванию в старых журналах Ваших стихов. Если бы Вы не поленились и сообщили полностью, где и что было напечатано. Как бы Вы этим облегчили работу. А потом Анна Абрамовна возьмется за составление. Ваши указания относительно тома передам ей и проверю, чтобы все было так, как хотите Вы. Возможно, что этот том тоже возьмется издавать товарищ Берлин, думаю, что он издал бы лучше Госиздата».

Галина составила собственный список есенинских произведений из 13 названий, в который включила и поэмы. «Если Вам почему-либо не нравится эта книга, то сообщите, постараемся обойтись без нее, вернее телеграфируйте, не откладывая, сразу же. Я лично думаю, что хотя она для другой категории читателей, нежели все Ваши книги, но вреда от нее не будет. Вдобавок, другим книгам она не мешает».

Такая инициатива Бениславской не получила одобрения. 17 октября 1924 г. Есенин писал ей: «Мне важно, чтоб Вы собрали и подготовили к изданию мой том так, как я говорил с Анной Абрамовной, лирику отдельно и поэмы отдельно. Первым в поэмах «Пугачев», потом «36», потом «Страна негодяев» и под конец «Песнь». Мелкие же поэмы идут впереди всего».

Через некоторое время вновь напоминает Галине: «Если Анна

Абрамовна (Берзинь) не бросила мысли о собрании, то издайте по берлинскому тому с включением «Москвы кабацкой» по порядку и «Рябинового костра». «Возвращение на родину» и «Русь Советскую» поставьте после «Исповеди хулигана». «Москва кабацкая» полностью, как есть у Вас, с стихотворением «Грубым дается радость». «Персидские мотивы» не включайте. Разделите все на три отдела: лирика, маленькие поэмы и большие: «Пугачев», «36», «Страна», «Песнь о походе». После «Инонии» поставьте «Иорданскую голубицу». Вот и все.

Этого собрания я желаю до первых вздрагиваний. Вдруг помрешь — сделают все не так, как надо».

Пришлось Бениславской при составлении макета книги вновь просматривать журналы, в которых печатался Есенин, решать вопросы расположения в книге произведений, о которых поэт никаких указаний ей не давал. «Сегодня я собрала материал для тома, все есть, за исключением стихов из прежних журналов, через два дня и они будут. Включать все, что найдем, или нет? — писала она. — «Яр» включать тоже (у Вас есть «Яр»)? Да, «Москву кабацкую» и «Любовь хулигана» можно поставить после «Песен Забуддыги»? Потом; куда остальные из отдела «После скандалов» («Ширяевцу», «Пушкину» и остальные). Ну, «На родине» и «Русь Советскую» после «Инонии», а другие — куда лучше? Почему Вы хотите «Иорданскую голубицу» после «Инонии», а не туда — к «Отчарь» и пр.?

Хотя бы об этом напишите, ведь Вам же интересно это издание. Потом: надо ли предисловие к нему? А то ведь там «божественных» слов много. Редакцию менять по берлинскому тому я не буду. Лучше дать такими, какими они были. Хорошо?».

Неизвестны ответы Есенина. Подготовленное собрание не было издано, но оно оказалось полезным при подготовке трехтомного собрания стихотворений Сергея Есенина, вышедшего после его смерти.

Есенин не всегда прислушивался к советам Галины. На ее наставления о том, как ему надлежит держать себя в литературе, где печататься, а где — нет, ответил: «Я не разделяю ничьей литературной политики. Она у меня своя собственная — я сам».

Резко Есенин высказывал свое мнение об издании своих книг, когда сомневался в возможностях Бениславской. В мае 1925 года писал ей: «Чтоб не было глупостей, передайте Собрание Богомильскому. (В издательство «Круг»). Это мое решение. Я вижу, Вы ничего не сделаете, а Ионову на зуб я не хочу попадать. С Богомильским лучше. Пусть я буду получать не сразу, но Вы с ним договоритесь. Сдавайте немедленно».

Заботница

Есенин очень любил своих сестер Екатерину и Александру. Заботу о них проявлял еще в Константинове, а когда стали жить в Москве в комнате Бениславской одной семьей, то заменил сестрам мать и отца. Кате было девятнадцать лет, Шура — тринадцать.

Галина не очень заботилась о своем домашнем уюте. В ее комнате было лишь два небольших столика, тахта с провалившимися пружинами, железная кровать, две тумбочки, два венских стула и табуретка. После поселения Есенина с сестрами быт стал потихоньку налаживаться. Купили шесть венских стульев, обеденный стол, шкаф, новую посуду. Так как свободного времени и умения хорошо вести домашнее хозяйство не было, то наняли прислугу Ольгу Ивановну, когда-то работавшую у издателя И. Д. Сытина. Она была строгой, но душевной. Галя и Шура в шутку называли ее «мамкой». Видя неопытность и нерасчетливость своих «хозяев», Ольга Ивановна иногда отчитывала их, давала дельные советы.

«Жили мы мирно, — вспоминала Александра Есенина, — и каждый из нас занимался своими делами. По утрам я готовила уроки, днем уходила в школу, а вечером читала или Галя помогала мне решать задачи, так как вначале я отставала от класса по арифметике».

«С возвращением Шурки опять все по-семейному, хорошо и дружно, — писала Есенину Бениславская 20 января 1925 года. — Опять вовремя спать ложимся и т. д. Оля (Вам, кажется, Катя писала — наша прислуга) нас к рукам прибрала, вообще она и Шурка — это 2 ежовых рукавицы для меня и Кати. У нас теперь семья целая получилась: Шура, Катя, Оля и я и еще наша соседка (Вы ее не знаете)».

Позже сообщала В. Эрлиху: «Живем «тихой семейной жизнью» — с нами ведь Шурка — потому так хорошо стало. Она у нас строгая и порядок любит». Эту черту характера отметил писатель Ю. Либединский: «В ней, хотя она была совсем девочка, сказывалось то разумно-рассудительное начало, которое подмечено у Есенина: «И вот сестра разводит, раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал»... — что-то совсем юное и уже очень новое, советское сказывалось в этой девочке».

«И хотя не было с нами Сергея, — вспоминала А. А. Есенина, — жизнь наша тесно была связана с его интересами, с его успехами. Благодаря его письмам, новым стихам, которые он присылал нам, он как бы незримо присутствовал с нами. Галя и

Ката вели его литературно-издательские дела в Москве, и он часто давал им письменные указания, где, как и что нужно напечатать, как составить вновь издающийся сборник».

При совместном проживании с Есениным и в его отсутствии на Галину Бениславскую навалилась забота о материальном положении семьи. С осени 1923 года она стала получать и тратить не только свою зарплату, но и гонорары Есенина. Денежные расчеты проводила гласно, не скрывая ничего от Есенина. «С деньгами положение такое, — отчитывалась Бениславская, — : «Стойло» прогорело, продается с торгов, денег нам так и не дали, пришлось тратить госиздатовские — нужно было Кате, мне, домой в Рязанскую послать и долги...». Интересовалась 15 декабря 1924 г.: «Как у Вас там вообще дела денежные?» Успокаивала 25 декабря: «За нас не беспокойтесь. С деньгами устроим все. Вообще мы не пропадем. Живем вместе втроем на Никитской (я, Шура, Катя)». Писала Есенину 27 декабря 1924 г.: «Деньги не высылайте, устроимся сами и домой (Константиново) пошлем», затем 30 января 1925 г.: «С деньгами мы устроены, Вам сейчас послать не сможем, как у Вас там с ними? Нужны? Если нужны, напишите, устроимся и вышлем. Мне что-то кажется, что Вам нужны. Да? Пишите письмо (...) Домой деньги пошлем 2 февраля».

Эту заботу о себе Сергей Есенин ощущал постоянно. 6 марта 1925 года он писал Н. Вержбицкому: «Галя милая по-прежнему большой друг и большая заботница».

Особенно волновалась Галина за здоровье Есенина. Писала ему на Кавказ: «Сергей, дорогой, поберегите же Вы себя. У Вас плеврит, кровь, а Вы лечитесь?».

В свою очередь Есенин проявлял заботу о Бениславской и сестрах. 20 декабря 1924 года писал из Батума: «Деньги требуйте настоятельно. На эти деньги я для вас всех могу много интересных вещей сделать. Здесь очень дешево стоят материалы на костюмы. Чудные персидские и турецкие шали».

Квартира наполнялась шумом и весельем во время приезда Есенина. Все жильцы приобщались и втягивались в его частые встречи с друзьями. «Сергей приехал в Москву с Кавказа всего лишь на один месяц, — вспоминала А. А. Есенина, — но за этот месяц у нас перебивало столько людей, сколько к другому не придет и за год. В основном это были поэты и писатели, с которыми Сергей дружил последние годы: Петр Орешин, Всеволод Иванов, Борис Пильняк, Василий Наседкин, Иван Касаткин, Владимир Кириллов и многие-многие другие писатели, издатели, художники, артисты.

Вокруг Сергея всегда царил оживление. И вольно там или

невольно, но все окружающие его близкие люди довольно жили его интересами, а подчас и настроениями. Захотелось Сергею в театр, и все, кто был около него в эту минуту, охотно шли за ним. По вечерам у нас часто читались стихи, шли жаркие споры о литературе. Пелись хором песни.

Почти все песни, которые мы пели, были грустные, протяжные. Очень любил Сергей песню «Прощай, жизнь, радость моя...» и часто заставлял нас с сестрой петь ее. Была у него еще одна любимая песня — «Это было дело летнею порою...».

Знатоки и любители русской народной песни находились и среди наших гостей. Среди них выделялся своим глуховатым тенором Василий Наседкин. Как сейчас, вижу его, подперевшего щеку рукою, полузакрывшего глаза. И, как сейчас, слышу негромкую, полную то тревожной, то светлой печали песню оренбургских казаков «Молодка, молодка, молоденькая...».

Отношения Есенина и Бениславской хорошо были известны родителям поэта. Галина четыре раза ездила к ним в гости в Константиново. Ее встречали как сноху. Первый раз она близко познакомилась с родителями Сергея в июне 1924-го. Предварительно уехавшая в Константиново Екатерина писала Галине: «Приезжай на хутор, я буду там и все устрою как следует. Тащи Сергея на хутор. Купите аршин 20 марли, чтобы затянуть окна от комаров».

Поездка была удачной. О своих впечатлениях о пребывании в Константинове Галина после возвращения в Москву делилась с Катей 12 июля 1924 г.: «А хорошо было у вас. Такой хороший день был. Доехала я в Дивово в ½ часа. Дорога чудесная, а перепела и коростели чуть с ума не свели. Я ж люблю их очень. Утром была в Москве». В этот же день Бениславская уехала к Ане Назаровой в Дмитровскую Гору Тверской губернии. Оттуда написала Кате: «У нее-то хуже было, чем у вас; у них там «суета сует и томление духа» (помнишь, мы читали в Библии?). Там я только устала».

Вторая поездка совпала с наступающим Новым годом. 25 декабря 1924 г. выехали в Константиново втроем: Галя, Катя и Шура. «Милый, дорогой Сергей Александрович! — писала Бениславская Есенину на Кавказ. — Начала дома, не успела. Пишу с Рязанского вокзала, еду на 4 дня к Вам в Константиново. Не могу в Москве оставаться. Больно скучно, а там все же Вашим духом пахнет...».

Этот приезд совпал с переселением Есениных в новый дом, построенный на месте сгоревшей избы в августе 1921 года. В строительстве дома помощь Сергея Есенина была ощутимой. Галя спешит обрадовать его: «Константиново. Новый дом. 27 декабря 1924 г. Чуете, Сергей Александрович, откуда пишу! Небось и

невдомек! Ну да! Я сейчас сижу в Константинове, у Ваших в новом доме, только что пили чай, о Вас толковали. А хорошо здесь у Вас очень. Вчера Татьяна Федоровна песни вечером пела, а мы все на печь забрались и слушали. «Эх, прощай, жисть, радость моя». (...) Дом уже отстроен — сегодня перебрались в него совсем. Топим печь и лежанку — сейчас тихо, тепло. (...) Дом мне нравится: просторно, чисто. Правда, еще не кончены сени и т. д. Вид из окна прямо на луга за Окой — выстроили против церкви. До чего мне здесь нравится, если б Вы знали. Завтра надо возвращаться в Москву, а не хочется».

Бениславская прочитала новые присланные стихи Сергея родителям. Отцу очень понравились. «Хорошо стал писать, — сказал он, — а раньше имажинистом понять трудно было».

Екатерина писала брату 30 декабря 1924 года: «Знаешь, мы слушали, как поет мать и отец, вот хорошо-то, и я кой-где подпевала... (...) Мы все вместе, мать, отец, Галя, Шура и я, пели «Вечер черные брови насопил», больно уж нашим это стихотворение нравится, а матери больше всего понравилось «Русь советская». Она говорит, что ты уж больно складно писать умеешь».

Бениславскую радовало хорошее отношение родителей Есенина к ней. «Я тут окончательно за Катину сноху прослыла, — писала она Есенину. — Даже Ваша мать уже не дает бесславить меня: сегодня утром Катя и Шура заметили, что у меня зеленые глаза, и стали дразниться при ком-то из деревенских, ну и досталось им за это от Татьяны Федоровны».

Галина Бениславская и Екатерина Есенина

Не безоблачными были отношения Есенина и Бениславской с Екатериной, которая была на 10 лет моложе брата.

После окончания Константиновской четырехклассной школы Катя переехала в Москву к отцу и училась в частной гимназии на Маросейке. В 1918 г. частную гимназию закрыли. Екатерина вернулась в Константиново, продолжила обучение в 5-м классе сельской школы. Вступила в комсомол. С братом виделась во время его приездов в Константиново.

В 1922 году Катя переезжает в Москву для продолжения учебы в школе. Ей сняли комнату в Замоскворечье.

Познакомилась с Бениславской после задержания Есенина в милиции. «Вечером из школы я не пошла к себе, — вспоминала Е. А. Есенина, — а пошла к Сергею. Его все не было. Потом я нашла его в Богословском у Бениславской Галины Артуровны. Галя, как она называла себя, была молодая женщина. Одета она была в скромное шерстяное платье. Тяжелые две косы украшали ее голову. Большие глаза ее в рамке длинных изогнутых ресниц были прекрасны. Маленькой упругой рукой она на прощанье крепко пожала мне руку. «Ты теперь сюда приходи к Сергею», — сказала она».

После вселения Есенина Галина дала согласие и на переезд Кати. Она поняла, как много значит для Есенина семья и как сильно у него развито чувство кровного родства. «Нам пришлось жить втроем (я, Катя и Сергей Александрович) в одной маленькой комнате, — писала Г. Бениславская, — а с осени 1924 года прибавилась четвертая — Шурка». Есенин обожал своих сестер, постоянно проявлял заботу о них. «Ему доставляло удовольствие смотреть на Катю, — вспоминала А. А. Есенина, — когда она была хорошо одета. Он любил ее, а Катя в те годы была недурна собой, стройная, и внешностью ее Сергей был доволен».

Екатерина всегда была готова встать на защиту брата. В этом быстро убедилась не только Бениславская, но и ее подруги. Аня Назарова вспоминала первую встречу с Катей осенью 1923 года. Есенин решил отметить свой день рождения в «Стоиле Пегаса». Боялись, что на именинах Сергей опять напьется и начнет скандалить. Августа Миклашевская решила помочь. Договорилась с Есениным, что во время провозглашения тостов он будет только чокаться, а пить за него будет Миклашевская. Все шло хорошо, но неожиданно Надежда Вольпин стала рваться к Есенину, чтобы с

ним выпить. И тут Катя, неуклюжая, плохо одетая девочка, с кулаками бросилась на защиту Есенина от назойливых посягательств Надежды Вольпин.

Взрослея, Екатерина иногда проявляла свой характер, который вызывал неоднозначную оценку брата. Бениславская писала: «К Кате у Сергея Александровича была какая-то болезненная, тревожная любовь. Он знал, что они во многом похожи друг на друга, как близнецы, что воспринимают и чувствуют почти одинаково. Знал свои ошибки и страшно боялся повторения их Катей. Кроме того, он не раз говорил, что он имел право на многое, потому что знал себе цену, а ей этого нельзя. На мои утверждения (я тогда очень верила «в Катю», в ее одаренность и ум), что Катя умная, не раз говорил: «Нет, хитрая она. Все в ней — хитрость, а не ум. Я не такой — я все-таки хороший, а она все хитрит, хитрит». Разговорами о деньгах он хотел заставить ее задуматься о будущем и испытать ее гордость. Однажды после такого разговора с Катей, повторявшегося последние месяцы изо дня в день, он сказал мне: «Нет, нет, она не такая, как я, как Вы, как Шурка. Она — паразит».

Узнав, что Катя небрежно учится, С. Есенин пригрозил, что, если она не исправится, то он не будет ей материально помогать.

Екатерина заботилась о брате, нередко вытаскивала его из пьяных компаний. Была его доверенным лицом, занималась издательскими делами. «Я буду писать, а вы с Катей разговаривайте с редакциями, с издателями!» — говорил поэт Бениславской. «Твои поручения я понемногу исполняю: отдала стихи Грузинову, но только два («Рябина» и «Русь советская»), а третьего у меня нет. Ведь ты обещал ему еще «Сукин сын», но ничего не присылаешь», — писала Екатерина брату в сентябре 1924 году.

Узнав поближе Екатерину, Аня Назарова в своих воспоминаниях дала ей следующую характеристику: «Ее отношение к брату трудно определить. Любила ли она его. Да, любила. Но Есенину от этой любви мало проку было. Зная, что у Есенина нет денег, что он сам нуждается, она с видом оскорбленной королевы требовала их себе. Живя отдельно, тратя деньги без контроля, без учета — она привыкла их тратить, ни минуты не задумываясь над тем, что они не ее, что она на них не имеет право. Училась плохо, ленилась не только готовить уроки, но даже читать».

Галина по просьбе Сергея присматривала за Катей. Сохранилась записка от 21 декабря, в которой строго предупреждает девушку: «5 часов. Едем к Лине. Катя. Не уходи без нас — Шура тоже хочет пойти с тобой. Но если уйдешь —

чтоб в 12 ч. 30 м. была дома, иначе не прогневайся, напишу Сергею. Помни. Я обещание сдержу. Галя».

Угрозы в исполнение не приводились. Галина пыталась поддерживать с Катей самые теплые отношения, не скрывая никаких подробностей в своей личной жизни. Летом 1924 г. писала Екатерине в Константиново: «Милый Катенок, прости, что не писала, вернее, я написала тебе, но письмо положила в книгу и там не могла найти. Новостей никаких. Сергей в Питере. Собирается приехать в Москву. Рита тоже в Питере. Покровский каким-то образом узнал про Вольпин (ее родители распространяют это), и когда узнал, что Рита едет туда, расхохотался и говорит, что она тоже за «ребеночком» поехала. (...) Соскучилась я без Сергея очень, но видеть его «зимним» тяжело и боюсь. У меня скоро отпуск. Хочу взять аванс за два месяца и поехать в Крым».

17 сентября 1924 года Есенин отправил Екатерине письмо с множеством вопросов, настоятельно требуя: «Екатерина, пошли мне спешно письмо и опиши, что творится в Москве». Его интересовала развернувшаяся критика журнала «Красная новь» за идеологические ошибки, допущенные редактором А. К. Воронским, который в своей работе ориентировался на «попутчиков». Для усиления в редакцию был направлен Ф. Ф. Раскольников. От Кати подробного ответа Есенин не дождался. Она только предостерегала брата: «Никаких распоряжений за глаза не давай, Помни, ты козырная карта, которая решает участь игроков. Остерегайся».

Не очень разбираясь в сложной политической и общественной обстановке в стране, Екатерина, оберегая брата, уговаривала его не прерывать свое пребывание на Кавказе. «Потом мне что-то кажется, что ты думаешь ехать в Москву, — писала она. — Знаешь, лучше не езжай, потому здесь сейчас такая склока во всем, что упаси господи. Литературная братия все грызется из-за чего-то. Почти все друг на друга смотрят косо. Политики с ума сходят».

На заданные сестре вопросы пришлось ответить Бениславской: «Ну вот, Сергей Александрович, Вы просили Катю узнать, как вышло дело. Отвечу за нее». Писала письмо с оглядкой, прибегая к намекам, предупреждая Есенина не делать ничего сгоряча, но и не откладывать в долгий ящик. «Не решалась об этом писать по двум причинам. Первое и главное: была не уверена (да и сейчас не уверена тоже), что это письмо никто не сумеет прочесть прежде Вас, а следовательно, сумеет принять всякие контрмеры. Во-вторых, и «главное» — не хотелось нарушать Ваш отдых, тем более что не знаю, как Вы».

Екатерина вместе с Галиной Бениславской принимала участие в издании «Персидских мотивов». Есенин доверял ей получать свои гонорары. «Мне очень нужны деньги, — писал он А. Берзинь, — а посему я посылаю к Вам с этим письмом Екатерину. Помогите ей получить деньги, которые выписаны мне на субботу. Доверенность ей я прилагаю к сему письму». Во время пребывания на Кавказе писал Екатерине: «Для тебя я скоро пришлю стихи, продашь их Казину или Флеровскому, и с тебя пока хватит». Но иногда срывался, особенно при задержке денег. Телеграфировал Екатерине из Батума: «Ты думаешь или нет. Я сижу без денег», затем из Баку: «Болен денег денег Сергей».

С. Есенин следил за нравственностью сестры. Осуждал ее стремление влиться в богемную жизнь. Ругал, когда узнал, что она тайком начала курить в четырнадцатилетнем возрасте. Переживал, что Екатерина была свидетельницей его скандалов, особенно когда сестре иногда приходилось давать показания в милиции в защиту брата.

У Кати бытовало мнение, что Есенин хорошо зарабатывает, что она имеет полное право свободно распоряжаться его средствами. Г. Бениславская вспоминала: «Сколько раз я объясняла ей, что она никаких прав на его деньги и вещи не имеет и потому должна довольствоваться минимальным, что это преступление — сорит его деньгами. Что С. А. зарабатывает деньги не горбом, а потом и кровью. И если он сам может ими сорить, то никто, кроме него, не имеет этого права. Этого Катя никак не могла понять. Потому что с детских лет, вероятно, благодаря родителям усвоила совсем другие взгляды. И по-прежнему приходила, требовала денег и денег и даже в 20 лет не задумывалась: не пора ли самой начинать зарабатывать?».

Узнав, что Катя небрежно учится, Есенин стал резко и грубо ей выговаривать:

— Ты как думаешь, не пора ли на свои хлеба? А? Я тебе больше денег не стану давать. До осени живи, а там, пожалуйста, сами заботьтесь. Шурку я шесть лет буду учить и кормить, а тебе пора уж самой думать...

«Помню, как за полгода до смерти Сергея Александровича, — писала Г. Бениславская, — увидев, что Катя сознательно ушла в хитрость, что она наивно считает это главным в жизни, объяснил ей, что надо быть хорошей, что хитрость не цель, но есть другое — важнее хитрости. «Если есть у тебя что-то за душой — ты можешь, имеешь право хитрить и бороться. А так, ради существования, борется и хитрит только мразь».

После окончания школы в 1925 году Екатерина решила поступить на биологический факультет МГУ, но не прошла по

конкурсу и была зачислена вольным слушателем. Эта неудача огорчила С. А. Есенина.

— Выходи замуж за Наседкина, он тебя любит, а я вас всех не прокормлю, — советовал он сестре.

Екатерина не пошла против воли брата, 19 декабря 1925 г. она зарегистрировала свой брак с В. Наседкиным.

Уже после смерти С. Есенина Г. Бениславская откровенно высказала Екатерине свое мнение о ней:

«Пока ты росла, складывалась, кристаллизовалась — я, чувствуя все твои плохие качества, знала, что в тебе есть одаренность, что в твоей душе есть порывы, что ты сродни Сергею, с этой стороны, а не только со стороны слабостей.

Знаешь, как росток шиповника растет; есть на нем шипы, но это ничего, пока думаешь, что со временем он расцветет радостными яркими розами, но когда цветы распускаются, и на нем только пять лепестков, он пахнет, но никакая это не роза, а самый простой шиповник, делается смешно и грустно — а я-то ожидала Бог весть чего!

Вот так и с тобой, я ждала, во что ты расцветешь, старалась сберечь тебя, старалась развить в тебе все лепестки, много лепестков, а ты только шиповник и хорошо себя чувствуешь, цветя в грязной канаве, и немного тебе надо было, чтобы ты смирилась и согнула свою, «гордую когда-то» голову. Ты говоришь: «на время», а я не уверена, что это «время» не протянется все 20–30 лет твоей жизни, сейчас ты пошла на это и довольствуешься и вполне, в сущности, довольна сими малыми благами, а потом тоже будешь идти на уступки, понемногу одну за другой сдавая все свои мечты и замыслы в архив.

Ты, вероятно, виновата здесь только в одном: не зная себя, не зная своих сил, ты на словах обещала себе и другим быть героиней в жизненной борьбе и так быстро, и так жалко сдалась с первых же шагов. Видишь ли, это все умеют. Нет такой девушки, которая в 17–18 лет не строила бы себе свой образ по подобию Жанны д'Арк и т. д. И все, почти все, оказываются Наташами, Долли и прочими, им же имя легион.

А я думала, что ты не такая. Вот потому так больно. Вот почему я так обиделась на тебя и вот потому я стала относиться безразлично к твоей судьбе — товар оказался слабоватый, ну какой интерес. А понимаю я по-прежнему даже лучше — раньше твои слова я не раз принимала за поступки, а теперь знаю, где кончаются слова и где начинаются поступки. Я знаю, что тебе тоже грустно от этого, что тебе было теплей и легче, когда ты знала: когда ни приди ко мне — я всегда, как любящая старшая сестра, все пойму, разберусь и помогу тебе разобраться. Если,

быть может, я забуду тот облик Кати, который ты сама рисовала себе, мне и другим, если это забудется — требования к тебе снизятся до общего уровня, тогда я, может, буду с тобой по-прежнему просто...

Но помни, что у тебя недостатков больше, чем у обычных рядовых девушек, поэтому тебе больше надо иметь за душой, чтобы это окупить, чтобы тебя, я ли, кто другой, могли любить той хорошей любовью, без которой, ох, как трудно становится иногда жить. Эта теплота и сердечность больше всего нужны — без них никакой успех, никакие материальные блага не дадут настоящей радости. Ты будешь очаровывать внешне, с тобой будут любезны и приветливы, но в тяжелую минуту ты окажешься одна. А вспомни, как мы с тобой переносили все тревоги благодаря тому, что была эта простота, сердечность.

Ну вот, пока все. Целую крепко. Помни — меньше обещай себе и другим, больше делай. 2. VIII.26. Галя».

Галине жить оставалось четыре месяца. Екатерину ждала в будущем трудная жизнь, которую она с достоинством прожила.

Галина Бениславская и Александра Есенина

Маленькую Шуру в семье прозвали Купчихой, так как она носила хорошее зимнее пальто, новые валеночки, в наряде была похожа на купчиху. С раннего детства Александра любила петь русские народные песни.

Жизнь Александры в Константинове была скучной. Она вспоминала: «Жизнь у нас шла тихо и однообразно, особенно зимой. Рано ложились спать, рано вставали и принимались за те же дела, что и в предыдущие дни: топили печи, ухаживали за скотиной, убрали дом, носили воду. «Грустно стучали дни, словно дождь по железу...» Редко кто из соседей заходил к нам, еще реже мои родители ходили к кому-нибудь из них». Приезды брата Сергея были радостными событиями. Почти все свободное время он проводил с сестрами. «У Сергея я многому научилась, — вспоминала А. А. Есенина. — Он рано научил меня любить книги (...) Уезжая из деревни, он не брал с собой привезенные книги, и таким образом у нас дома собиралась своя библиотека, благодаря которой еще девочкой десяти-двенадцати лет я знала очень много стихов Некрасова, Никитина, Пушкина, Кольцова, Тютчева, Фета, Майкова и многих других».

С. Есенин хотел устроить Александру в балетную школу Дункан. Возможно, из-за того, что там был интернат. Этот замысел не был осуществлен. Осенью 1924 года Александра переехала из Константинова в Москву, стала учиться в школе. Г. Бениславская проявила заботу об устройстве Шуры в школу. 6 октября 1924 г. писала руководителю издательства «Современная Россия» Н. П. Савкину: «Николай Петрович! Непременно принесите удостоверение о том, что С. Есенин — сотрудник издательства «Современная Россия», и укажите, сколько получает (15–20 червонцев), — это надо, чтобы отдать Шуру в школу. Без этого ее не принимают. Сделайте сегодня же? Ладно? Бениславская».

Г. Бениславская тепло ее приняла. «Вам надо устроиться: уют, и свой уют, — великая вещь, — писала она 15 декабря 1924 г. Сергею Есенину в Батуми. — Я знаете, почему это поняла? Из-за Шурки. С тех пор, как она с нами на Никитской, у нас стало очень хорошо: т. е. не внешне, а так — дома хорошо. Она, как это бывает с детьми, внесла уют в нашу жизнь. У нас сейчас по-семейному как-то стало. Бродяжить перестали. Даже я в рамки совсем почти вошла, остепенилась. А Шурка какая славная. Я и

сама не знаю, как это получилось — но я ее очень люблю. Она ходит в школу, я с ней арифметикой даже занималась, но теперь она уже нагнала класс. И вообще она не неспособная, ерунду кто-то на вас говорил. Очень смышленная, но рассеянная.

Шура помогала Галине наладить уют в комнате. «Зимой 1924 года из Ленинграда к Гале приезжала в гости ее тетя — Нина Поликарповна, у которой Галя воспитывалась, — вспоминала А. А. Есенина. — Нина Поликарповна привезла в подарок Гале деревянную коробку, которую в детстве Галя очень любила и называла ее «Мечта». Коробка эта была очень красивая, на верхней крышке и по бокам ее были выжжены и раскрашены зимние деревенские пейзажи и мчащаяся лихая тройка, а внутри она была обтянута красным атласом. Кроме этой коробки Нина Поликарповна подарила Гале старинную тюлевую штору и маленький пузатый самовар.

Все эти вещи намгодились. Коробку приспособили под косметические принадлежности, а когда (...) Сергей приехал с Кавказа, из этого самовара мы пили чай, так как у нас не было большого чайника».

Шура отличалась стремлением наводить в доме порядок. Галина писала в Ленинград поэту Эрлиху: «Живем «тихой семейной жизнью» — с нами ведь Шурка — потому так хорошо стало. Она у нас строгая и порядок любит. Ей-же-ей, хорошо у нас, нам, по крайней мере». Шура неодобрительно относилась к курильщикам. Однажды нарисовала на листке свинью во весь рост в профиль с подписью: «Вы заслужили название этого животного». На свинье коричневыми буквами вывела «ВИЭ», то есть В. И. Эрлих. К рисунку приложила записку из календаря: «Чем дышат курильщики. При выкуривании 20 штук папирос в день вдыхается, кроме ядовитых смол, сероводорода и угля, следующие ядовитые вещества: 0,09 гр. никотина, 0,011 гр. пиридованных оснований, 0,032 гр. аммиака, 0,0006 гр. анилиновой кислоты, 369 куб. см. окиси углерода (угарный газ)». Г. Бениславская, сама заядлая курильщица, написала сверху рисунка Шуры: «От Шуры в назидание!».

С. Есенин заботился о сестре. Зная, что Александра приедет из деревни в старой одежде, он из Тифлиса напоминал Г. Бениславской: «Успокойте Шуру, купите ей сапоги и шубу». Гордился ее успехами. Шура однажды перевела на листы бумаги картинки из книг. Когда же она пришла из школы, то увидела, что ее рисунки были прикреплены к шарфу, висевшему на двери, а рядом висел лист, на котором Сергей Есенин карандашом написал: «Выставка А. Есениной», а ниже на другом листе дописано: «Все продано!».

С. Есенин хотел, чтобы Шура научилась играть на гармошке. На одной из рукописей Г. Бениславская записала: «Гонорар за это — Шурке купить гармонию. Это обязательно. Сергей хотел, чтобы она играла на гармонии. 13/IX — 26».

«Бывали случаи, — вспоминала А. А. Есенина, — когда Галя приносила домой из редакции «Бедноты», где она работала, много писем, присланных читателями. «Беднота» была ежедневной крестьянской газетой, которая доступным языком доводила до широких крестьянских масс новые политические вопросы, касающиеся перестройки деревни, широко освещала все нужды и запросы крестьян, завоевала к себе большое уважение и доверие и получала от читателей массу писем. Писем и отделов, в которые они направлялись, было так много, что разместить их на столе было трудно, и Галя обычно располагалась с ними на полу, а я с удовольствием помогала ей читать их. Прочитав письмо, я коротко рассказывала Гале содержание его, и она красным или синим карандашом в верхнем углу письма ставила номер отдела, в который оно направлялось».

В сентябре 1925 г. С. Есенин написал 4 стихотворения, которые посвятил Александре.

С. Есенин писал отцу: «Беспокоюсь только о Шуре. Из нее что-нибудь выйдет». Он оплачивал школьное обучение Александры. Своим друзьям хвалил младшую сестру: «Она у меня золотой человек». С восторгом говорил о ее способностях, о любви к литературе. Он оберегал Александру. По его совету от нее, а ей было уже 14 лет, скрывали многие неприятности. «Милый Шуренок, — писал ей. — Я обиделся, что ты ушла. Позвони мне, родная. Твой Сергей. Люблю, люблю».

Смерть С. Есенина отразилась на беспечной жизни Александры. Очередным ударом для нее явилось самоубийство Г. А. Бениславской. Александра унаследовала ее скромную домашнюю утварь, костюм Есенина и его мундштук. В дальнейшем свято берегла семейные реликвии. Большую часть вещей А... А. Есенина передала в Пушкинский Дом в Ленинграде и в Рязанский краеведческий музей.

Новогодняя любовная эпопея

Встреча Нового, 1925 года не сулила Бениславской ничего хорошего. Она опять оказалась в одиночестве, если не считать домашнего общения с сестрами Сергея Есенина. Любимый был далеко на Кавказе. Иногда присылал телеграммы, которые, по всей видимости, писал в подпитии, так как содержание порой невозможно было понять. В середине декабря почтальон принес телеграмму: «Подтвердите адрес Батум отделение Заря Востока получение четырехсот осталось Батуме получения денег». Галина вынуждена была запрашивать: «Что это значит? Что подтвердить: получение адреса?». Правда, сам Есенин уже понял допущенную ошибку и 17 декабря писал: «Мне выслали из Армении 400 руб. Куда они попали, я не знаю. Я собирался в Москву и дал адрес Ваш, но потом я их предупредил, что не еду, и дал адрес другой. Не знаю, куда они попали. Если попадут к Вам, направьте ко мне». 20 декабря уточнил: «Деньги мои пришли. Так что беспокоил Вас напрасно».

Галину тревожило состояние здоровья Есенина, хотя в письмах тот бодро сообщал, что у него творческий подъем. При этом не скрывал своего одиночества. «Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей», — писал поэт, а порой умолял: «Ради Бога не будьте миражом Вы. Это моя последняя ставка, и самая глубокая...» Легко было догадаться, что Есенин пытается этими словами скрыть свое тревожное душевное состояние. Галина скептически относилась к наигранному есенинскому тону, когда он писал о себе: «Увлечений нет. Один. Один. Хотя за мной тут бабы гоняются. Как же? Поэт ведь. Да какой еще, известный. Все это смешно и глупо».

На любовные похождения Есенина старалась не обращать внимания, но и не была к ним равнодушной. Знала, что Екатерина получила из Батуми открытку, на которой С. Есенин сфотографировался вдвоем с Ольгой Кобцевой.

До нее доходили ходившие по Москве самые невероятные слухи о различных эпизодах кавказской жизни поэта. Яна Козловская рассказала ей, а затем написала С. Есенину: «Рассказывал вчера Касаткин, что его приятелю снилось, что Вы на Кавказе увлекли жену кавказца, и это стоило Вам жизни, т. е. кавказец сей насквозь проткнул Вас ножом». Анна Берзинь не на шутку обеспокоилась новым любовным увлечением Есенина, которому пришлось оправдываться: «С чего это распустили слухи, что я женился? Вот курьез! Это было совсем смешно (один раз в ресторане я встретил знакомых тифлисцев). Я сидел просто с

приятелями. Когда меня спросили, что это за женщина, я ответил: «Моя жена. Нравится?» — «Да, у тебя губа не дура». Вот только и было, а на самом деле сидела просто надоедливая девчонка — мне и Повицкому, с которой мы даже не встречаемся теперь».

О многом Галина была в курсе, но понимала, что пребывание Есенина на Кавказе спасает его не только от судебного преследования в Москве, но и создает благоприятные условия для творчества. В Москве он опять окажется в окружении собутыльников, вновь будет попадать в различные неприятные истории. Искренне просила из Константинова, навестив родителей поэта: «Только в Москву не надо приезжать сейчас: скука там, болото, сплетни, слухи. И зима».

Перед Новым годом и представить не могла, что ей еще раз придется подвергнуть свои чувства к Есенину серьезному испытанию. Проверкой оказалось неожиданно вспыхнувшее сильное влечение к Л. В жизни Бениславской это самая загадочная личность, о котором даже ближайшие подруги ничего не знали. Сама любовная новогодняя эпопея пронеслась быстро и головокружительно. Страсть была сильнее ее воли и рассудка. Встретилась с Л. в предновогодний вечер случайно. Вспыхнувшее влечение друг к другу захватило обоих. Через некоторое время после знакомства им казалось, что они давно и хорошо знают друг друга. Затем было чудесное застолье в ресторане, завершившееся страстной ночью. И все совершалось без какого-то угрызения совести, без самобичевания и оглядок на окружающих. Бениславская доверяла Л. безоговорочно. Она со всей полнотой почувствовала себя любимой женщиной, которая очень дорога и нужна любимому мужчине, о котором она знала немного из его рассказов, но этого было достаточно для искренних и теплых отношений. Проявленные чувства Л. для Галины казались своеобразным эталоном любви к ней мужчин. За короткий период она получила от него то, что не смогли дать ей другие мужчины. В ее памяти он остался как Л., а этой буквой она обычно обозначала в письмах слово «любовь».

О своем новогоднем любовном порыве Бениславская никому не рассказывала. Нет сведений о таинственном Л., как в ее письмах подругам, так и в письмах подруг к ней. Доверила только дневнику, полностью не расшифровывая имя и фамилию. Записала: «Единственная измена — Л. Этой зимой я поняла, что если Сергея я люблю больше всех, больше, чем себя самое, то все же к Л. у меня не только страсть. Боже мой, ведь Сергей должен был верить мне и хоть немного дорожить мной, я знаю — другой такой, любившей Сергея не для себя самой, другой он не найдет; и Сергей не верил, швырялся мной. И если я не смогла отдать

Сергею все совсем, если я себя как женщину не смогла бросить ему под ноги, не смогла сломать свою гордость до конца — то разве ж можно было требовать это от меня, ничего не давая мне? А Л. не имел никаких причин верить мне, было все, за что он мог только плохо относиться ко мне, и он все же ничем не оскорбил меня. Там, где меньше всего ожидала, — там нашла. Ведь с Л. я могла быть самой собой, настоящей, не ломая себя. Ведь мало не лгать, только тогда хорошо, когда можно говорить всю правду прямо. Л. я могла говорить. Я вот сейчас вспоминаю, и мне приятно и хорошо — здесь я была правдивой до конца. И даже гордость Л. не помешала этому. «Спасибо, спасибо», — хотелось сказать ему тогда, в последнюю встречу».

Эту встречу с Л. Галина не могла забыть. В последние месяцы своей жизни она вспоминала: «Я рада встрече с Л. Это единственный, кто дал мне почувствовать радость, и не только физически, радость быть любимой. Ведь Покровский — это самообман. Мне нужен был самообман, я внушала себе и всем, что я должна была скрывать от Сергея, я могла давать волю с Покровским. И только Л. был настоящим. Мне и сейчас дорого то безрассудство. Но это все равно».

Когда Галина после бурно проведенного времени с Л. вернулась домой, то встретила удивленный и настороженный взгляд Екатерины, догадавшей обо всем. Эта встреча с сестрой Есенина заставила Бениславскую очнуться, расстаться с любовными грезами, возвратиться в обычный быт коммунальной квартиры.

Не стала рассказывать Екатерине, кто такой Л., где и как они познакомились. Она считала, что об этом никто не должен знать. Готова была вытерпеть все что угодно, даже если об этом узнает Сергей. К объяснению с ним она была готова. Сказала Кате, что решила сама рассказать Есенину об этой новогодней истории, ничего не скрывая. Неожиданно 19-летняя Екатерина, которая была свидетельницей любовных встреч брата с Ритой Лившиц, стала ее убеждать, что лучше об этом не только Сергею, но и другим не рассказывать, сохранить в тайне. В свою очередь, Катя обещала хранить полное молчание и предать эту историю забвению. Галина успокоила ее, неожиданно сообщив, что она больше с Л. никогда встречаться не будет. Это ее решение было окончательным. В дневнике Бениславская записала: «Единственное сильное чувство, очень бурно и необузданно вспыхнувшее к Л., я оборвала сама».

Галина не стала оправдываться, но позже попыталась объяснить Екатерине в одном из последних ей писем. «Ты помнишь и знаешь всю прежнюю канитель, — писала она. —

Миклашевская — Покровский, я ему «как женщина» не нравлюсь и прочее. Дела и грехи в равной мере. Потом история с Ритой, когда я уходила из дома, чтоб не мешать им. Летняя история, когда я была в Крыму и когда я с такой тоской ждала его там, засыпая тебя письмами. Ты знаешь, что я не из тех женщин, которые с блаженной улыбкой позволяют собой швыряться. Во всех экспериментах Сергея я защищалась, как могла, стараясь при этом по мере возможности не делать ему больно. Ты знаешь, что только при такой любви как к нему я могла так кротко относиться ко всему. Но себя как женщину я считаю свободной. Я всегда считала, что надо быть жалким существом и дурой, чтобы блюсти ненужную ему (по его же словам) верность и ждать как подачки его ласки. Душой я всегда была его. В остальном я тоже могла быть только его, даже в том случае, если бы он изменял мне, но не унижая меня, не швыряясь мною».

Постепенно все, связанное с Л., отдалилось и стало казаться чудесным сном. Бениславская, трезво оценивая случившееся, еще больше убеждалась, что ее дальнейшая жизнь без С. Есенина невозможна, какой бы сложной и трудной она ни была.

Стала отправлять на Кавказ письма, которые начинались словами: «Солнышко мое, родной Сергей Александрович! Что же Вы? Опять спрятались? С 1 января и до 21 — ни слова. Почему?». Не получив ответа, вновь пишет: «Солнышко мое, Сергей Александрович! Где же письма? Одна записка — и все». Письма заканчивались заверениями: «Крепко люблю и целую. Галя. Соскучилась я без Вас очень».

Когда приехал Есенин, то Бениславская промолчала о своем кратковременном романе с Л., объясняя свое состояние общими словами: «раньше было все равно, а теперь уже не та». О том, что не рассказала всю правду, она не могла в дальнейшем простить себе. После смерти С. Есенина написала Екатерине: «Между прочим, единственное, что мне больно то, что я послушалась твоих уговоров и не рассказала все полностью, как и что было, а только отделалась той фразой. Это единственное, в чем я чувствую себя немного виноватой, но только в том, что не сказала, а не в том, что сделала, повторяю, я считаю, что тогда я была вольна в своих действиях. Единственное, что я оберегала, это Шурку, тебя же и оберегать было бы смешно, т. к. ты, слава Богу, приключения с Ритой еще раньше видела».

Попытка разгадать, кто скрывается за литерой «Л», пока не увенчалась успехом. Английская исследовательница творчества С. Есенина Д. Дейвис предполагала, что под инициалом Л. зашифрован Лев Осипович Повицкий (1885–1947), журналист, бывший политкаторжанин, знакомый Есенина и Мариенгофа.

Однако зимой 1924/1925 года он находился на Кавказе, работал фельетонистом газеты «Трудовой Батум», встречался с Есениным.

Предположение, что это, возможно, был Лев Седов (1903–1938), сын всесильного в то время Л. Троцкого, также не имеет убедительных доказательств. По предположению А. А. Есениной, о котором сообщила ее дочь Т.П. Флор-Есенина, «последними каплями, переполнившими нервную систему Гали, был все же несостоявшийся брак с сыном Троцкого и раздел есенинского наследия, в котором она оказалась ни при чем».

Нужно согласиться с мнением Н. И. Шубниковой-Гусевой, что «достаточно убедительного подтверждения версии о Л. Седове как о любовнике Бениславской пока не найдено, тем более что и вторая причина (раздел наследства поэта, в котором Бениславская не принимала участия) не соответствовала действительности. Имя человека, крытого под инициалом Л. в воспоминаниях Бениславской в ее Дневнике, которого Галя называла «настоящим», до сих пор остается загадкой».

Не к неизвестному Л. приревновал Бениславскую Есенин. Он был уверен, что Галина продолжала изменять ему с С. Покровским.

Узнав о возобновившихся встречах Бениславской с ним, поэт не стал проявлять сцены ревности, а пришел к выводу, что он не должен мешать счастью женщины, которую уже не любит. С. Есенин переживал уход от Бениславской, но ничего с собой поделать не мог. Гордость руководила его поступками.

Софья Толстая

Бениславская понимала, что ее мечта о создании для Есенина спокойного семейного быта не сбылась. Она жаждала большой любви, но не знала, как за нее бороться. Сергей Есенин беспощадно рубил связывающие их нити. В присутствии сестры Екатерины он рассуждал:

— Галя. Вы очень хорошая. Вы самый близкий, самый лучший друг мне. Но я не люблю вас как женщину. Вам надо было родиться мужчиной. У вас мужской характер и мужское мышление.

Длинные ресницы Гали на минуту закрывали глаза, но, улыбнувшись, она отвечала:

— Сергей Александрович, я не посягаю на вашу свободу, и нечего вам беспокоиться.

Она с большим трудом переносила подобные есенинские слова.

21 марта, уходя из квартиры, Есенин написал Гале записку: «Милая Галя! Вы мне близки как друг. Но я Вас нисколько не люблю как женщину. С. Есенин». Бениславская не стала устраивать по этому поводу сцен, даже не порвала оскорбляющую ее записку. Она это расценила как очередной необдуманный шаг Есенина, который совсем недавно из Батуми писал ей: «Может быть, в мире все мираж, и мы только кажемся друг другу. Ради бога не будьте миражем Вы. Это моя последняя ставка, и самая глубокая. Дорогая, делайте все так, как найдете сами... Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра».

Миражом оказался сам Есенин.

«Все изменилось в марте 1925 г., после приезда его с Кавказа, — писала Г. Бениславская. — Я больше не могла выдумывать себе увлечения, ломать себя, тогда как я знала, что по-настоящему я люблю только С. А. и никого больше». Серьезные изменения были связаны с появлением Софьи Толстой, внучки великого русского классика.

9 марта на квартире Бениславской в кругу близких друзей отмечали ее день крещения. Были приглашены Всеволод Иванов, Виктор Ключарев, Илья Ионов, Василий Казин, Мария Шкапская, Борис Пильняк, Софья Толстая и др. На этом вечере состоялась первая встреча С. Есенина с С. А. Толстой, о чем свидетельствует запись Софьи Андреевны в ее настольном календаре 1925 года: «9 марта. Понедельник . Первая встреча с Есениным» .

«На квартире у Гали Бениславской, в Брюсовском

переулке, — вспоминала С. А. Толстая, — где одно время жили Есенин и его сестра Катя, как-то собрались писатели, друзья и товарищи Сергея и Гали. Был приглашен и Борис Пильняк, вместе с ним пришла я. Нас познакомили. Пильняку куда-то надо было попасть еще в тот вечер, и он ушел раньше. Я же осталась. Засиделись мы допоздна. Чувствовала я себя весь вечер как-то особенно радостно и легко. Мы разговорились с Галей Бениславской и с сестрой Сергея Катей. Наконец я стала собираться. Было очень поздно. Решили, что Есенин пойдет меня провожать. Мы вышли с ним вместе на улицу и долго бродили по ночной Москве... Эта встреча и решила мою судьбу...».

Не известно, о чем С. Есенин во время проводов разговаривал С. Толстой, но ее будущая жизнь сильно изменилась. Уже на первом продолжительном свидании поэт предложил Софье Андреевне руку и сердце. Предложение было принято. Софья Толстая дала согласие стать его невестой. Ее не пугали разговоры о сложном характере поэта, она скептически отнеслась к рассказам о любовных его связях. Ее никто не мог остановить.

А. Берзинь была свидетельницей необычных сцен завязавшегося романа. Как-то ей пришлось побывать на одном из застолий в квартире Бениславской. «Галина Артуровна то и дело встает и выходит по хозяйским делам на кухню, — вспоминала она. — Она вся в движении. Шура, Катя, Сергей поют под баяны, но Сергей поет с перерывами, смолкая, он бессильно откидывается на спинку дивана, опять выпрямляется и опять поет. Лицо у него бледное, губы он закусывает — это показывает очень сильную степень опьянения. Я поворачиваюсь к Софье Андреевне и спрашиваю:

— Вы действительно собираетесь за него замуж?

Она очень спокойна, ее не шокирует гам, царящий в комнате.

— Да, у нас вопрос решен, — отвечает она и прямо смотрит на меня.

— Вы же видите, он совсем невменяемый. Разве ему время жениться, его в больницу надо положить. Лечить его надо.

— Я уверена, — отвечает Софья Андреевна, — что мне удастся удержать его от пьянства.

— Вы давно его знаете? — задаю я опять вопрос.

— А разве это играет какую-нибудь роль? — Глаза ее глядят несколько недоуменно. — Разве надо обязательно долго знать человека, чтобы полюбить его?

— Полюбить, — тяну я, — ладно полюбить, а вот выйти замуж — это другое дело...

Она слегка пожимает плечами, потом встает и подходит к откинувшемуся на спинку дивана Сергею. Она наклоняется и

нежно проводит рукой по его лбу. Он, не открывая глаз, отстраняет ее руку и что-то бормочет. Она опять проводит рукой по его лбу, и он, открыв глаза, зло смотрит на нее, опять отбрасывает руку и добавляет нецензурную фразу.

Она спокойно отходит от него и садится на свое место, как ни в чем не бывало.

— Вот видите, разве можно за него замуж идти, если он невесту материт, — говорю я.

И она опять спокойно отвечает:

— Он очень сильно пьян и не понимает, что делает.

— А он редко бывает трезвым...

— Ничего, он перестанет пить, я в этом уверена. Она действительно, кажется, в этом уверена.

Анна Берзинь могла и не знать в то время, что между Есениным и Бениславской, которую поэт до этого представлял друзьям как свою гражданскую жену, уже не было былой близости, а встреча поэта с Софьей Толстой окончательно разорвала его интимную связь с Галиной.

Берзинь растерянно поднимается из-за стола и, взяв Бениславскую за руку, выходит с ней в коридор.

— В чем дело, Галя, я ничего не понимаю...

У нее жалкая улыбка.

— Что ж тут не понимать? Сергей собирается жениться. Он же сказал тебе об этом...

— Ты же знаешь, что Сергей болен, какая же тут свадьба?

Она устало машет рукой, и в ее глазах видна боль и мука:

— Пусть женится, не отговаривай, может быть, она поможет, и он перестанет пить...

— Ты в это веришь, Галя?

Она утвердительно кивает головой.

26 марта Софья Толстая уже на правах близкого друга присутствовала на прощальном вечере Сергея Есенина на квартире Галины Бениславской. «Дорогая, представьте себе такую картину, — писала С. А. Толстая в Ленинград поэтессе М. Шкапской, — Вы помните эту белую длинную комнату, яркий электрический свет, на столе груды хлеба с колбасой, водка, вино. На диване в ряд, с серьезными лицами — три гармониста — играют все — много, громко и прекрасно. Людей немного. Все пьяно. Стены качаются, что-то стучит в голове. (...) Сажу на диване и на коленях у меня пьяная, золотая, милая голова. Руки целует, и такие слова — нежные и трогательные. А потом вскочит и начинает плясать. Вы знаете, когда он становился и скидывал голову — можете ли Вы себе представить, что Сергей был почти прекрасен. Милая, милая, если бы Вы знали, как я глаза свои

тушила! А потом опять ко мне бросался. И так всю ночь. Но ни разу ни одного нехорошего жеста, ни одного поцелуя. А ведь пьяный и желающий. Ну, скажите, что он удивительный!».

Выехав на Кавказ, Есенин в первом письме в Москву 8 апреля просит Г. Бениславскую: «Позвоните Толстой, что я ее помню». В начале мая 1925 г. С. Есенин вновь напоминает Галине: «Позвоните Толстой, пусть напишет».

Бениславская просьбу Есенина выполнила. «Толстой звонила, передала, — ответила она 4 мая. — На днях увижу ее. Она обрадовалась и удивилась — отчего же Вы ей не напишете».

Галина не была уверена в серьезности намерений Есенина. Она считала это очередным легким флиртом поэта. Письмо заканчивала словами: «Ну, целую Вас. Всегда Ваша и всегда люблю Вас». Затем не удержалась и дописала: «Моя просьба к Вам: не говорите ни с кем обо мне — ни хорошего, ни плохого: никак не говорите. Я-то сама знаю все, но чтобы не приходилось с дураками разговаривать, отмахиваться от них. И потом это для Вас же не надо. А мне просто — чтоб мусору не было. Есть ли я, или нет меня, и какая я — Вы это знаете, а остальным не надо. Хорошо?».

Поездка в Константиново

Возвратившись в Москву, С. Есенин приближал к успешному концу свой роман с С. Толстой, продолжая по-прежнему жить у Бениславской.

В начале июля в Москву приехал Василий Иванович Болдовкин, младший брат П. И. Чагина, с которым Есенин подружился в Баку. Еще один повод для очередной выпивки.

«В отдельные дни, — вспоминал В. Болдовкин, — когда мне приходилось бросать Сергея и уходить по своим делам, Сергей приходил домой изрядно выпивши. Порой дома были и скандалы. Сколько трудов стоило Гале и соседке ее Соне (фамилию не помню) утихомирить Сергея. Сергей ругал Катю, чтобы она поменьше встречалась с Ив. Приблудным.

— Он тебе не пара, смотри, в машинистки отдам, — часто слышались окрики Сергея».

Неожиданно из Константинова приехали два двоюродных брата Сергея. Один из них, Иван Ерошин, собирался 6 июня сыграть свадьбу с размахом.

— Приезжайте все, чем больше людей, тем лучше, — уговаривали братья. — Лошадей вам вышлем на станцию, штук пять троек, быстро докатите к нам.

После двухдневных уговоров решили ехать в Константиново группой, пригласив Василия Болдовкина и бакинского журналиста Константина Мурана.

— Увидишь моего деда, Вася, — шумно объяснял Есенин, — которому я прислал из Батума письмо. Занятный старик.

Согласилась поехать со всеми и Галина.

Место сбора Сергей определил пивную на Сретенке. Перед отъездом решили перекусить и пива попить, пока все соберутся. Подошла одна пара — один рыжий и с ним молодая женщина. Они извинились, что не могут поехать. Другие подходили с большими корзинками, наполненными продуктами из гастрономических магазинов. Василий Наседкин взял на себя обязанность достать билеты. Разъяснил, что поезд отходит с Казанского вокзала, просил не опаздывать. Сахаров обратился к официантке:

— Леля, бросайте своих раков, поедemте с нами на свадьбу, после праздника приедем.

Уговаривали недолго. Вызвали такси. На вокзале встречал озабоченный Наседкин. Он смог достать билеты на товарно-пассажирский поезд в товарном вагоне, в котором стояли только скамейки. Спорить и выражать недовольство никто не стал.

Шумно залезли в вагон. Вскоре раздался третий звонок.

Вечером зажгли в вагоне толстые железнодорожные свечи. Через некоторое время запели песни. Запевалой был Василий Наседкин. В полумраке с какой-то горечью и надрывом загремела в вагоне гармонь, и все подхватили:

Что-то солнышко не светит,
Над головушкой туман.
Или пуля в сердце метит,
Или близок трибунал.

Еще с большим надрывом раздавался припев:

Эх, доля-неволя, глухая тоска,
Долина, осина, могила темна.

В. Болдовкин с удивлением замечал, как песня уносилась в даль русских просторов, которых он давно не видел, длительное время работая на Кавказе. Понравившуюся песню повторяли, звонкий голос Наседкина вновь и вновь запевал ее, Сергей же с большой задушевностью вторил ему, а за ним уже и все подхватывали. Самодеятельный хор звучал мощно и согласно.

С песней доехали до станции Дивово, темной, грязной, неприветливой от прошедшего большого дождя. Весь день ехали без еды, поэтому бросились все в чайную перекусить. Земляки тепло встречают Сергея. Подошли константиновские парни, навеселе, балагурят:

— Долго ждать приказали. Вы пока здесь перекусите, а мы будем запрягать. Два часа ждем, пришлось лошадей распрячь, подкормить. Как малость подзаправитесь, так и поедем.

Выехали в непогоду. Дождь не прекращался. Ехали по полям в темноте по грязной дороге. Укрывались чем только можно, вытаскивая половики из-под ног, чтобы спастись от холода и дождя. С нетерпением ждали Константиново. Наконец, после трех часов пути, послышался собачий лай, появились силуэты деревьев. Остановились у нового дома Есениных. Просторная комната освещена горячей лампой «молния». К Сергею с радостными возгласами «Приехал!» подошли отец, мать, сестра Шура.

Время позднее. Татьяна Федоровна после небольшого ужина разместила девушек и Сергея в комнате нового дома, а всех остальных отвела в старую избу, где на полу во всю комнату было наложено сено, прикрытое белыми простынями и наволочками.

— Ну, размещайтесь у нас как можете.

Сахаров быстрее всех ориентировался и начал определять

места.

— А ты что пришла сюда? — обратилась Татьяна Федоровна к Леле.

Сахаров вместо сконфуженной Лели быстро ответил:

— Она с нами, а то в доме она стесняется, а здесь ей удобнее будет.

— Ну, ну, смотрите, неволить никого не буду.

Оставив фонарь и пожелав доброй ночи, она ушла. Долго размещались, шутили, но постепенно шум голосов утих, кто-то повернул фонарь, и все заснуло.

Перед рассветом вновь пошел дождь. Было холодно и сыро. Приведя себя в порядок, гости зашли в дом, где уже гремела гармошка, был заставлен стол дымящейся картошкой, драченами, шумел самовар.

Подходили любопытствующие соседи. Сергей представляет гостей односельчанам под различными вымышленными именами. Василия Болдовкина назвал персидским посланником, а бакинца Мурана — Мураловым. В доме не умолкал смех, все замечали довольные лица отца и матери, хлопчущих около гостей и неоднократно целующих и обнимающих Сергея.

— Дедушка, — кричит Сергей, — я ведь тебе написал письмо из Батума, читали тебе его?

— А как же, — шамкает с печи дед, — читали.

— А что же ты не приехал в Батум?

— Письмо-то письмом, хорошее письмо, а вот насчет приезда ты не совсем продумал. Ты бы, Сергей, денег прислал на дорогу. Нужно было тебе его немного продолжить, а прислал бы денег, может, и приехал бы.

Благообразное лицо деда просияло хитренькой улыбкой, исчезнувшей в бороде.

— Да где уж, Сергунь, поехать, здесь с печи слезть мочи нет.

— Ну ты, дедушка, не обижайся, что я не додумался прислать тебе деньги. Ведь ты знаешь, я для тебя ничего не пожалею, ни денег, ничего.

— Сергунь, дай мне сорок копеек на баню, восемь лет не парился.

Сергей пошарил в своих карманах, но, увы, к сожалению, в них ничего не было, и он сконфуженно проговорил:

— Дедушка, нет при себе, боюсь, потеряю.

Есенин продолжал шутить с гостями. Некоторые уже встали из-за стола, кое-кто ушел гулять на улицу. Ушли и гости из Москвы. Василий Болдовкин пожаловался на боль в ноге и возвратился в дом. В хате было убрано... За столом сидели Сергей и его дядя, который принес с собой жбан самогона. Под образами

гармонист еле-эле перебирает пальцами. Дед и отец лежат на печи. Они с напряжением смотрят на дядю и Сергея, стараясь уловить их разговор. Прилег отдохнуть и Василий, непроизвольно оказавшись свидетелем разговора Сергея с дядей, который настойчиво просил у него десять тысяч под расписку, чтобы открыть какое-то прибыльное дело. Под этот разговор Василий заснул. Позже вспоминал:

«Проснулся я уже в послеобеденное время, часов около пяти. Хмурое, серое небо смотрело в окна, на дворе моросил дождь. Хорошо было лежать у теплой печки. На полатах, прямо надо мной, несильно похрапывали дед и отец Сергея. Рядом со мной на кровати, столкнув меня к стене, крепко обняв меня, спал Сергей. В комнате было тихо, все убрано. Хотелось встать, но боязнь разбудить Сергея не давала мне подняться. Я подумал о товарищах: неужели они все в такую погоду гуляют у речки? Мои мысли прервала мать:

— Что, проснулись? А за вами приходили ваши товарищи и девочки наши, они у соседей, я уж не велела будить-то, и Сергею нужно отдохнуть, всю ночь, поди не спали, да и гость этот (это она про дядюшку), ух, шельма, еле убрался. Паук он, из... По правде сказать, не любим мы его. Вот привязался: дай, Сергей, ему 10 000 рублей, он дело вздумал расширять, да что говорит-то Сергей: «Я, говорит, на вексель согласен». Они, эти векселя-то, учитываются?

— Учитываются, мамаша.

— Да, да, — говорит, — я его учту, вексель-то.

— Ну, что, Сергей подписал?

— Упаси бог, нет, не подписал. Уж Сергею и отец моргает, и дед руками махал. Сказать-то нельзя, дядя-то обидится, а ведь как-никак родня. Да и Сергея-то мне жалко. Слабый он, всех жалеет, только себя не жалеет, пьет много, а ведь ему это нельзя, и голос пропал, хрипит. При вас-то, Василий Иванович, он стесняется, уж вы ему очень гожи. Он ночью-то, как вы приехали, много о вас рассказывал, про Персию говорил и про брата вашего. Говорил: вот старикам бы вашим в деревне у нас пожить. В это лето он опять к вам собирается: море, говорит, у вас хорошее. Ну а мы здесь перебиваемся, тоже ведь и недостатки, и горе за Сергея переживаем, мало он нам пишет. Да еще товарищи находятся нехорошие. А Сергей без разбору, любого проходимца без роду и племени рад приглубить, вот они-то его и с пути сбивают. Вася-то Наседкин, хороший тоже человек, хозяин он хороший, утром-то и дров нарубил уже, а потом пошли все гулять — любо глядеть, и песню Вася любит.

...И лился рассказ... о житье-бытье Сергея. Я слушал ее

полушепот. Великая душа — мать, не раз она подносила фартук к слезящимся глазам».

Сельская свадьба

Пришли Катя, Шура, Галя, проснулся Сергей. Стали готовиться к свадьбе. Разобрали и отправили привезенные подарки и вино. Наседкин и Сахаров, как более хозяйственные люди, были за «коноводов». Сергей рассказывал всякие небылицы о Баку, о Персии, в которую он собирался ехать. Если слушатели его фантазий сомневались в правдивости его рассказов, то Сергей, хитро подмигивая и улыбаясь, обращался к Болдовкину за подтверждением.

Шумной гурьбой высыпали на деревенскую улицу. Повсюду чувствовался праздник. Троицу в Константинове всегда пышно отмечали. Встречались по-воскресному разряженные деревенские девушки и парни. Они шумно и приветливо здоровались со всеми.

В большой избе столы были накрыты разной снедью. В глаза бросалась батарея бутылок, графинов и просто кувшинов с самогонном. Молодые разместились в красном углу, по ту и другую стороны столов сидели степенные старички. После приветствий гостей усаживают за стол, теснятся. Слышится тост за здоровье молодых. Тост... тост... тост... Сменяются за столом люди, уходят одни, приходят другие, в основном молодежь. Часть из них за столы не садится. Столы почти пустуют, а потом их убирают совсем. Свободная комната наполняется смехом вихрастых парней и расфранченных девушек. Довольные гармонисты наперебой играют русскую. Повсюду пляс, частушки, задор — кто кого перепляшет. Вот и Сергей в шелковой белой рубашке с платочком в руках подплясывает с какой-то девушкой. Частушки — одна крепче другой — отбиваются каблуками.

Под гармоники, под частушки, под пляску гостей из Москвы проводили до дому, а молодежь еще долго-долго, до позднего утра, ходила по улице.

Первый не выдержал неуправляемого поведения Сергея Иван Старцев. «Есенин был невменяем, — вспоминал он. — Пил без просвета, ругался, лез в драку, безобразничал. Было невероятно тяжело на него смотреть. Успокоить не удавалось. Увещевания только пуще его раздражали. Я не вытерпел и на следующий день уехал в Москву. В памяти осталось: крестьянская изба, Есенин, без пиджака, в растерзанной шелковой рубашке, вдребезги пьяный, сидит на полу и поет хриплым голосом заунывные деревенские песни. Голова повязана красным деревенским платком. Встретившись как-то со мной на улице, он совершенно осипшим от вина голосом сказал: «Плохо, гусар!». И нараспев, покачивая поблекшей головой, продекламировал: «Годы молодые с

забубенной славой...».

Василий Болдовкин и Иван Старцев собрались уезжать в Москву. Есенин уговаривал их остаться, но после веских доказательств уступил. Вместе с ними уехали Сахаров, Екатерина и Леля.

После их отъезда Есенина словно подменили. Он стал зло выговаривать В. Наседкину. Галя пыталась успокоить его, но он продолжал упрекать:

— А это не ужасно: приехать в мой дом, к моим сестрам с проституткой? Зачем они привезли ее? Это не оскорбление?

Галина пыталась его урезонить, но скоро ее силы иссякли, она пошла в старую избу немного отдохнуть. Не тут-то было... За ней вновь прибегали с просьбой как-то утихомирить Есенина.

На следующий день утром Сергей разбудил Галину на рассвете, чтобы она пошла с ним. Она хотела спать, отказалась. Тогда Сергей вырядился в Катино платье, чулки и исчез. Пришлось встать, пойти на поиски. Нашла Сергея на продолжающейся свадьбе. Галина увидела, как он обнимает всех и плачет: «Умру, умру скоро. От чахотки умру». Все на него с удивлением смотрят, успокаивают:

— Сергунь, ты должен быть сильным. Ведь за тебя стыдно, как баба плачешь.

Есенин вскочил плясать, но через минуту опять давай плакать.

Потом пошли с гармошкой по деревне. Сергей впереди всех, не переставая, пляшет, а за ним девушки и парни с гармонистом. Сергей был в Катиных чулках, сандалии спадали с ног, и мать на ходу то один, то другой сандалий подвязывала. Несмотря на грязь и холод, он не мог устоять на одном месте, хоть на одной ноге, да плясал.

Галя обратила внимание, что он в этот момент был красив, как сказочный Пан. Вся его удаля вдруг проснулась. Он подбежал к Галине, схватил ее за руку:

— Пойдем, пойдем в кашинский сад, я тебе все покажу, — и в том же костюме, ряженный, понесся в сад. Эту смену настроений Бениславская описала в своих «Воспоминаниях»:

«Вдруг увидел Оку. «Пойдем купаться», — и бегом с горы к Оке. Я в отчаянии: ведь у него чахотка. Выкупаться сейчас — это значит конец, наверняка. Вбежали на паром, а с того берега лошадей перевозят. «Поедем на хутор, хочешь, верхом поедем? — спрашивает Сергей Александрович. — Я тебе все там покажу». Что он хотел показать в кашинском саду и на хуторе, я до сих пор не знаю. Вероятно, свою молодость.

Взяли лошадей. Я пустила галопом, оглядываюсь: Сергей

Александрович трусит на своей лошади, и видно, удовольствие это небольшое. Подождала. «Знаешь, на ней очень больно ехать». Предложила поймать из табуна другую, но он не сумел поймать. Наконец встретили конюха на оседланной лошади, забрали у него и поехали. Но через пять минут Сергей Александрович слезает, чтобы напиться воды, а потом вдруг ложиться на землю: ему худо стало, от тряски очевидно. Попросил, чтобы я сошла с лошади к нему, и лег ко мне на колени головой. Начался дождь, земля совершенно сырая. Сергей Александрович почти не одет. Я чувствую, что беда. Начинаю подзадоривать его: «Ну, скис, как баба, вставай и сейчас же садись на лошадь, как не стыдно». Сергей Александрович открывает глаза и вдруг с такой обидой и болью, как будто я невесть что сказала: «И ты, и ты ничего не понимаешь. Не надо, не буду на твоих коленях. Вот она, родная, все поймет», — и ложится головой на землю, мокрую и холодную.

Я отвязываю свою лошадь и во всю мочь мчусь к пастухам: «Слушайте, там Серега Есенин свалился с лошади, с сердцем припадок. Давайте телегу, довезти его домой». Хотя бы один шевельнулся. «Да я вам заплачу, давайте только телегу». Начинают двигаться, но нехотя. «А ты деньги сейчас давай, а то, ну потом не заплотишь». Поняла, отчего и за что Сергей Александрович презирал этих самых крестьян. Почему говорил, что «это все гавно. Им только давай деньги, а так они на весь мир плюют». Обругала их от души «сволочами» и еще как-то. Тогда зашевелились. Обещали сейчас приехать. Поскакала туда, где остался Сергей Александрович. Подъезжаю — ни его, ни лошади. Мчусь дальше по дороге — едет мой Сергей Александрович шажком, ногами побалтывает. «Ты куда?» — «Домой» — «Да дом-то в другой стороне». Повернул обратно и потом уже шагом благополучно добрались до паромы. Во всей этой истории, кроме ужаса за Сергея Александровича с его чахоткой, всплыло осознание того, как Сергей Александрович отвык от деревни — ни верхом ехать, ни лошадь из табуна поймать не может, и какой он чужой своим деревенским. Так, любопытство к его выходкам, и больше ничего».

Галина рассказала Есенину об отношении к нему мужиков.

— Ты не понимаешь, как дороги для меня эти люди... Может быть, благодаря им я стал поэтом, — укорял Галю Есенин.

Она окончательно уяснила, что когда человек пьет изо дня в день, то кто бы он ни был по своему положению, начинает утомлять всех. Галина также тяготилась бесконечным пиром, была недовольна поведением Есенина, пыталась урезонить его, но на этот раз он не поддавался ее уговорам.

Вернулись в избу. Сергей забрался на постель, около него

прилегла Галина. Возможно, от волнений или от простуды под дождем, но ее начало трясти. Есенин растерялся, стал, как маленький, умолять:

— Ну перестань, не надо, перестань же дрожать!

Когда это не помогло, он закричал матери:

— Мать, разотри ее скорей, разотри!

Потом схватился за голову и убежал к печке, чтобы не видеть, продолжая кричать:

— Мать, да разотри ж ее скорее, слышишь, она умрет сейчас!

Галина забралась на печку, чтобы на нее не обращали внимания.

Старики и гости стали опять пробирать Сергея за его дикие выходки. Галина не выдержала и с печки подала свой голос:

— Купеческого сынка или помещика-самодура изображаешь.

Сидевший за столом Сергей обернулся и замахнулся на нее тарелкой. Но, как всегда, увидев, что Галя не испугалась, успокоился и запустил только куском хлеба с этой тарелки. Когда закончили закусывать, Сергей стал звать Галю поехать с ним в Москву. Она отказалась, заявив, что приедет потом. Ее непослушание было замечено.

— Мне кажется, что тебя еще ни одна женщина не держала под башмаком... Не попадешь ты под башмак и этой польки, — ехидничал Наседкин.

— Я? Под башмак? Ни за что! Поедем в Москву!

— Поедем.

— Галька, собирайся в Москву!

— Мне тут хорошо.

— Ах так? Ну и черт с тобой!

На прощанье сказал:

— Ну, иди, дура, поцелую тебя.

Уехали.

Обиженный Василий Наседкин

Натянутые отношения сложились у Галины Бениславской с Василием Федоровичем Наседкиным, которому также хотелось быть лучшим и единственным другом Есенина.

У Есенина и Наседкина много общего: ровесники, оба родились в крестьянских семьях, окончив сельскую школу, учились в учительской семинарии (один — в Спас-Клепиках, другой — в Стерлитамаке), почти в одно время оказались в Москве. После окончания Стерлитамакской учительской семинарии В. Ф. Наседкин в 1913 году поехал в Москву и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Оттуда он перешел в Народный университет имени Шанявского, где познакомился с Сергеем Есениным. В статье «О себе» С. Есенин писал: «... я поступил в Университет Шанявского, где пробыл всего 11/2 года, и снова уехал в деревню. В Университете я познакомился с поэтами Семеновским, Наседкиным, Колоколовым и Филиппченко».

В 1915 году Наседкин ушел добровольцем в армию, откуда его направили учиться в юнкерское училище. В 1917 году руководит восстанием юнкеров в Москве, перешедших на сторону большевиков, и вместе с красногвардейцами участвует в захвате телеграфа, почты и взятии Кремля. Член реввоенсовета, комиссар полка, участник боев в Туркестане в годы Гражданской войны — таков послужной путь Василия Наседкина.

Во время пребывания в Туркестане С. Есенин встретился с В. Наседкиным на квартире поэта А. Ширяевца, подарил ему книгу «Исповедь хулигана» (1921) с автографом: «т. Наседкину. В знак приязни. С. Есенин. 1921. 25 мая. Ташкент».

В 1922 году В. Наседкин становится профессиональным литератором, поступил учиться в Высший художественно-литературный институт.п. Лазовский вспоминал: «На семинарских занятиях в классе поэзии у нас выделялись Василий Наседкин и Иван Приблудный». С. Есенин ценил поэтическое дарование друга. В некрологе «В. Я. Брюсов» писал, что в Брюсовском литературном институте «вырастали и растут такие поэты, как Наседкин, Иван Приблудный, Акульшин и др.».

В 1924 г. дружеские связи Наседкина с Есениным укрепились. Екатерина Есенина вспоминала: «Меня не удивило новое лицо за обедом, но удивило другое: этот поэт, товарищ Сергея по университету Шанявского и ровесник его, явно стеснялся Есенина, когда читал ему свои стихи... Встреча с Наседкиным очень обрадовала Есенина...»

Вместе с В. Наседкиным С. Есенин обсуждал план издания альманаха «Поляне». В Госиздате Есенин рекомендовал его на должность заведующего редакцией и секретаря альманаха, так как был уверен в его дружеской поддержке. 19 апреля 1925 г. из Баку С. Есенин пишет сестре: «Ради черта или Бога, пришлите мне денег, я с А. Г. (Воронским) договорился. Передай это Наседкину, если он еще друг». Из Баку Есенин разъяснял Г. Бениславской, что в сборнике одно из его стихотворений должно быть помещено двустихиями. «Привет Васе Наседкину, — писал Есенин. — Он знает, что такое двустихие».

Василию Наседкину приглянулась 18-летняя сестра Есенина Екатерина. Но его ухаживания были встречены девушкой неодобрительно. Катя еще не была готова к серьезным любовным отношениям. Ей нравилось флиртовать с бесшабашным и красивым Иваном Приблудным. «Катя уверяла меня и всех, — писала Г. Бениславская, — что он (В. Наседкин) ей противен, что она ни за что не пойдет за него. А Сергей Александрович из боязни, что увлечение Приблудным пойдет дальше, настаивал на браке с Наседкиным, грозя «ссадить» ее с своей шеи, доказывал, что потом она очень полюбит Наседкина и т. д.»

Катя, измученная назиданиями и угрозами брата, жаловалась Бениславской, говорила, что находится в отчаянии. Они попытались вместе повлиять на Наседкина. После очередной размолвки Василий написал Екатерине записку: «Конечно, я Сергея люблю больше чем кого другого, но если я расстанусь с тобой навсегда, то доказательств своей дружбы приводить не буду».

Бениславская встала на защиту Екатерины, говорила Есенину, что прошли те времена, когда можно было выдавать замуж против желания, что и ему, хотя и брату, не позволено распоряжаться сестрой как имуществом. Сергей ее доводы не считал серьезными и настаивал на своем решении. Тогда Галина не выдержала и сказала Василию: «Брось свои домогательства, все равно Катя твоей женой не будет. Да и не желала бы тебе такую жену. Горя с ней будет много, ее трудно будет приручить».

Такой недружелюбный совет запал в душу Наседкину. Он стал внушать себе, что именно Бениславская является основным препятствием его личного счастья. Неудивительно, что он всячески стал способствовать уходу Есенина от Бениславской в дом в Померанцевом переулке к Софье Толстой, куда вскоре переехала и Екатерина.

Катя после женитьбы Есенина на Толстой вышла из-под опеки Бениславской и больше не стала перечить брату. Когда пришел Наседкин за ключами от есенинских чемоданов, то стал

рассказывать Бениславской, что он уже обручен с Екатериной и они скоро уедут куда-то. 19 декабря 1925 года В. Наседкин с явного одобрения С. Есенина женился на Екатерине.

Последняя встреча двух поэтов произошла за неделю до гибели «певца рязанских раздолий». В. Наседкин вспоминал: «Последний раз у Есенина... я был 20 декабря. Пришли с Екатериной после пяти вечера. Накануне мы посетили ЗАГС, о чем Екатерина уведомила брата в тот же день. Есенин встретил меня теплей обычного: свадьбу отпразднуем в Ленинграде, у меня на квартире... Через две недели мы должны были встретиться в Ленинграде. Но встретились раньше, на одной ленинградской улице — Есенин лежал в гробу на катафалке...».

После смерти Есенина В. Наседкин стал собирать материалы, относящиеся к творчеству поэта. Съездил в Рязанскую область к отцу Гриши Панфилова, который передал ему все имеющиеся у него материалы покойного сына, в том числе три дневниковые тетради Гриши. В журнале «Красная нива» Василий опубликовал информацию «Село Есенино». В издательстве «Никитинские субботники» в 1927 году выпустил книгу «Последний год Есенина (Из воспоминаний)».

Горькое расставание

9 июня Есенин и Наседкин возвращаются в Москву. «Они, — писала Бениславская, — приехали из Константинова какие-то странные, как заговорщики. День или два шушукались, замолкали при Оле (прислуге). Донесли до нее только слова Наседкина: «Значит, надо скорей бежать отсюда». Ночью Сергей Александрович разбудил Олю укладывать его вещи. Получив отказ, сложили сами и утром, в 8 ч., взяли подводу и перевезли все к Наседкину».

Василий Наседкин жил в меблированных комнатах Романова на углу М. Бронной и Тверского бульвара. Квартира была неуютной. «Единственное окно в узкой длинной комнате Наседкина в первом этаже выходило во двор, обнесенный высокой каменной стеной, — вспоминал Родион Березов. — В комнату никогда не заглядывало солнце, и даже короткое пребывание в ней наводило на человека тоску. Меблировка комнаты была убогой: стол, кровать, два стула и диван с выскочившими пружинами. Вот этот-то диван и был предоставлен в распоряжение известного поэта. Наседкин был уверен, что Есенину ничего не стоит получить ордер от Моссовета на хорошую квартиру. Но шли дни за днями, а комнаты для поэта не оказывалось. Приходя в темный номер Наседкина, Есенин чувствовал себя крайне смущенным: так чувствует себя каждый совестливый человек, которого приютили на один день, а он живет уже несколько дней».

Есенина мучило раскаяние за бегство от Гали. Он уже знал, что она вернулась из Константинова, ждал, что она первая придет к нему. Не дождался, решил сам пойти к ней. Припомнив давнее и недавнее прошлое, он пришел к выводу, что из всех женщин, с которыми он вступал в интимные отношения, Галя была самой чуткой, самой внимательной и бескорыстной.

— Она для меня ангел-хранитель, и без нее я погибну... Попрошу прощения и отныне не буду прислушиваться к нашептыванию друзей.

О прошедшем свидании сохранились воспоминания Родиона Березова.

Есенин пришел к Гале совершенно трезвым. Постучался в дверь.

— Войдите.

Есенин открыл дверь и остановился у порога. Она не подошла к нему. Так они стояли молча несколько минут.

— Прости, — прошептал поэт.

— Вон! — крикнула она и указала на дверь.

Как ужаленный, он бросился прочь. Она слышала, как стучали его шаги по лестнице. Он бежал, задыхаясь от обиды: еще никто за всю жизнь не уязвил его гордости так, как уязвила она.

Может быть, только несколько мгновений Бениславская чувствовала себя удовлетворенной. Но мстительное чувство рассеялось быстро, и ею овладело раскаяние.

— Что я наделала? Что я наделала? — закричала она, бросаясь в погону.

— Сергей... Сережа... Сереженька! Вернись! — кричала она, сбегая по лестнице с восьмого этажа. Это ее голоса гудели в лифтовом пролете. Любопытные жильцы дома выходили в коридоры и удивленно спрашивали:

— Что это за вопли?

Она выбежала во двор, а потом на улицу, но поэт как будто канул в воду. Галина с плохим настроением вернулась к себе в комнату.

Вернувшись в комнату Наседкина, Есенин попросил водки. Пришел Александр Сахаров.

— Мне крикнуть «вон», — стучал пьяный Есенин кулаком по столу, — погоди же!..

Наседкин и Сахаров старались его всячески утешить.

13 июня Есенин вновь встречается с Бениславской. Начал выяснять с ней отношения. Стал грубо упрекать Галину в изменах с его друзьями. Об этой встрече расстроенная Бениславская 15 июля написала Екатерине Есениной: «Вечером в тот день, когда я писала тебе (в субботу), сюда (на Брюсовский) явился пьяный Сергей, сначала заявив, что за ключами, а потом выяснилось, что для расправы со мной. Из его слов я поняла, что изменяла ему направо и налево с его же друзьями, в том числе и с Ионовым, но главное, что, изменяя, я называла себя тем, с кем изменяла, (его) женою Есенина — трепала фамилию. «Это все помогла разоблачить Шурка, которая рассказала матери, а Татьяна Федоровна — ему. Кроме того, помог в этом и Наседкин». Все это делалось при сестрах (очевидно, раздуто это из Нового года) и т. п. Правда, потом он сам признался, что он делал худшие гадости с Ритой и проклинал это. Но все же я такая-сякая. Я сказала, что нам не о чем больше разговаривать».

Есенин не заметил, что в характере Бениславской произошли принципиальные изменения. Она была уже не та. Несправедливых обвинений она не могла терпеть. «Факт тот, — давала оценку своим поступкам Г. Бениславская в письме Екатерине Есениной, — что сейчас я уже не могу быть по-прежнему беззаветно преданной ему и отдавать все, что ему нужно, так как

это раньше было — не задумываясь, оценит ли он это когда-либо; просто делать только потому, что для него это нужно. Ты ведь знаешь, что все, что ему надо было, я все готова была сделать, ничего не требуя от него, кроме, конечно, простого человеческого отношения. Вот если бы Сергей поднял бурю из-за новогодней эпопеи, то, хотя я и сейчас считаю, что я была вправе делать что хочу, — все же это было бы понятнее, и я снесла бы все что угодно. Но всю эту дикость, проявленную в отношении меня за несуществующие преступления, я не могу простить. Право же, я заслужила более человеческого отношения к себе. Вот это меня и оскорбляет — какая дрянь сочинила, и он даже не узнав, в чем дело, огульно обвиняет меня. Ну и черт с ним, если он такой дурак».

В коридоре Есенин встретил С. Виноградскую, выбежавшую из своей комнаты. Поэт не скрывал своей растерянности, так как понял, что потерял ценнейшую опору в жизни — друга. Выйдя из комнаты, не обращая внимания на Соню, стоявшую в коридоре, сказал себе вслух:

— Ну, теперь уж меня никто не любит, раз Галя не любит.

«Для Есенина это была потеря, — вспоминала С. Виноградская, — потеря человека, который для него готов был идти на всякие жертвы, отдать все силы, всю жизнь. После этого он словно потерял уверенность в любви к нему людей».

Последнее письмо

У Бениславской нервы были напряжены. Требовалась душевная разрядка. Решила летний отпуск провести вне Москвы. Хотелось еще раз встретиться с Есениным. Поговорить им есть о чем. Она не могла уехать, не высказав ему свои советы и пожелания, сознавая свою ответственность перед ним. Ей казалось, что таким образом она сможет уберечь Есенина от необдуманных поступков.

Встретиться не удалось. Галина решила написать письмо Есенину, которое, как потом выяснилось, стало последним в их многолетней переписке.

Бениславская не стала писать о причинах их расставания, не упрекала в этом Есенина, не каялась со своей стороны. Основное внимание уделила характеристикам друзей поэта, привлекая к ним еще раз есенинское внимание. Начала с Ивана Приблудного.

Этот молодой поэт был ей симпатичен. Бениславской нравились его стихи, кроме того, она знала, что Приблудный искренне любит Есенина.

Настоящая фамилия Ивана была Овчаренко. Прозвище Приблудный, которое стало его литературным псевдонимом, он получил в годы Гражданской войны, во время которой беспризорный Иван как бы «приблудился» к бойцам дивизии Котовского и стал служить юным солдатом. Быстро выделился своей способностью писать и читать стихи. После войны начинающего поэта в 1922 г. приняли в Высший литературно-художественный институт. Здесь он познакомился со многими поэтами. Его встреча с Есениным в августе 1923 года переросла в дружбу, хотя Иван был на 10 лет моложе Сергея. Для него Есенин стал духовным и поэтическим учителем, старшим братом.

Иногда отношения между ними обострялись, они не раз по различным бытовым проблемам конфликтовали, например, когда Приблудный без разрешения Есенина пользовался его обувью, одеждой. Эти стычки у них заканчивались миром.

В конце октября 1923 года, когда в квартире Бениславской проживало много гостей в связи с приездом Николая Клюева из Петрограда, обнаружилось исчезновение 14 тысяч рублей, крайне необходимых для семейного бюджета. Подозрение пало на Приблудного. Это его обескуражило. 28 октября написал Галине письмо, пытаясь своеобразно оправдаться: «Если что и должен я Вам, то, во всяком случае, *не выдуманные Вами 14 тысяч* . Если они у Вас вообще пропали, то причиной этому может быть что-либо иное, не Я, если же ЭТО Вы выдумали, то надо еще

подумать, кого больше должна совесть мучить — меня ли, причинившего Вам первую неприятность, или Вас, обвиняющую меня во второй, столько же некрасивой. Я так Вас полюбил, я так был благодарен Вам за первую жертву прощения».

Галина не стала придавать большого значения пропаже денег. Приблудный продолжал изредка навещать ее во время пребывания Есенина на Кавказе. В то же время подруги Бениславской своих подозрений с Приблудного не сняли. Они 4 февраля 1925 года вручили Галине официальную записку-предупреждение: «Мы уже предупреждали Вас письменно, что если Приблудный будет бывать в нашей квартире, мы будем вынуждены обратиться в комендатуру. Он продолжает бывать. Вы развязали нам руки, пеняйте на себя. Я. Козловская, С. Виноградская».

Бениславская серьезно обиделась на Приблудного за его поддержку в присутствии Сергея Есенина распространяемых слухов о том, что она как чекистка была приставлена к Есенину для соответствующего надзора за ним. Этого несправедливого оговора она не могла простить. «Сергей, — предупреждала она, — если Приблудный когда-либо в своих мерзостях пойдет далеко, и притом окружающие забудут, кем он был до сих пор, — расскажи об этом Яне — она, быть может, поможет выявить его физиономию, но только, если это действительно будет нужно и если он начнет именно тебе начать делать гадости».

Свои подозрения с Приблудного Бениславская сняла только после смерти С. Есенина. 26 марта 1926 г. писала поэту В. Эрлиху: «Да, не могу не поделиться — здесь Приблудный (знаю, что Вы не очень-то к нему, но все же он лучше других) — был у нас с ним при Кате разговор, помните, о той истории, что Сергей говорил про меня (о том, что служила в ГПУ — С. З.). И Приблудный совершенно прямо и честно подтвердил и рассказал, как было дело, так что Катя убедилась, что это Сергей раздул, а не Приблудный рассказывал и что я-то ни при чем. Я несколько дней ходила, как сто пудов с плеч свалилось, и убедилась, что я была права, щадя тогда его, и что он не отплатил подлостью. Думаю — это так. Ведь не так важно, что думают, а важно то, что это была бы ложь».

Нелестно в письме Бениславская отозвалась о Сахарове. Была уверена, что именно он сыграл большую роль в уходе от нее Есенина, использовав для этого даже женитьбу поэта на Софье Толстой. «Начало сахаровского замысла вытекало отсюда, — писала в «Воспоминаниях» Бениславская. — Остальное зависело от его хитрости, изворотливости и от знания слабых струн Сергея Александровича. Сахаров был ревнив и завистлив, как

обыкновенная маленькая женщина. Пока он был единственным (тщеславие ли, корысть ли к рукописному наследству или только чистая ревность — не знаю) — он мог оберегать Есенина. Но если Сергей Александрович находился на попечении кого-либо другого, Сахаров делал все, чтобы это попечение обанкротить. Он даже говорил, что в бытность в Питере он прекрасно сдерживал Сергея Александровича, тот не пил и был совершенно здоровым. В Москве же Сахаров всегда возвращался с Сергеем Александровичем пьяным. Об отношении Сахарова я писала Сергею Александровичу, но не знаю, преувеличено ли там что-либо моей тревогой за него. Я и сейчас думаю, что все это правда».

В письме Г. Бениславская нелестно охарактеризовала Есенину Сахарова, прибегая к сравнению с историческим персонажем:

«Знай еще: Сахаров — Сальери нашего времени, немного лучше, но и немного хуже пушкинского. Он может придумать тебе конец хуже моцартовского. Он умнее того Сальери и сумеет рассчитать, чтобы не только уничтожить тебя физически (это ему может не понадобиться), но и испортить то, что останется во времени после тебя. Не будь дураком и в дураках, не показывай беспардонную храбрость там, где ее смешно показывать. Ты не имеешь права давать волю твоему истеричному любопытству и лететь в огонь. Помни, что Сахаров может дать только плохой конец, только унижить тебя. Он хорош, когда ты силен и совсем здоров. Имей силу уйти от него, несмотря на то, что он много отдал тебе. Ты же не виноват, что ему дано очень много, но не все, чтобы быть равным тебе. А зло против тебя у него в глубине большое, ты это как будто сам знаешь...».

Тепло Галина отзывалась о поэте В. Эрлихе. «Из твоих друзей — очень умный, тонкий и хороший — Эрлих, — писала Бениславская. — Это, конечно, не значит, что ему ничего от тебя не нужно. Но на это, это ему надо, он имеет право. Больше среди них я никого не видела».

С Вольфом Иосифовичем Эрлихом, одним из участников ленинградского «Воинствующего Ордена имажинистов», у Бениславской было полное взаимопонимание. Есенин познакомил Эрлиха с ней в Москве 1 августа 1924 г., предварительно подготовив друга: «Вот ты сейчас и Галю увидишь! Замечательный друг!».

Эрлих никогда не забывал отзыва Есенина: «Галя — мой друг! Больше, чем друг! Галя — мой хранитель! Каждую услугу, оказанную Гале, ты оказываешь лично мне! Аминь!». Этот наказ Эрлих достойно исполнял, с большим вниманием и любовью

относясь не только к Бениславской, но и к сестрам Есенина, особенно юной Шуре.

Галина вспомнила некоторых из близких Есенину женщин. О своих подругах отзывалась кратко, но с душевной теплотой: «Яна (Козловская) тебе большой друг, несмотря на то, что она на жертвы не пойдет, — это верный друг.

А Соня Виноградская — ты даже не представляешь, от чего она спасла тебя в 1923 году. Запомни это».

Вспомнила А. А. Берзинь. Отношение Бениславской к ней было противоречивым. Если бы попросили Галину написать характеристику Анны Абрамовны, то она охарактеризовала бы ее следующими словами: «Исключительная, незаурядная женщина. Умная, но, увы, ее ум часто дает срывы — чисто женская особенность. Честолюбивая, тщеславная, умеющая добиваться намеченного, часто очень отзывчивая и такая часто очень неискренняя. Отношение ее к С. А. (Есенину) — искреннее, большое преклонение, искренняя и большая любовь и тревога за его судьбу, готовность иногда перегрызть горло всему, что враждебно Есенину, и легкомысленные, совершенно необдуманные поступки в отношении него. И, кроме того, в эту бочку меда — тщеславное желание вершить его поэтическими делами, показывать себя рядом с ним. Все ее поступки возникали из такого противоречивого отношения».

Для доказательства Галина могла бы привести много примеров, подтверждающих ее наблюдения, но не стала о них напоминать, а только советовала Есенину: «Не слишком доверяй себя Анне Абрамовне. Здесь можно ошибиться и в хорошую, и в плохую сторону. Хорошего она много сделала, и может сделать, и все же внимательно смотри. Мне кажется, тебе надо устроить свою собственную пристань, чтобы не бросать якоря всегда в открытое море. Плавай, но знай, где твоя пристань».

В связи с этим советом Бениславская подумала о Софье Андреевне Толстой. Она к ней не испытывала ревности. Ей хотелось поверить, что Есенин, возможно, с ней будет счастлив. «По-моему, — писала она Есенину, — Толстая очень хорошая (по рассказам о ней, я ведь ее не знаю), будь бережливым, если будешь с ней — не швыряйся ею; она слабее других, меньше знает тебя, ей труднее, и не она тебя, а ты ее должен беречь — может статься, что в этой ее слабости и твое спасение».

В письме Бениславская настойчиво призывала Есенина: «Береги себя, пока тебе еще рано — ты сам это знаешь, и береги тех, очень немногих настоящих друзей, которые около тебя. Не делай над ними экспериментов, сумей раскусить их без этого. Не швыряйся людьми, по-настоящему, а не из расчета и корысти

хорошими к тебе. Всякому терпению бывает конец».

Перечитала написанное. Непроизвольно возник вопрос: «А зачем я это пишу?». И тут же в письме ответила: «И для тебя, и для моего собственного спокойствия, чтобы, уехав, не мучиться сознанием, что не сказала, а тебе может пригодиться».

Бениславская отчетливо представила реакцию Есенина при чтении этого письма. Ей не хотелось, чтобы содержание стало кому-нибудь известным. На всякий случай письмо закончила просьбой: «Письмо порви и не болтай о нем направо и налево».

Не известно, читал ли Есенин это письмо. Оно сохранилось в личном архиве Галины Бениславской. Можно предполагать, что после 16 июля поэт заходил к Бениславской, но читал ли он ее послание или оно так и осталось для него неизвестным — об этом можно только высказывать разные предположения без убедительных доказательств. Бесспорно только, что это было последнее письменное обращение Бениславской к Есенину.

Осень 1925 года

В июне 1925 года Галину Бениславскую уволили из штата газеты «Беднота». Плохое здоровье вынуждало ее часто не ходить на работу. Плохие материальные условия сказывались на ее душевном состоянии. Вновь обострилась неврастения. Болезнь развивалась особенно после разрыва отношений с Есениным.

Тем не менее она продолжала заниматься его делами. Аккуратно клеивала в тетради получаемые на свой адрес материалы из «Бюро газетных вырезок». Внимательно их изучала, отмечала неточности. Прочитав сообщение газеты «Вечернее радио» (Харьков) о том, что «на днях приезжает в Харьков известный поэт Сергей Есенин», не удержалась и отметила: «Ничего подобного, даже не собирался».

Знала, что в отношениях Есенина и Софьи Толстой возникли сложности. Есенин хотел с ней встретиться. Перед отъездом в Баку в конце июля зашел попрощаться на квартиру в Брюсовском, но Галина была в отъезде. Встретил только Софью Виноградскую, которая обратила внимание, что у поэта лицо было скомканное, он часто поглаживал волосы, и большая внутренняя боль глядела из глаз его.

— Сергей Александрович, что с вами, отчего вы такой? — спросила его.

— Да, живу с нелюбимой, — вяло ответил Есенин.

— Зачем же женились?

— Ну-у-у! Зачем? Да на зло, вышло так. Ушел я от Гали, а идти некуда. Грустно было, а мне навстречу так же грустно шарманка запела. А шарманку цыганка вертит. И попугай на шарманке. Подошел я, погадал, а попугай мне кольцо вытащил. Я и подумал: раз кольцо вытащил, значит, жениться надо. И пошел я, отдал кольцо и женился.

Есенин замолчал и потом с какой-то таинственностью в голосе добавил:

— А кольцо-то ведь почернело! Понимаете, почернело! В комнате стало тихо. Дальнейшего разговора не получилось.

В сентябре Есенин и С. Толстая возвратились из Баку. Поэта вновь потянуло в старую коммунальную квартиру, в которой он впервые почувствовал семейную теплоту. Находил любой повод, чтобы зайти в гости. Не обращал внимания на недовольные физиономии подруг Бениславской, не понимающих, чего он опять задумал.

Есенин осознал, что об измене Бениславской ему его друзья наговорили много выдуманного. В то же время просить у нее

прощения не хотел, а Галина не шла на объяснения, считая себя незаслуженно обвиненной. При встречах они старались уйти от выяснения причин их неожиданного разрыва.

Серьезных поводов для посещения квартиры Бениславской у Есенина не было. При посещениях старался больше говорить о литературе, стихах, творчестве.

— А знаете, какое хорошее стихотворение написал Клычков? — без подготовки во время очередного посещения спросил Есенин. Не получив ответа, продолжил: — Но я напишу еще лучше, обязательно напишу.

Никто не стал с ним спорить на эту тему. Он же продолжал свое выступление:

— Завтра получу деньги в Госиздате... Да, деньги... — Он дальше стал говорить с грустью: — Вот, проданся я им. Всю жизнь работал и за 15 лет работы получил 10 тысяч. В деревню поеду, отдохну, а потом поеду к Ключеву, к учителю своему.

Заметил, что на эти слова Галина улыбнулась. Она вспомнила приезд Ключева в 1923 году.

— Да, да! Поеду. Он мой учитель! Вы ничего не понимаете, — горячился Есенин.

— Поезжайте, — ответила ему Галя.

К Есенину подбежал щенок Сережка, которого он когда-то купил и подарил Гале. Поэт стал его ласково поглаживать, потом решил поиграть с ним, продолжая разговор не то сам с собой, не то с жильцами комнаты. Аня Назарова не выдержала и после одной фразы сказала ему:

— А маленький Сережка умнее вас!

Этого Есенин стерпеть не мог, начал говорить Ане колкости, пытаясь разозлить ее. Затем остался ночевать. Утром, лежа в кровати, стал громко читать новые свои стихи. За чаем пытался всех рассмешить, но веселья не получалось.

18 октября Аня оказалась свидетелем очередного визита. Есенин был возбужден, как это бывает с ним, когда он немного выпьет. В хмельном состоянии любил выдумывать разные истории, не задумываясь, что это может доставлять неприятности людям, которые его любили и заботились о нем.

В этот день неожиданно решил позвонить писателю Пильняку. Быстро набрал номер и сообщил, что поэт Есенин умер. На том конце провода трубку сняла жена Пильняка, хорошо знавшая голос поэта. Она стала упрекать его за такие глупые шутки. Это не остановило Есенина. Позвонил сестре Анны Назаровой.

— Вы сестра Ани? — спросил он по телефону. — Вы знаете, умер Есенин, а она его очень любила. Теперь она бьется в

истерике, и мы не знаем, что делать с ней.

— Это кто говорит? — перебила сестра. — Где Галя? Позовите ее.

— Галя? — переспросил Есенин. — Галя возится с ней, а я... я посторонний, тут, из квартиры. Вы приезжайте скорей или позвоните через пять минут Гале.

Повесил трубку и начал с хохотом ходить по комнате.

Сестра Назаровой приехала, поверив телефонному разговору. Увидела живого Есенина, обозлилась, стала от обиды плакать, затем всех обругала и уехала.

Есенин к этому отнесся спокойно, а через некоторое время серьезно сказал:

— Скучно уж очень мне. А знаете что, Аня, поедemте венчаться.

— Как венчаться?

— Да очень просто. Возьмем Галю, еще кого-нибудь свидетелем, поедem в Петровский парк и уговорим какого-нибудь попа нас обвенчать. Давайте?

— Зачем?

— Скучно мне, и это интересно, возьмем гармониста, устроим свадьбу.

Чтобы не перечить ему, Аня согласилась.

— Я позвоню Илье, — обрадовался Сергей, — получу деньги, заедem за вами в редакцию и поедem. Хорошо?!

Аня ушла на работу, поверив, что Есенин исполнит свой замысел.

Но в Госиздате поэта встретила Софья Толстая и увела домой.

Иногда на квартире Бениславской Есенин встречался с друзьями. В конце октября он повидался с писателями Леонидом Леоновым и Иваном Вольновым. Первым пришел Вольнов. Стали обсуждать возможности издания произведений крестьянских поэтов и прозаиков. Разговор был прерван приходом Леонова. Есенин быстро выбежал из комнаты, держа в руках надломленную гитару. Перед этим он услышал, что гость поинтересовался у Галины его здоровьем. С досадой выкрикнул:

— А вы, вы как меня чувствуете!

Раздраженно рванул струны гитары, затем стал по ним бить грифом, как кнутовищем. Леонид Леонов позже рассказывал: «Было жутко: будто он хлестал вокруг себя пучком оголенных нервов, в слепой сосредоточенности ожидая, то ли болью, то ли звуком отзовутся мелькающие струны».

Затем поэт успокоился, разговор перешел в деловое русло.

Перед отъездом в Ленинград 2 ноября 1925 г. С. Есенин позвонил Галине. В 8 часов вечера она по телефону услышала

знакомый голос:

— Галя, приезжайте на Николаевский вокзал.

— Зачем?

— Я уезжаю.

— Уезжаете? Куда?

— Ну это... Приезжайте. Соня приедет.

— Знаете, я не люблю таких проводов.

— Мне нужно многое сказать вам.

— Можно было заехать ко мне.

— Ах... Ну, тогда всего вам хорошего.

— Вы сердитесь? Не сердитесь, когда-нибудь вы поймете.

— Ничего. Вы поймете тоже. Всего хорошего.

— Всего хорошего.

Ни он, ни она не знали, что в дальнейшем им уже не придется разговаривать друг с другом.

16 ноября 1925 года Галина Бениславская вновь обратилась к своему «Дневнику». Она стремилась перенести быстрее свои мрачные мысли на бумагу, надеясь тем самым облегчить свои душевные страдания. Писала в возбужденном состоянии:

«Никак не могу разобраться, может, на бумаге легче будет. В чем дело? Отчего такая дикая тоска и такая безвыходная апатия ко всему? Потому ли, что я безумно устала, бесконечно устала? Или что нет со мной Сергея? Или потому, что потеряла того, прежнего Сергея, которого любила и в которого верила, для которого ничего было не жаль? Первое — устала, и нет сил начинать жизнь заново. Именно — начинать. Если начну — тогда уже не страшно. Я себя знаю. Чего захочу — добьюсь. Но вдобавок не знаю, чего захочу. Ведь с главным капиталом — с моей беззаветностью, с моим бескорыстием, я оказалась банкротом. Я думала, что может дать радость. Оказалось, лишь сожаление о напрасно растроченных силах и сознание, что это никому не нужно было, раз на это так наплевали, тем более, что не знаю, стоил ли Сергей того богатства, которое я так безрассудно затратила. Ведь с тем зарядом, который был во мне, я без всяких усилий получала от жизни больше, чем хотела».

Бениславская прочитала только что написанное, немного подумала и продолжила разговор сама с собой: «Сколько же я могла получить и одновременно с этим дать другим, если бы не отдала почти до последней капли все для Сергея. Ведь все мне давалось легко, без тяжелых и упорных раздумий о том, как бы добиться. А Сергею вряд ли нужна была я. Я думала, ему, правда, нужен настоящий друг, человек, а не собутыльник. Человек, который для себя ничего не должен требовать от Сергея (в материальном плане, конечно). Думала, что Сергей умеет ценить

и дорожить этим. И никогда не предполагала, что благодаря этому Сергей перестанет считаться со мной и ноги на стол положит. Думала, для него есть вещи ценнее ночлега, вина и гонорара. А теперь усомнилась. Трезвый он не заходит, забывает. Напьется — сейчас же 58–36, с ночевкой. В чем дело? Или у пьяного прорывается и ему хочется видеть меня, а трезвому не хватает смелости? Или оттого, что Толстая противна, у пьяного нет сил ехать к ней, а ночевать где-нибудь надо? Верней всего, даже не задумывался над этим. Не хочется к Толстой, ну а сюда так просто, как домой, привык, что я не ругаю пьяного и т. д. Была бы комната, поехал бы туда. А о том, чтобы считаться со мной, — он просто не задумывался. А я сейчас никак не могу переварить такие штуки. Ведь, в конце концов, я не хуже его. Вернее, даже лучше. И если раньше я думала, что даю ему то ценное, что есть во мне, и потому была кроткой и снисходительной, то сейчас я дорожу своим спокойствием больше, чем его. То, что было, было не потому, что он известный поэт, талант и т. п. Главное было в нем как в личности — я думала, что он хороший (в моем понимании этого слова). Но жизнь показала, что ни одного «за» нет и, наоборот, тысячи «против» этого. Иногда я думаю, что он мещанин и карьерист, причем удача у него так тесно переплелась с неудачей, что сразу не разберешь, насколько он неудачлив. Строил себе красивую фигуру (по Пушкину), и все вышло так убийственно некрасиво — хулиганство и озорство вылились в безобразные, скотские скандалы, за которыми следует трусливое ходатайство о заступничестве к Луначарскому (а два года назад Сергей ему не подал руки), белая горячка и т. п.».

Дневниковые записи Галина иногда вела во время приступов неврастения. Обострившаяся болезнь вынудила ее в ноябре 1925 года лечь в московский санаторий имени Семашко. С 19 ноября по 19 декабря с диагнозом «общее депрессивное состояние» она проходила обследование и соблюдала назначенный врачами курс лечения. Анализ крови по методу Вассермана свидетельствовал о прогрессирующей болезни, которая приводит к депрессии. При выписке Бениславской выдали Удостоверение № 50, согласно которому «состояние здоровья больной за указанный срок несколько улучшилось», но «работоспособность не восстановлена». Галине порекомендовали провести 6–8 недель в деревенской обстановке, а также заниматься легким физическим трудом.

Смерть Есенина

Выполняя рекомендации врачей, 20 декабря 1925 года Галина выехала в село Дмитровская Гора Тверской губернии и стала жить в семье Назаровых. В письмах к ней Аня Назарова просила подругу «не стесняться» ее родственников.

Бытовые условия ее удовлетворяли. Не могла только освободиться от постоянных раздумий о Есенине, о причинах расставания с ним. Не с кем было поговорить. Единственным собеседником оставался все тот же «Дневник». Пыталась себя успокоить, что делает дневниковые записи «не для того, чтобы поделиться, а для того, чтобы себе на память записать». Она вновь и вновь осмысливала прожитое с Есениным время. Понимала, что ее романтическое представление испарилось. Стала на себя, Есенина и его окружение смотреть иными глазами, словно освободившись от розовых очков. «Авось на этом моя романтика кончится. Пора уж», — записала она.

В дневнике появились записи, о которых она в прошлом не могла бы подумать. В основном они касались Есенина. В выражениях Галина не церемонилась. «Сергей — хам, — писала она. — При всем его богатстве — хам. Под внешней выложенной манерностью, под внешним благородством живет хам. А ведь с него больше спрашивается, нежели с какого-нибудь простого смертного. Если бы он ушел просто, без этого хамства, то не была бы разбита во мне вера в него. А теперь — чем он для меня отличается от Приблудного? — такое же ничтожество, так же атрофировано элементарное чувство порядочности: вообще он это искусно скрывает, но тут в гневе у него прорвалось. И что бы мне Катя ни говорила, что он болен, что это нарочно, — все это ерунда. Я даже нарочно такой не смогу быть. Обозлился на то, что я изменила? Но разве не он всегда говорил, что это его не касается? Ах, это было все испытание?! Занятно! Выбросить с шестого этажа и испытывать, разобьюсь ли?! Перемудрил! — Конечно, разбилась! А дурак бы заранее, не испытывая, знал, что разобьюсь. Меня подчинить нельзя. Не таковская! Или равной буду, или голову себе сломаю, но не подчинюсь. Сергей понимал себя, и только. Не посмотрел, а как же я должна реагировать — истории с Ритой, когда он приводил ее сюда, и при мне все это происходило, потом, когда я чинила после них кровать (после Крыма). Всегдашнее — «я, как женщина, ему не нравлюсь» и т. п. И после всего этого я должна быть верной ему? Зачем? Чего ради беречь себя? Так, чтобы это льстило ему?»

Бениславская не находит ответа на многие вопросы. Для нее

непонятным было желание Есенина жениться на Толстой, которую он не любил. В дневник записывает одну из версий, пришедшую ей на ум: «Наконец, погнался за именем Толстой — все его жалеют и презирают: не любит, а женился — ради чего же, напрашивается у всех вопрос, и для меня эта женитьба открыла глаза: если она гонится за именем, быть может того не подозревая, то они ведь квиты. Если бы в ней чувствовалась одаренность, то это можно иначе толковать. Но даже она сама говорит, что, будь она не Толстая, ее никто не заметил бы даже. Сергей говорит, что он жалеет ее. Но почему жалеет? Только из-за фамилии. Не пожалел же он меня. Не пожалел Вольпин, Риту и других, о которых я не знаю. Он сам себя обрекает на несчастья и неудачи. Ведь есть кроме него люди, и они понимают механизмы его добывания славы и известности. А как много он выиграл бы, если бы эту славу завоевывал бы только талантом, а не этими способами. Ведь он такая же блядь, как француженки, отдающиеся молочнику, дворнику и прочим. Спать с женщиной, противной ему физически, из-за фамилии и квартиры — это не фунт изюму. Я на это никогда не могла бы пойти. Я не знаю, быть может, это вино вытравило в нем всякий намек на чувство порядочности. Хотя, судя по Кате, эта расчетливость в нем органична. Ну, да всяк сам свою судьбу заслуживает».

29 декабря Бениславская отправила в Москву письмо Ане Назаровой. Она не знала, что в это время общественность была встревожена и взбудоражена известием из Ленинграда о неожиданной трагической смерти С. А. Есенина.

Об этом Галина Бениславская узнала с опозданием. За ней приехала с печальным известием Аня. Из-за сильной пурги они с трудом добивались до железнодорожной станции. Всю дорогу до Москвы Галина вновь и вновь вспоминала многое из прошлой жизни, связанной с Есениным. Не верилось, что его теперь нет в живых, что жизнь теперь разрезана какой-то невидимой чертой на периоды «до» смерти поэта и «после». Жизнь без Есенина, жизнь без него в одиночестве для нее не представлялась возможной.

В Москву прибыли в первый день нового, 1926 года. Отправилась к Анне Берзинь, у которой родственники Есенина после поминок остановились на ночлег. «Довольно рано все улеглись спать, — вспоминала А. Берзинь, — и, видимо, уже спали, когда раздался звонок. Я встала и открыла дверь. Передо мной стояла Галина Артуровна Бениславская.

— Как же это вы его похоронили, а мне даже телеграммы не дали? — были ее первые, очень грустные слова. Упрек был законный. Как можно было забыть ее, верную и трогательную подругу Сергея Александровича Есенина?

Галя вошла в комнату.

— Где они все?

Я показала на комнату. Галя вошла туда.

Спать я уже не могла. Встала, оделась и пошла посмотреть, что делает Галя. Застала в ванной комнате Катю и Галю. Обе были в шубках, собирались куда-то.

— Далеко ли вы собрались?

Галя замешкалась с ответом, потом, поглядев на Катю, предложила:

— Поедем на кладбище с нами. Ему одному там в первую ночь очень тоскливо будет. Новый год встретим с ним. Поедем.

— Вы с ума сошли! — только и могла я сказать. — Никуда не пущу.

Я заперла дверь и ключ взяла к себе.

Галя просила выпустить их, она так просила, что мне казалось, еще минута — и я их отпущу. Но чтобы этого не случилось, ушла в кабинет и прилегла там.

Они долго сидели в ванной комнате, шушукались, потом потушили свет и пошли, видимо, спать.

Утром суета, поднявшаяся в доме, разбудила и меня. Искали ключ от двери, а он лежал у меня под головой».

На Ваганьковское кладбище Галина пришла 2 января 1926 года. Возможно, что после этого посещения она начала отсчет отпущенных ей дней до своего трагического конца.

Без Есенина

Глубокое горе изменило жизнь Галины. Не хотела верить, что любимого теперь нет в живых, хотя об этом ей напоминали события ежедневно и ежечасно. Читала доступные ей публикации о смерти поэта. Не понравился ей некролог «О Сергее Есенине», опубликованный 31 декабря 1925 г. в газете «Беднота». Автором был М. Грандов. Неприязнь свою не мог скрыть. «Среди деревенской пишущей и читающей молодежи не многие знали Сергея Есенина, — писал он. — А тем, кто его узнавал, не всегда это шло впрок. От Есенина частенько перенималось то худое и ненужное, даже отвратительное, что было в нем: мы знали факты (так было, например, в одной из групп Новозыбковской молодежи, Гомельской губернии), когда почитатели его поэзии «почитали» прежде всего его кабацкую и трактирную развязанность, его хулиганские повадки и замашки, начинали пить по-есенински, подражая ему в том, от чего он сам, в сущности, глубоко страдал и от чего ныла его собственная душа. Так часто бывало с его поклонниками. Недаром вокруг Есенина во все его городские годы кружилось и терлось много всякого сброда, в большинстве случаев из людей глубоко бездарных и разложившихся. «Сред людей я дружбы не имею...» Это, пожалуй, верно он сказал. (...)».

М. Грандов поверхностно оценивал поэтическое дарование покойного поэта. «Недаром Есенин во всей своей поэзии — лирик, — писал он, — поющий сам с собою и про свое. Даже в поэме «Пугачев» он, в сущности, поет про себя и про свое. Во взгляде на жизнь, в понимании им жизни — он весь стихийно-мужичий, тут и наивность, и по-детски нетронутая, покоряющая читателя нежность, тут и «звериная грусть», и «дух бродяжий» и «буйство глаз». Тут все от мятущегося индивидуализма. Но нет общественной жизни, нет сознательного бойца на общественной арене, нет крепко определившего себя общественного сознания, не видно и не слышно в его натуре мужества будничной упорной борьбы за социализм... Есенин не слился с революцией, но и не шел против нее. И не мог идти! Он никуда вообще не шел. (...) Словно про окончившего свою жизнь, писал он сам год назад. Что он любил жизнь, страстно тянулся к ней, видно из всей его поэзии — хотя и пел он не про жизнь, а свое и про себя, один на один с природой. Ему невыносимо стало тяжело больному. Спасенья не было... Он сжег себя до конца. Надежды не оставалось. И вот весть о самоубийстве. Все, кто его читал и будет читать, горько будут скорбеть о рано кончившейся жизни

одареннейшего деревенского самородка. В его творчестве есть немало слабого, пустого и неинтересного. Много надуманного кривляния. Но очень много такого, которое его переживет и навсегда останется в литературе, как чудесные поэтические кристаллы». Тем не менее М. Грандов приходит к выводу: «Имя Есенина от времени не обветшает и будет блеснуть неподражаемой ясностью и чистотой созданных им образов».

Бениславскую приглашали на различные мероприятия, посвященные памяти умершего поэта. 6 января в «Доме печати» на Никитском бульваре состоялся Вечер памяти Есенина. Перед переполненным залом критики П. Коган и В. Полонский рассказали о творческой биографии Есенина. Артисты Качалов и Никритина читали «Письмо матери», «Исповедь хулигана», «Москву кабацкую». Государственный квартет Страдивариуса исполнил 5-й квартет Глазунова и «Адажио» Танеева. Многие друзья Есенина хотели выступить, но устроители концерта, учитывая позднее время, перенесли выступления поэтов и воспоминания на другой день.

8 января Г. Бениславская прочла в «Правде» материалы по увековечиванию памяти Есенина, согласно которым все расходы по похоронам поэта Совет Народных Комиссаров постановил принять на государственный счет. Обрадовалась, что на могиле поэта будет установлен памятник.

18 января в Московском художественном театре состоялось траурное заседание, на котором зачитали письмо Л. Троцкого «Памяти Есенина». С большим вниманием присутствовавшие вслушивались в слова партийного и государственного деятеля: «Мы потеряли Есенина — такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И как трагически потеряли! Он ушел сам, кровью распрощавшись с необозначенным другом, — может быть, со всеми нами. Поразительны по нежности и мягкости эти его последние строки (...). Умер поэт. Да здравствует поэзия! Сорвалось в обрыв незащищенное человеческое дитя. Да здравствует творческая жизнь, в которую до последней минуты вплетал драгоценные нити поэзии Сергей Есенин».

На вечере с воспоминаниями выступили критики В. Львов-Рогачевский, Л. Авербах, а в художественной части вечера — артисты Собинов, Качалов, Игорь Ильинский и другие. Стихи памяти Есенина прочитали поэты В. Казин и П. Орешин.

Близкие друзья и незнакомые ей люди выражали сочувствие Г. Бениславской. Однажды она получила записку от неизвестного ей Евгения Дорнева: «До сегодняшнего дня я относился к Вам враждебно. Почему? Может быть, из зависти, что Вы были близки Есенину, а я нет, что Вы его видели, а я нет и что Вы его — не

любили, а я любил. Но сегодня я узнал, что любили его и любите. И я Вас полюбил. Евгений Дорнев. 19.1.26 г.».

На официальные мероприятия Галина не любила ходить. Не очень приятно было на этих собраниях встречать тех, кто совсем недавно нелестно отзывался о поэте, печатали отрицательные рецензии и отзывы, ничего не делали, чтобы свернуть покойного на правильный путь.

«После похорон начались концерты, посвященные Есенину, — вспоминала Августа Миклашевская. — В Художественном театре пел Собинов, читал стихи Качалов. Но потом пошла спекуляция на смерти Есенина. Очень уговаривали и меня выступить на этих концертах. Читать стихи, посвященные мне. Я, конечно, отказалась. Но устроители все-таки как-то поместили мою фамилию на афише.

В день концерта Галя Бениславская привела ко мне младшую сестру Есенина — Шуру, почти девочку. Ей тогда, наверное, не было и пятнадцати лет. Галя сказала, что Шура хочет идти на концерт послушать, как я буду читать.

— Я не хочу, чтобы Шура ходила на эти концерты. Вот я и привела ее к вам, чтобы вы почитали ей здесь.

— Галя, я не буду читать на концерте. Я не поеду.

Как просияла Галя, как вся засветилась!».

Несколько раз Галина, одна или с Екатериной, навещала Мариенгофа и Никритину. Приходили обычно под вечер.

«Всякий раз Галочка была милой, тихой, собранной, — вспоминал А. Мариенгоф. — Без трагической маски на очень похудевшем лице. Изредка даже улыбалась. Но улыбка казалась какой-то извиняющейся: «А я вот все-таки улыбаюсь».

Курила Галя по-мужски, глубоко затягиваясь и выпуская дым из носа...».

Большим событием стал выход 1-го тома «Собрания стихотворений» С. А. Есенина. Как мечтал Сергей Александрович подержать в руках этот томик! Галине Бениславской первый том очень понравился. Когда поэт В. Эрлих в письме иронично заметил «Первый том неважец», она тут же отправила ему ответ: «Да сами Вы неважец, если первый том неважец. Я тоже фитела. Наш Госиздат стихи до сих пор еще так не издавал. Опечаток только много. А жаль».

Есенинский том вышел накануне именин Галины Бениславской. В воскресенье, 7 марта 1926 года, в ее квартире собрались родные поэта, близкие друзья, чтобы отметить это знаменательное событие.

«В воскресенье меня по всему городу разыскивал юноша Есенин (Илья), — вспоминал И. Евдокимов. — Жены, сестры и

ближайшие друзья решили отпраздновать выход первого тома «Собрания стих.» С. Есенина. Том издан превосходно. Я пришел в 12 ночи на квартиру бывшей его жены Бениславской. Были Воронский, Касаткин, Наседкин, В. Иванов, Серебряков, Зорин».

Друзьям было что вспомнить, но разговор постоянно возвращался к изданному первому тому. И. Евдокимов рассказал, как С. Есенин после получения разрешения на издание «Собрания стихотворений» возбужденно говорил: «Евдокимыч, я написал тысяч пятнадцать строк. Я, понимаешь, отберу самое лучшее, тысяч десять. Этого довольно: будет три тома. Понимаешь, первое мое «Собрание». Надо издать только хорошо».

Галина Бениславская хорошо помнила, как мечтал увидеть при жизни Есенин свое «Собрание стихотворений». Когда возникло первое предположение о выпуске собрания в Госиздате, он еще в 1924 году отчетливо представлял структуру книги, боялся, что в издательстве напутают. «Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний, — писал поэт с Кавказа Бениславской. — Вдруг помрешь — сделают все не так, как надо».

После смерти поэта обнаружилось много есенинских материалов, которые по тем или иным причинам не вошли в три запланированных тома. Было решено подготовить и выпустить дополнительный 4-й том. Его составителем и автором «Предисловия» стал И. В. Евдокимов, который определил структуру дополнительного тома, обосновал хронологический порядок расположения материала, привел краткую библиографию и высказал свое мнение о датировке стихотворений Сергея Есенина.

Галина Бениславская также принимала участие в работе над текстом «Страны негодяев». Она консультировала и по другим произведениям Есенина, тексты которых знала великолепно.

Напряженное лето 1926-го

Уйти из жизни Галина Бениславская решила твердо и окончательно. И это решение крепло с каждым днем. Она ни с кем свой замысел не обсуждала, даже самые близкие подруги ни о чем не догадывались. Уже после ее смерти Аня Назарова припомнила, что Галина иногда просила ее показать, как медики находят сердце. Сказано это было как-то кокетливо, поэтому и просьба была воспринята как шутка. Решение о самоубийстве Галина запрятала в самый отдаленный уголок своей души. «Есть только одно место в душе, — писала она Екатерине Есениной, — куда я ни тебя, ни кого другого не могу сейчас пустить. Это место я огородила год тому назад, с уходом Сергея, а после еще крепче законопатила его. Могу тебе сказать одно по этому поводу — вызвано это даже не любовью к Сергею, я его сейчас не люблю уже, вероятно, потому что его нет, а нельзя же любить «ничто».

У Галины до середины года продолжала жить Шура, учившаяся в московской школе. Бениславская оберегает девочку от всяких волнений, проявляет нежную заботу. 30 мая 1926 года они вдвоем сфотографировались на память, так как Шура должна была осенью возвратиться в Константиново для продолжения обучения в сельской школе.

В тяжелые минуты раздумий она иногда старалась объяснить свое состояние. Откровенно признавалась Екатерине Есениной: «Оттого, что он бросил бы меня вообще, могла быть тоска, но это еще не горе, иногда в этой тоске — счастье. Ты понимаешь, у меня была драгоценная вещь, которую я очень любила и которой дорожила, гордилась даже. И вдруг узнала, что она фальшивая, что ее на самом деле, выходит, и не было никогда у меня. Это куда хуже, чем потерять. Вот после этого я и начала «огород городить вокруг себя». Ведь если я ошиблась в самом дорогом, так стоит ли в кого-нибудь верить, кого-либо подпускать к себе! А позже, еще до Рождества, когда я говорила тебе, что он ищет конца, я поняла уж, что дело не в том, что я ошиблась, а что Сергей попал в тупик и оттого он такой некрасивый. Но от этого сознания было не лучше — я была связана по рукам и ногам, я пальцем не могла двинуть, чтобы помочь Сергею».

На кладбище к могиле Есенина Галина старалась не ходить. Екатерина Есенина 23 июня обратилась к С. А. Полякову: «Потом очень прошу позаботиться насчет ограды, если вам некогда, то поручите это Г. А. Бениславской, адрес которой я вам уже оставляла и еще напишу на всякий случай...» Бениславской сообщили об этой просьбе, но она к ней отнеслась сдержанно.

Постаралась в письме обосновать свою точку зрения.

«Милая Катька, глупая, милая Катька, — писала она 2 августа. — Я-то тебя понимаю, понимаю ничуть не меньше прежнего; знаю, что и ты меня понимаешь, понимаешь во многом, почти во всем. (...). Я сейчас не хожу на могилу, потому что вид ее приводит меня в бешенство, вернее, не вид, а то глупое мучительное, тоскливое замирание, какое невольно появляется во мне, когда я там. Ведь я прекрасно знаю, что могила — это не Сергей, его нет нигде, во всем мире нет и не может быть его, так чего ж я, дура, ищу в этой могиле; чего ж я, дура, смотрю с безумной болью на карточку, чего ж я ищу в этой карточке — ведь все равно его нет со мной, его нет вообще нигде. Зачем же возвращаться к этому, почему не уйти и зачем оглядываться в эту ужасную пустоту. При всем моем романтизме, я не могу ничего получить от поклонения могиле и карточке, я не могу примириться и найти утешение в печали, оплакивании в слезах. Слишком я все же трезвый и рассудочный человек. Эта трезвость поддерживает романтизм тогда, когда есть куда стремиться; тогда я куда угодно и на что угодно могу дойти. И это некуда идти началось весной прошлого года — не от того, что Сергей ушел, а оттого, как он ушел, как грубо разрушил тот облик свой, который я любила. Значит, я не туда отдала все самое лучшее, куда надо было, не раз думала я. Это был первый за всю мою жизнь удар. Гора и несчастья в обычном понимании для меня нет».

Бениславскую продолжало интересовать все, что было связано с С. Есениным. Она собирала материалы о биографии и творчестве поэта, писала «Воспоминания о Есенине», просила Аню Назарову также засесть за мемуары.

Мемуары Галина Бениславская писала с большим душевным напряжением. «Воспоминания Бениславской, — свидетельствует известная исследовательница творчества С. А. Есенина Н. И. Шубникова-Гусева, — так и не были вполне закончены и отделаны. Последние страницы написаны от руки и не отпечатаны. Некоторые эпизоды самых тяжелых дней сильно затянuty и нуждались в сокращении. Неотредактированные куски нарушали объективное соотношение трезвых деловых дней и пьяных вечеров. (...) Субъективизм и даже предвзятость Бениславской, особенно в оценке есенинского окружения, также вполне понятны: быть беспристрастной она не могла, настолько глубоко все происходящее задевало и ранило ее. За это она уже решила отплатить собственной жизнью. Отсюда поспешные, часто неверные суждения о том или ином лице: Клюеве, Ганине, Дункан, Сахарове и др. Теперь она обвиняла всех, кто пользовался доверием, помощью и поддержкой Есенина».

В «Воспоминаниях» при характеристике того или иного лица Галина Бениславская руководствовалась принципами, о которых писала Е. Есениной 2 августа 1926 г.: «У меня очень большие требования к жизни, не к платьям, не к роскоши и положению, а к содержанию людей и отношений с людьми, с которыми мне по пути в жизни. Если человеку есть чем заплатить, есть в нем духовное богатство, то его недостатки, пороки и прочее, все для меня окупается. И наоборот при духовном убожестве, я делаюсь нетерпимой к малейшей неловкости, не только что к недостаткам.»

Не все запомнившиеся события вошли в текст воспоминаний. Как-то попалась Галине книга «А. Блок. Стихи (1898–1921): не вошедшие в собрание сочинений». Сборник был издан в Петрограде в 1924 г. с предисловием Л. Блок (Менделеевой), жены поэта. Г. Бениславская на отдельном листочке прокомментировала: «С. А. читал весной 1925 г. Был возмущен женой Блока, что она по недомыслию или «деньги ей, что ли, нужны, вытаскивает грязное белье Блока, публикует неудачные, им самим отброшенные стихи. 25/IX — 26». В «Воспоминания» этот эпизод не включила.

Бениславская просит А. Назарову вспомнить и записать некоторые важные события и эпизоды из жизни Есенина. 20 июля 1926 года А. Назарова приезжает к себе на родину вместе с собакой Есенина по кличке Сережка. Она так сильно заботилась о собаке, что не находила времени для записи воспоминаний о поэте.

Свои воспоминания опубликовала подруга Бениславской Софья Виноградская. В 1926 году в библиотечке серии «Огонек» (№ 201) вышла небольшая ее книжечка «Как жил Есенин», в которой рассказывается о взаимоотношениях поэта с родными, друзьями, знакомыми, о неустроенности его быта, об отношении Есенина к молодым поэтам, в судьбе которых принял немалое участие. Это было участие «не только советом: он оказывал многим жизненную поддержку... Бездомные, без денег, они находили у него приют, ночлег, а ко многим он настолько привязывался, что втягивал их в свою жизнь». По словам С. Виноградской, ее воспоминания — «это лишь наброски, штрихи того Есенина, каким его удавалось видеть в течение нескольких лет». Повела об истории создания стихотворений «Есть одна хорошая песня у соловушки...», «Ты запой мне эту песню...», «Годы молодые...». Показала сложную, противоречивую фигуру Есенина, «мученика своих же стихов»: «Он злился за то, что все свои мысли, все свои чувства выливал в стихах, не оставляя тем самым ничего для себя. Не писать он не мог. А в промежутках

между писанием он хворал, пил...». И далее: «Вне стихов ему было скучно. Они словно высасывали из него все соки. Ведь к стиху своему он был очень требователен. Он пел не голосом, а кровью сердца...». С. Виноградская сделала вывод, что «правдивость — одна из самых характерных черт творчества Есенина. Будущий библиограф установит эту исключительную, непосредственную связь между сюжетом в стихах и событиями в жизни поэта».

Роковой шаг

Бениславская строго распланировала, что ей нужно сделать перед уходом из жизни. Она привела в порядок имевшийся у нее архив С. Есенина, оставшийся после его смерти. О том, что она работала с этими документами, свидетельствуют оставленные ею пометы на письмах и автографах поэта. Многие знали, что у нее хранятся ценные есенинские материалы. Профессор Е. Ф. Никитина обратилась к Бениславской 25 февраля 1926 г. «Очень прошу Вас, — писала она, — помочь нам в работе над увековечиванием памяти С. Есенина и представить на крайне краткий срок материалы, о которых говорил Вам уже Вадим Габриэлович (Шершеневич). Он вчера никак не мог свестись с Вами, несмотря на все старания и предложил мне обратиться к Вам лично. Отвечаю за каждую букву, полученную от Вас. Была бы рада повидаться с Вами и, если хотите, передам Вам имеющийся у меня материал, связанный с дорогим мне образом Есенина».

Галина Бениславская тщательно обработала свой личный архив и значительную его часть, как и другие дорогие и памятные ей личные вещи, фотографии и рисунки, оставила А. Г. Назаровой, которая хранила их долгие годы.

На различные житейские ситуации не обращала внимание. В сентябре получила официальное письмо от юрисконсульта издательства «Правды» и «Бедноты»:

«10/9. 1926. Галине Артуровне Бениславской. Москва, Брюсовский переулок, № 2.

За Вами числится долг Издательству «Правда» и «Беднота» в сумме 220 рублей, который Вами до настоящего времени не уплачен.

Ввиду этого Издательством поручено мне предъявить к Вам в указанной сумме иск. Сообщая об этом, предлагаю Вам уплатить числящуюся за Вами сумму, не доводя дела до Суда. При получении от Вас ответа до 15 сентября 1926 г. дело будет направлено в суд».

Бениславская вспомнила, как с ней поступили несправедливо, сократив ее на работе, хотя она болела. Она многое могла бы сказать в оправдание, почему сумма не погашена, но разве они поймут. Она приписала на письме: «Опоздали! Теперь уж ничего не получить Вам с меня. Не сокращайте так по-свински. Ура!».

Галина знала, что дело до суда дойти не может, так как ее уже не будет в живых.

3 октября 1926 года в день рождения Есенина Галина Бениславская написала свое завещание. Написала на листке бумаги в клеточку простым карандашом.

...

«Все на нижней полке этого шкафчика — Шурке, лично ей. И ей же — непременно самовар, пусть всегда вспоминает, как мы все с Сергеем за ним чай пили. Вообще же все мои вещи и обстановку, если это возможно (черт их знает, какие у нас законы для таких безродных, как я!), все тоже Шурке.

Чужие книжки у меня доставьте их владельцам:

1. Качалову.

2. Берестовой.

3. Грузинову.

4. Ане.

Галя.

Все мои бумаги: пусть Аня позаботится о них — я их ей отдала и говорила, что я их всегда у нее хочу держать.

Галя.

З/Х».

Сделать роковой шаг в этот день Бениславская не решилась. Она вспомнила, что не закончила писать дневник, а ей нужно рассказать о самых трудных минутах своей жизни. После смерти любимого все ее поступки оценивались совершенно не так, как это было при живом Есенине. Обида на него исчезла. Галя чувствовала свою вину в его смерти, но никак не могла точно определить долю своей вины.

Она все продумала. Даже дату своей смерти выбрала не случайно. Число совпадает с днем рождения Есенина, а месяц — с месяцем его ухода.

Зная несовершенство своего поэтического дара, Галина все же решается выразить свое состояние в стихотворении:

Женщин любил ты жадно и много.
Тобою любимой могла быть и я.
Сегодня ж спокойно стою на пороге
Близкого вечного небытия.
Милые, милые. Дружбой и лаской
Вы не вернете того...
То, что приснилось ликующей сказкой,
То, что навек отцвело.
Улицы плачут, поют и ругаются.
За городом тополь шумит.
Что не сбылось — вовек не сбывается.
Сердце — тоску ты уйми.
Я — не любимая, только желанная,
Долго искал ты меня.
Все ворожила гитара цыганская,
Радостью, счастьем звеня.
Может, и нас обманула гитара.
Мы ли ошиблись вновь.
Может, из боли, как мир этот, старой,
Снова родится любовь.
Забылась улыбка, забылися кудри,
Не вспомнить мне песен твоих.
В памяти ты лишь скорбный и мудрый
В последнем прощанье затих.
Ждала тебя жадно, ждала тебя много.
Любимой — одною хотела быть я.
Сегодня ж спокойно стою на пороге
Близкого, близкого небытия.

Получила от Екатерины из Константинова письмо. Пишет о разных мелочах. Хотя нет, в конце вспомнила и о брате: «О Сергее я вообще говорить избегаю, — писала Екатерина, — т. е. не о Сергее, а о его делах. Всей этой сволочи, которая его грызет, я про себя говорю Сергеевой пословицей: «Мышиными зубами горы не подточишь». Еще просьба, исполни, пожалуйста. В годовщину Сергея закажи на кладбищенской церкви большую панихиду о нем на свои деньги. Не смейся, пожалуйста, над этим, у тебя тоже бывают странности: я хотела сделать на его рождение, но не было таких денег, а на долгий срок тут занять не у кого. На родительскую субботу я ходила в церковь. Не думай, что я верующая, это так, хоть маленькое утешение мне».

Перед смертью Бенислаская часто думала об Александре.

Написала ей записку: «Шуренок, жаль оставлять тебя, хотелось бы довести тебя лет до 20, но я стала плохим поводом...»

На подаренной Есениным рукописи 6-й главы «Лунный парус над саратовской крепостной стеной» Галина на первой странице написала: «Гонорар за это — Шурке купить гармонию. Это обязательно. Сергей хотел, чтобы она играла на гармонии. 13 /IX — 26. Г. Бениславская».

Отговорить от самоубийства Бениславскую никто не мог, так как о ее намерениях никто не догадывался. В то же время ее решение уйти из жизни было окончательным.

5 декабря 1926 года в разделе «Извещения» газеты «Правда» появилось объявление:

«Друзья извещают о безвременной кончине Гали Бениславской, последовавшей в ночь на 4 декабря. О дне похорон будет объявлено особо».

Всего две маленькие, небольшие строчки, которые породили различные слухи о самоубийстве. Общественного ажиотажа не было. Не очень многие лично знали покойную, еще меньше были осведомлены о ее когда-то близких отношениях с поэтом Есениным.

Милиция открыла уголовное дело, следователи стали опрашивать свидетелей.

Похороны взяли на себя близкие подруги, оповещая близких и знакомых по телефону. Дозвонились до Зинаиды Николаевны Райх, которая летом встречалась с покойной и даже подарила ей свою фотографию со своими детьми. «Кто-то позвонил нам и сказал, что Галя стрелялась и ее увезли в больницу, — вспоминала Татьяна Сергеевна Есенина, дочь поэта. — Из разговора мама не поняла, что Гали нет в живых, она помчалась в больницу с букетом цветов, вбежала в какую-то комнату и остолбенела — там уже началось вскрытие».

7 декабря повторно в «Правде» опубликовали траурное оповещение: «Родные извещают о смерти Галины Бениславской. Похороны состоятся сегодня на Ваганьковском кладбище. Вынос тела из анатомического театра 2-го МГУ в 10½ час. утра».

В тот же день в газете «Известия» было опубликовано официальное сообщение от имени сотрудников последнего места работы Г. Бениславской:

«Работники Главконцесскома при СНК СССР скорбят о безвременной смерти тов. Галины Бениславской. Похороны на Ваганьковском кладбище 7/XII. Сбор в 10.30 м. у анатомического театра 2-го МГУ».

Похороны прошли скромно. Похоронили Галину Артуровну Бениславскую рядом с могилой Сергея Есенина.

Составленное «Дело о смерти Бениславской» было направлено следователю 7-го участка Краснопресненского района 18 декабря 1926 года, все вещественные улики по квитанции № 11395 были сданы 23 декабря на Петровку, дом 38.

Вместо заключения

В настоящее время известно 35 писем, записок и телеграмм и 1 дарственная надпись Есенина Галине Бениславской, а также 14 писем Бениславской Есенину. Опубликован ее дневник за 1918–1926 годы, в котором раскрыты ее сложные взаимоотношения с Сергеем Есениным, друзьями и знакомыми.

К творческим и личным отношениям Сергея Есенина и Галины Бениславской есениноведы давно проявляли интерес. Первые свидетельства о Г. Бениславской встречаются в мемуарах И. Шнейдера («Встречи с Есениным. Воспоминания», М., 1966), А. Миклашевской, Я. Козловской, Н. Чхеидзе («Литературная Грузия», 1969. № 5–6). Краткий биографический очерк «К истории одной дружбы (Есенин и Бениславская)» опубликовал Е. П. Наумов в 1970 году («Русская литература», Л., № 3). Обратив внимание на «особую близость С. Есенина с Г. Бениславской», исследователь пришел к выводу, что «только сейчас перед нами начинает вырисовываться во всей своей необыкновенности эта незаурядная личность». Только в 1992 году стали доступными широкому читателю «Воспоминания о Есенине» и фрагменты «Дневника» Г. А. Бениславской. Но это были только первые попытки изучения биографии Г. А. Бениславской. После издания в 2008 году монографии Н. И. Шубниковой-Гусевой «Сергей Есенин и Галина Бениславская» можно утверждать о появлении наиболее завершенной творческой биографии близкого друга С. Есенина.

Следует полностью согласиться с заключением Н. И. Шубниковой-Гусевой, что наши знания о Галине Бениславской теперь значительно обогатились, что «только сейчас все яснее вырисовывается ее личность и та исключительная роль, которую она сыграла в жизни и творчестве Есенина и в истории литературы, оберегая поэта и помогая составлению и изданию его произведений. Она заслужила признание истории».

Использованная литература

Шубникова-Гусева Н. И. Сергей Есенин и Галина Бениславская. — СПб., ООО «Изд-во «Росток», 2008.

Бениславская Г. А. Дневник. Воспоминания. Письма к Есенину. Вступ. ст. и послесловие Л. Ф. Карохина. СПб., Фонд «Содружество», 2001.

Бениславская Г. А. Воспоминания о Есенине. Дневник (фрагменты) // В кн. С. А. Есенин. Материалы к биографии. — М., «Историческое наследие», 1883.

Назарова А. Г. Воспоминания. — В кн. С. А. Есенин. Материалы к биографии.

Есенин глазами женщин : Антология. (Сост., предисл., коммент.п. Фокина). — СПб, ТИД «Амфора», 2006.

Жизнь Есенина . Сост., вступ. ст. и прим. С. П. Кошечкина. — М., «Правда», 1988.

С. А. Есенин в воспоминаниях современников в двух томах. Том второй. М., «Художественная литература», 1986.

Сергей Есенин глазами современников (вступ. ст., сост., подг. текста, коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой). — СПб, ООО «Издательство «Росток», 2006.

Сергей Есенин в стихах и жизни: воспоминания современников (Сост. и общая ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой) — М., «ТЕРРА», «Республика», 1997.

Полное собрание сочинений С. А. Есенина в семи томах (9 книг). М., «Наука-Голос», 1995–2001. Том седьмой. Книга третья.

Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы . (Общ. ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой. Сост. С. П. Митрофановой-Есениной и Т.П. Флор-Есениной). — М., «Республика», 1995.

Наумов Е. И . К истории одной дружбы (С. Есенин и Г. Бениславская). Л., «Русская литература», 1970, № 3.

То же / В кн. Н. Наумов Е. О спорном и бесспорном. Статьи. — Л., «Советский писатель», 1979.

Наумов Е . Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. — Л., Лениздат, 1973.

Бебутов Г . О «дальней северянке» (Г. А. Бениславской). — В кн. Бебутов Г. Дом под чинарами. Тбилиси, 1970.

Бебутов Г . Дальняя северянка (О Г. Бениславской). — В кн. Бебутов Г. Отражения. Тбилиси, 1973.

Вержбицкий Н. Женщины в жизни и поэзии Сергея Есенина. — «Простор», 1967, № 3.

Чхеидзе Н. Из воспоминаний (о Г. А. Бениславской). — «Литературная Грузия», Тбилиси, 1969, №№ 5–6.

Шубникова-Гусева Н. «Гая, милая...» (Сергей Есенин и Галина Бениславская. Страницы из новой книги). — «Современное есениноведение», Рязань, 2007, № 7.

Шубникова-Гусева Н. «А хорошо было у вас...» Четыре поездки Галины Бениславской в Константиново. — «Современное есениноведение», Рязань, 2008, № 8.

Грибанов Б. Женщины, любившие Есенина. — М., ТЕРРА — Книжный клуб, 2002.

Обыденкин Н. В. Россия поклоняется Есенину...». Рязань, «Узорочье», 2001.

Занковская Л. В. Новый Есенин: Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии. — М., «Флинта», 1997.

Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. — М., «Современник», 1998.

Сибикин В., Ханаев Б. С. Есенин и женщины. — Кемерово. «Притомское», 1993.